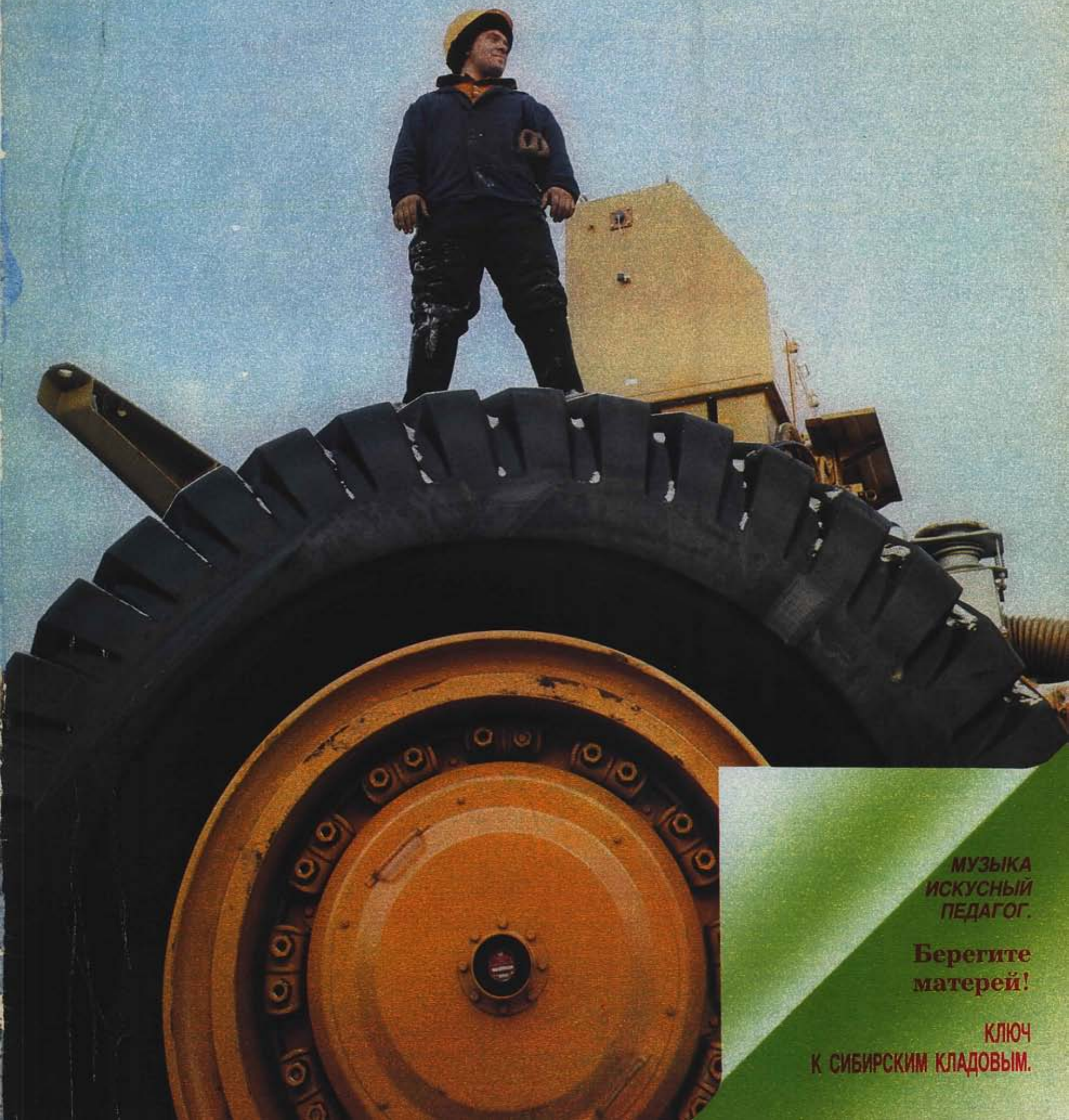

ISSN 0131-6656

СМЕНА

№ 3 (1385) ФЕВРАЛЬ 1985

МУЗЫКА
ИСКУСНЫЙ
ПЕДАГОГ.

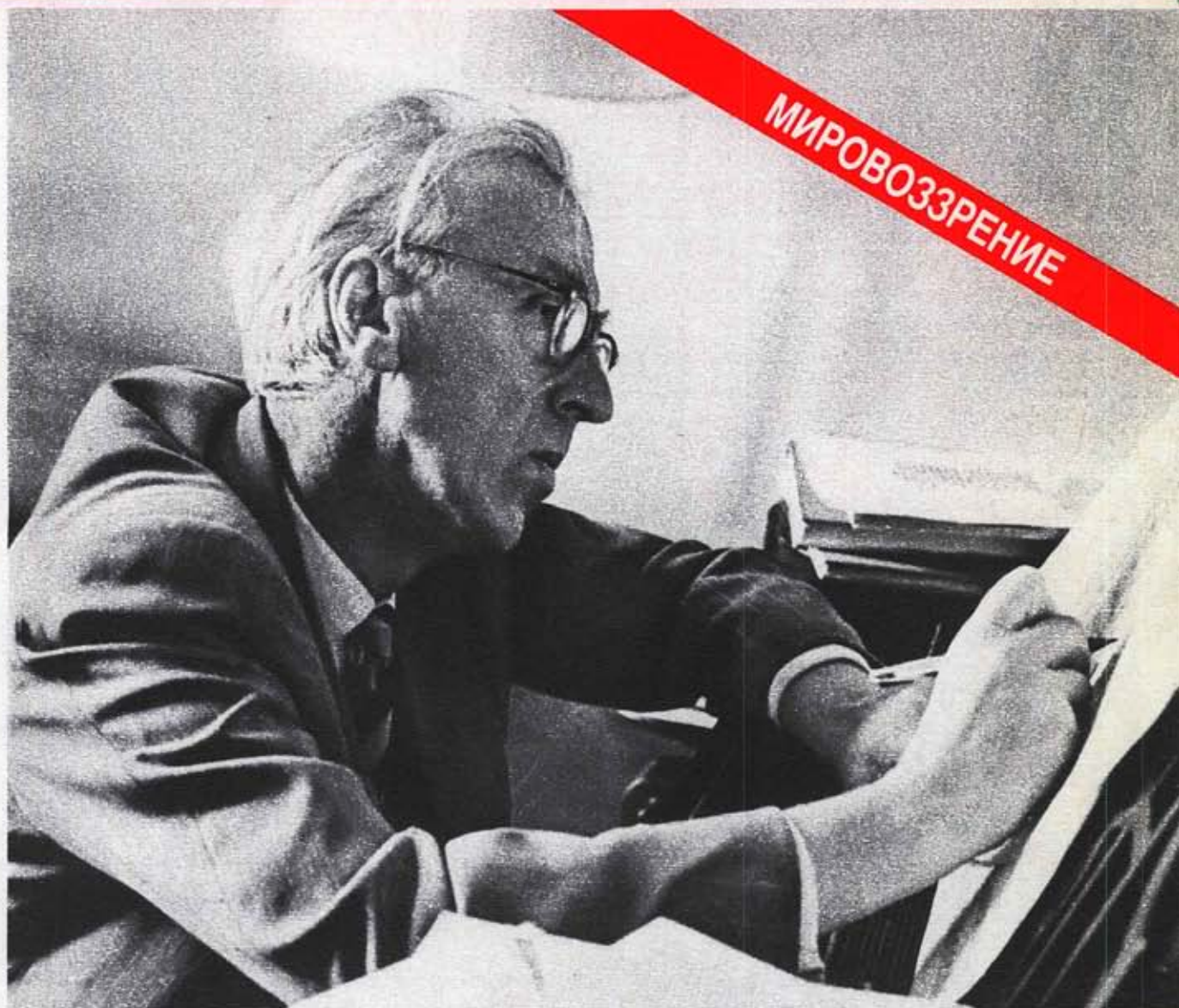
Берегите
матерей!

КЛЮЧ
К СИБИРСКИМ КЛАДОВЫМ.

ШКОЛЬНЫЕ

МИРОВОЗЗРЕНИЕ, ЗАКАЛКА, НРАВСТВЕННОСТЬ, КУЛ

Дорогой читатель!
Блок материалов, открывающих этот номер и составляющих добрую его треть, мы объединили общим тематическим названием: **ШКОЛЬНЫЕ ПЕРЕМЕНЫ**. И вот почему. «Смена» постоянно на своих страницах обращалась к явлениям и проблемам, затрагивавшим различные аспекты школьной реформы. Мы стремились привлечь внимание читателей к тому, на что в будничной практике воспитания детей и подростков стоит обратить первоочередное внимание, что надо исправить и усовершенствовать. Мы рассказывали об опыте педагогики достойного подражания и повторения. Общественно важная работа, намеченная партийными постановлениями и ставящая своей целью дальнейшее развитие системы народного образования, укрепление связи школ и ПТУ с жизнью, формирование в молодом человеке активной личности, патриота своего Отечества — работа эта долгосрочная. Требующая объединения усилий многих социальных институтов, воспитателей всех рангов — хозяйственников, ученых, творческой интеллигенции, комсомола, внимания прессы и твоего участия, уважаемый читатель, тоже. Продолжая разговор на эту тему в новом году, мы рассчитываем на обратную связь с друзьями «Смены» — письмо в редакцию, добрый совет, интересное соображение — все это на пользу общему делу. **ШКОЛЬНЫЕ ПЕРЕМЕНЫ** — они сегодня происходят повсеместно, тут и там, где взрослеют, учатся и воспитываются наши дети. Перелистав страницы этого номера читатель, ты соприкоснешься с фактами и страницами жизни, с ситуациями, где: формируется мировоззрение молодого человека; происходит его физическая закалка; воспитывается нравственность; приобретается культура; создаются материально-технические возможности для становления личности; идет проверка на взросление; молодежь постигает такое важнейшее жизненное понятие, как человеческий долг. А ваша оценка этих же жизненных обстоятельств? Ждем писем и откликов, дорогие друзья!

МИРОВОЗЗРЕНИЕ

Я безгранично верю в могучую силу музыки. И потому мне горько видеть, когда многие не понимают, что может дать человеку музыка, пользуются ею только для развлечения, не требующего усилий ума, сердца. Зато, когда встречаюсь с замечательными примерами влияния музыки на людей, испытываю глубочайшую радость. Особенно если речь идет о детях, подростках, молодежи. Сейчас перед нами стоит сложная задача: во-первых, преодолеть в девушках и юношах крепко сидящий в них предрассудок, будто старшие хотят «отнять» у них легкую музыку, а во-вторых, убедить их в том, что, стремясь вызвать в них интерес к серьезной музыке, мы хотим обогатить их духовный мир, а не оскучить и тем более не обеднить его! При этом не надо путать «легкость содержания» и «легкость восприятия». Через второе лежит путь в настоящую, большую музыку. Повторяю, у молодежи не должно возникать мыслей о том, будто кто-то хочет лишить их легкой музыки. А эта мысль начинает зреть уже в школе, поскольку в действовавших прежде программах по музыке и пению легкая

Дмитрий КАБАЛЕВСКИЙ:

УЧИТ

музыка полностью отсутствовала. Школа делала вид, будто легкой, эстрадной музыки в природе не существует. Это, пожалуй, «наилучшее средство» отбить у ребят интерес к серьезной музыке, даже если его удалось вызвать в младших и средних классах. Потребность в легкой, развлекательной музыке абсолютно естественна для нормально растущего человека, умеющего не только трудиться, но и отдыхать.

Дмитрия Борисовича Кабалевского часто называют «главным учителем музыки». Но Кабалевский прежде всего один из ведущих наших композиторов, блестящий исполнитель — дирижер и пианист, выдающийся общественный деятель. И именно поэтому нет равного ему сре-

ди педагогов, раскрывающих перед детьми тайны волшебного мира музыки, искусства. Международное общество по музыкальному воспитанию детей (ИСМЕ) избрало Кабалевского почетным президентом.

Не имея твердых знаний, убеждений, вкуса, трудно ориентироваться в бесконечных потоках информации, в том числе и в любом жанре искусства. В информативном потоке музыкальный океан особенный. Замечательный русский композитор и критик Александр Николаевич Серов сказал однажды, что «все плохое в музыке гораздо более навязывается, чем в других искусствах».

Радио, телевидение, кино, магнитофоны, эстрада обрушивают на нас свою музыкальную информацию, в

перемешаны

БТУРА, ВОЗМОЖНОСТИ, ВЗРОСЛЕНИЕ, ДОЛГ МОЛОДЫХ

которой все вперемешку: и самая высокая музыка, и шлягеры-однодневки, и просто безвкусица.

Само ухо отбирает без малейшего напряжения ума то, что подступнее, по привычке. Не столько хорошее, сколько модное. Как же разобраться, что хорошо, что плохо?

Нет, не всегда плохо то, что доступно и броско. С детства мы слышим немало прекрасных песен, которые и прекрасны-то своей простотой. И в классике, и в творчестве современных композиторов есть много произведений, доступных каждому, но в то же время истинных шедевров. Именно поэтому и становятся они для многих первым потрясением, первой ступенью в необъятный и сложный музыкальный мир. Простое — это не примитивное, а чтобы отличить одно от другого, требуются уже художественный вкус, знания.

— Развить хороший вкус у тех, у кого он уже испорчен, — считает Дмитрий Борисович, — запретами нельзя. Позиция запрета, с воспитательной точки зрения, очень уязвима. Чаще всего она вызывает подспудные настроения протеста и недоверия. Пусть ребята слушают все. Но надо помогать им разбираться, самим доходить до понимания настоящего искусства. Ребята должны знать, что современная музыка развивается сложно, переживает острейшие противоречия, не без влияния извращений со стороны буржуазного искусства. Важно, чтобы юные слушатели с помощью наставников, но не просто с их слов, а сами поняли и прочувствовали разницу между правдой и ложью в искусстве, как и в жизни. Понять все это очень важно: ведь музыка создается не только теми, кто сочиняет ее, но и теми, кто ее слушает!

Основная идея культурной революции, выдвинутая В. И. Лениным, — «Искусство принадлежит народу». Нет необходимости подробно расшифровывать, какое искусство имел в виду Ленин, говоря, что наш народ, сотворив-

самых разных возрастов и профессий, которые не могут жить без настоящей, большой и серьезной музыки. И все-таки это малая часть любителей музыки. Большинство предпочитает музыку облегченную, бытовую, впрочем, и там не проявляя должного вкуса, легко меняя в своих увлечениях одни песни-однодневки на другие. Как быть с этим большинством? Может быть, они все-таки в чем-то правы, и не следует навязывать людям то, в чем они не ощущают потребности и без чего спокойно могут прожить? Впрочем, разве нельзя «прожить», не прочитав ни одной книжки? Можно жить и совершенно неграмотным, но это не нормальная жизнь, это несчастье, достойное глубокой жалости. Полноценная жизнь немыслима без настоящей красоты, а значит, без искусства, без музыки в самом высоком смысле.

— Настоящее искусство широко и многогранно: народная песня или прелюдия Баха — это разные стороны истинной красоты. Простые в восприятии «бытовые» народные песни — бесценное сокровище. И не станет музыки, не будет музыкантов, не будет симфоний, если песни эти вдруг исчезнут. Тогда как модная поделка уходит безболезненно, незаметно. Потому что нет в ней истинности и взращивает она бездуховность. На нее, бездуховность, и опирается мощная современная буржуазная индустрия развлекательной музыки, которая, кстати, не так уж безобидно развлекательна. Она агрессивна в своем активном стремлении уничтожить и классическое и народное искусство. Уничтожить гуманистические идеалы.

...Говорить с Кабалевским непросто. Непросто при всей его доступности и невероятной внимательности, терпеливом и добром отношении к собеседнику. При всей его обязательности и бесконечной тактичности. Но он всегда очень занят. Встречи, беседы, лекции, концерты, депутатский при-

— Думаю, глубоко не правы те, кто считает, что любые разговоры о музыке непременно ведут к упрощению и вульгаризации, что слова отводят внимание слушателей от самой музыки в область чуждых ей «околомузыкальных» ассоциаций. Такое, конечно, бывает, и, к сожалению, нередко, но отнюдь не означает, что всякий разговор, всякое слово мешают научности музыкального восприятия, самой музыке. Дело в том, видимо, какое это слово.

Все следует делать с любовью и умением. Одна скучная беседа или лекция об искусстве для детей — это не только потерянный час времени, это потеря слушателя, аудитории. Неинтересную лекцию, беседу дети часто воспринимают как неинтересность такого вида искусства, о котором им рассказывают. И тогда эти дети окажутся для искусства потерянными.

Скука — «убийца» жизни и трижды — «убийца» искусства.

На основе собственного опыта и наблюдений я пришел к выводу, что бесполезно и скучно для слушателей рассказывать о построении музыкального произведения, пересказывать музыку словами, часть за частью, тема за темой. Самое важное — действительно ввести слушателя в атмосферу, в которой рождалось само произведение, рассказать о жизненных обстоятельствах, в которых оно было задумано и рождено композитором.

«Родители» музыкального произведения — композитор и жизнь. Понять сочинение — это значит понять, как родился замысел и как композитор переплавил его в своем творческом сознании, почему воплотил именно в эту, а не в другую художественную форму. Не менее важна и дальнейшая жизнь и судьба самого произведения. Все это я называю биографией художественного произведения и глубоко убежден, что знание этих биографий и составляет основу художественного образования слушателей. Самый краткий рассказ о трагической любви Бетховена к его ветреной ученице Джульетте Гвиччарди даст слушате-

очередной модной волной, что их именитые наставники просто противники современных поисков в музыке, противники легкой музыки вообще?

— Настоящему творчеству нужна смелость. Но очень печально, когда смелость проявляется только в области формальной, сводясь преимущественно к поискам «новых» и притом обязательно усложненных средств выразительности. Смелость молодого композитора хочется ощутить прежде всего в смелой постановке и эстетически прекрасном решении новых идейных задач, связанных с передовыми идеалами нашего времени, в умении острым взглядом художника-гражданина увидеть и запечатлеть в искусстве образы, рожденные жизнью, сделав тем самым искусство частью этой жизни.

Превыше всего, превыше себя, превыше искусства художник должен любить жизнь. Ибо жизнь — источник его вдохновения, основа содержания его творчества, ключ к подлинному искусству!

Я глубоко убежден также, что все направление, весь дух нашей жизни и культуры ведут к возрождению (конечно, по-новому, на новой основе) того единства, в создании так называемой легкой и серьезной музыки, какое существовало в давние времена, когда композиторы с равной охотой, вдохновением и мастерством сочиняли балетные танцы и оперы, популярные песни и оратории, детские пьески и симфонии.

В музыкальных школах и училищах вкус и знания формируются под наблюдением и с помощью опытных педагогов. Но музыка ведь существует не только для профессионалов. Как же быть остальным? Как прийти к музыке, не подменив ее по незнанию низкопробными образцами стандартного тиражирования? Чтобы не замкнулся духовный мир в потоках модных шаблонов, чтобы не обкрадывали себя люди с детства, чтобы каждый мог найти живительные родники в океане музыки. Кроме школьных педагогов, немало еще талантливых музыкантов, которые бескорыстно дарят свое время, свой талант тем, кто никогда не станет музыкантом, но, может быть, научится слушать и понимать музыку. И, пожалуй, нет среди этих энтузиастов человека более щедрого, чем Дмитрий Борисович Кабалевский. «Думаю, многое бы изменилось в музыкальном воспитании, если бы каждый из композиторов и исполнителей осуществил хотя бы небольшую долю того, что делает Кабалевский!» — сказал Тихон Николаевич Хренников.

Но где же истоки этой бесконечной любви к детям, где берет начало это исключительное педагогическое мастерство? Когда состоялась первая встреча композитора с маленькими слушателями?

Дмитрий Борисович вспоминает:

— Моя первая беседа с детьми о музыке состоялась в 1935 году в Артеке. С того времени у меня сохранилась пожелтевшая вырезка из газеты «Советское искусство» с фотографией: на берегу Черного моря, у самой воды стоит пианино, а я, сидя за инструментом, о чем-то рассказываю обступившим

ВСЕ О МУЗЫКЕ

ший Великую революцию, заслужил на него право, и что искусство должно ему принадлежать, — это достаточно хорошо известно читателю. Ленин настаивал на том, чтобы не путать настоящее, большое, великое искусство с развлечением (развлекательными зрелищами). И любое из любимых Лениным произведений может служить образцом большого, великого искусства, будь то «Дубинишка», Патетическое трио Чайковского или Пятая симфония Бетховена.

Разве это не помогает нам уяснить, какое содержание следует вкладывать в понятие «высокий музыкальный вкус», что надо понимать под «высокой музыкальной культурой»?

В концертные консерваторские залы приходит множество слушателей

ем, не говоря уж о радио и телевидении. И еще. Надо слушать музыку, создавать свою. Однако в разговоре Дмитрий Борисович никогда не потропит собеседника, не намекает на занятость, о которой и без того красноречиво говорят раскрытый рюкзак и письменный стол с начатыми нотными страничками и горами вскрытых писем.

И трудно, почти невозможно избрести вопрос, на который Кабалевский уже не ответил бы точно и обширно, который не задавали дети из разных стран — самая любознательная часть жителей планеты, который не поставила перед композитором вся его многолетняя практика, долгие поиски и раздумья о музыке, о ее роли в жизни человека.

лю несоизмеримо больше, чем любой самый тщательный разбор построения формы и фактуры «Лунной сонаты».

Воспитание — дело сложное, тонкое. Потому всегда будут в нем нерешенные проблемы и новые непредвиденные вопросы. И, безусловно, самый верный путь музыкальной педагогики — смелый поиск, эксперимент, но непременно опирающийся на богатый практический опыт, взвешивая анализ достижений и ошибок, прошлых и сегодняшних. И, конечно, мудрое желание понять собеседника, пусть гораздо менее опытного, несведущего, что, увы, часто не мешает ему быть заносчивым и агрессивным.

Не подумают ли, скажем, наши юные читатели, ныне увлеченные

Пролетарии всех стран, соединитесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц.

№ 3 (1385) ФЕВРАЛЬ 1985

МОСКВА, ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Наша обложка:
масштаб Нерюнгри.
Слесарь-монтажник
Валерий
Медведев
на сборке БелАЗов.

Фото
Сергея
ВЕТРОВА.

- 1** ШКОЛЬНЫЕ ПЕРЕМЕНЫ :
МИРОВОЗЗРЕНИЕ, ЗАКАЛКА, НРАВСТВЕННОСТЬ,
КУЛЬТУРА, ВОЗМОЖНОСТИ, ВЗРОСЛЕНИЕ,
ДОЛГ МОЛОДЫХ.
- 8** Рассказ Натальи ДАРЬЯЛОВОЙ «КРИТЕРИЙ СЧАСТЬЯ».
- 12** «ПОВЗРОСЛЕВШИЕ НОВОСЕЛЫ».
Фотоочерк Алексея ВОРОБЬЕВА и Сергея ВЕТРОВА.
- 14** Поэма Виталия КОРОТИЧА «ПАРК ВЕЧНОЙ СЛАВЫ».
- 15** ЛИТЕРАТУРНЫЙ ГЛОБУС «СМЕНИ».
Стихи монгольского поэта ЦЭДЗВА.
- 18** Евгений СЕРГЕЕВ, академик.
«РЕНТГЕНОЛОГИ ЗЕМЛИ».
- 20** БЕСЕДЫ О СПОРТЕ.
«НЕ РОБЕЙ, ПРОДВИГАЙ БОБСЛЕЙ»
Фоторепортаж Александра ЕЛИСЕЙКИНА
и Григория ТЕРЗИБАШЬЯНЦА.
- 22** НА ПОЛИТИЧЕСКУЮ ТРИБУНУ XII ВСЕМИРНОГО.
Лев ЕЛИН. «ПАУТИНА».
- 24** МОЛОДЕЖНАЯ МОДА.
Ирина ДОБРОХОТОВА. «НА ЛЮБОЙ СЕЗОН».
- 25** Повесть Владимира АЛЕКСАНДРОВА
«ВИЛЛА В ЛОЗАННЕ».
- 29** ЛИТЕРАТУРНЫЙ ГЛОБУС «СМЕНИ».
Рассказы Ирвина ШОУ.

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ.

Редколлегия: В. И. ВИНОКУРОВ, Б. Л. ДАНИУШЕВСКИЙ,
В. И. ДЕСЯТЕРИК, А. П. КУЛШОВ, В. В. ЛУЦКИЙ (заместитель
главного редактора), Ю. Д. МАКАРЦЕВ (ответственный
секретарь), И. Н. ОРДЖОНИКИДЗЕ, Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ,
Е. И. РЯБЧИКОВ, В. А. САКУШЕВ, В. И. СЕВАСТЬЯНОВ,
В. П. СЕРИКОВ, И. А. СЕРКОВ (заместитель главного редактора),
Г. С. ТЕРЗИБАШЬЯНЦ (главный художник),
В. В. ЧИКИН, О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник В. В. Вантрусев. Технический редактор Д. Н. Мазур.

© Издательство «Правда». «Смена». 1985 г.

меня пионерам, одетым, как большин-
ство тогдашних артековцев, в матрос-
скую форму. Тогда я впервые попытал-
ся поведи беседу о музыке с ребятами,
среди которых не было ни одного, кто
бы учился музыке. Сейчас, конечно, я
уже не помню всех подробностей той,
первой встречи. Но точно помню, что,
сопоставляя траурный марш Шопена с
веселой полечкой, которую сам неза-
долго до того сочинил для кинофильма
«Петербургская ночь», и революцион-
ные песни с лирическими, я показывал
своим юным слушателям, что музыка
всегда что-то выражает, всегда переда-
ет человеческие чувства, рисует чело-
веческий характер и напоена опреде-
ленным настроением.

В одной из следующих бесед я позна-
комил ребят с новой песней, которую
сам накануне впервые увидел в «Пи-
онерской правде». Жизнерадостная,
бодрая, с отличными словами и музы-
кой, песня была достаточно не простой
по построению, и я не надеялся, что
ребята смогут запомнить ее сразу. Од-
нако сыграл и спел — песня понравил-
ась, и пионеры разучили ее со мною. Я,
признаться, был удивлен такими вели-
колепными и скорыми результатами:
откровенно говоря, думал, что вряд ли
они окажутся такими же прочными. Од-
нако уже на следующий день рано утром
меня разбудили звонкие детские голо-
са, бодро и весело расппевающие: «А
ну-ка, песню нам пропой, веселый ве-
тер!» Да, это была замечательная песня
Исаака Дунаевского.

Впервые я тогда понял важнейшую
истину: ребята способны воспринимать,
запоминать и даже воспроизводить до-
статочно сложную музыку, если только
эта музыка ярка, образна и естественна
в своем развитии. Без этих качеств и
гораздо более простая музыка не затро-
нет их сердец и сознания.

Однажды семилетняя английская де-
вочка написала мне, что, выучив мои
фортепианные вариации на русский на-
родную тему, стала лучше представлять
себе, кто это такие — русские люди. Я
считаю, что самому полюбить музыку и
узнать ее — это полдела. А вот вызвать
такую же любовь в своем товарище,
который до того не чувствовал к музыке
интереса, помочь ему поближе узнать
музыку — вот это уже не полдела, а
целое дело! И дело очень большое и
важное.

Представьте себе географию поез-
док Кабалевского, вспомните контин-
гент его слушателей — от шестилеток
до людей глубокого пенсионного воз-
раста, прочтите его книги, узнайте из
них о мучительных размышлениях и
поисках композитора и педагога, тогда
вам станет понятна его творческая
судьба и жизнь, и вы поймете, почему
так много сил отдает Дмитрий Бори-
сович просветительской музыкаль-
ной деятельности.

А что взамен? Лучшая награда
Д. Б. Кабалевскому за его неустанный
труд — переполненные залы, горящие
глаза маленьких слушателей на зна-
менитых «Музыкальных вечерах для
юношества» и филармонических кон-
цертах. Особенно радуют «потом-
ственные» посетители таких концер-
тов, когда слушатели уже приводят
сюда собственных детей и детей сво-
их детей.

Своеобразный итог педагогической
и просветительской деятельности
Дмитрия Борисовича — созданный по
его инициативе журнал «Музыка в
школе», которому пока всего два
года. Что же вызвало к жизни этот
журнал?

— Сама жизнь. Уже давно назрела
необходимость помощи преподавателям
музыки в общеобразовательных шко-
лах. Я убежден, что обучать музыке
надо абсолютно всех детей, потому что
это такая же необходимая часть знаний,
как математика, физика, литература,
биология... Я уверен, что в каждом
человеке и тем более в каждом ребен-
ке — в одном больше, в другом меньше,

но в каждом — живет интерес к искус-
ству, в том числе к музыке.

Если бы не было науки, люди были бы
слабыми и беспомощными в борьбе с
природой. А если б не было искусства,
люди были бы бездушными.

Неудовлетворенность положением
дел с музыкальными занятиями в школе
особо остро стала ощущаться в 50—60-е
годы, когда жизнь настойчиво потребо-
вала решения задачи государственной
важности — поднятия уровня духовной
культуры советского человека.

Существовало много противоречий
между, в общем, правильными устрем-
лениями и их практическим воплощени-
ем. Одно из весьма существенных про-
тиворечий — стремление сделать пред-
мет «Музыка» единым, целостным пред-
метом и необоснованное дробление уро-
ков на три мало связанные, а то и вовсе
не связанные между собой части: пение,
музыкальная грамота и слушание музы-
ки. Это называлось «видами учебной
деятельности». Казалось бы, что осо-
бенного? Однако это лишало в сознании
учащихся (да и учителей!) саму музы-
ку — как искусство — цельности и един-
ства. Возникали неверные, нелогичные
представления, мешавшие процессу
учебных занятий, а следовательно, и его
эффективности. Музыка противопо-
ставлялась пению. Читалось, что, за-
нимаясь пением и изучая музыкальную
граммоту, учащиеся в это время музыку
не слушают. Между тем основа музы-
кального искусства — восприятие во
всех его проявлениях: будь то пение,
изучение музыкальной грамоты, игра на
музыкальных инструментах, импровиза-
ция, ритмические действия под музыку.

Вопрос о целостности, единстве урока
стал рассматриваться как один из важ-
нейших вопросов школьной музыкаль-
ной педагогики, и для его разрешения
потребовалась принципиально новая
музыкально-педагогическая концепция,
которая исходила бы из музыки и на
музыку опиралась, естественно связала
бы музыку как искусство с музыкой как
школьным предметом, а школьные заня-
тия — с действительной жизнью. Пер-
вым и важнейшим ориентиром в воспри-
ятии построения музыки становится ее
характер, содержание. Именно через
них постигается музыкальный язык,
темп, ритмический рисунок...

Почти все основные принципы и
методы и значительная часть музы-
кального материала, заложенного в
новую программу, — это огромный
личный опыт Д. Б. Кабалевского, оп-
робованный и проверенный им в те-
чение нескольких десятилетий.

Живая практика, восприятие, реак-
ция и ответное поведение детей, учи-
телей, воспитателей, пионервожатых
всегда были для композитора крите-
рием правильности его позиции в
занятиях с детьми. Серьезны и глубо-
ки при всей доступности собствен-
ные сочинения композитора для де-
тей и юношества. Сочинения Кабалев-
ского не только бесценный учебный
материал, развивающий исполни-
тельную технику и художественный
вкус. При удивительной доходчиво-
сти музыкального языка, предельной
ясности формы это всегда настоящее
искусство, познание жизни. В них
размах, обаяние души их создателя.
Вероятно, именно эта необъятная
доброта автора, его могучий опти-
мизм, огромная творческая сила и,
конечно, тонкое мастерство делают
его даже самые, казалось бы, учеб-
ные сочинения интересными для луч-
ших концертных залов мира: их часто
включают в свои программы выда-
ющиеся музыканты-исполнители.

Как говорит сам композитор, тема
детства, юности, молодости преобла-
дает в его творчестве: «Это излюб-
ленная тема, как и работа для детей и
с детьми, для юношества и с юноше-
ством. Это моя самая большая ра-
дость, самое большое счастье. Это
мой мир».

Беседу вела
Эдда ЗАБАВСКИХ.

ВИДИТ ОКО...

Молодые люди в очках... Это уже стало привычным для нашего времени. В США 25 миллионов близоруких, в Японии—70. В СССР каждый пятый школьник близорук. Особая проблема — близорукость у детей. Иногда, прогрессируя, она приводит к необратимым изменениям и значительной потере зрения. Все это ставит борьбу с близорукостью на уровень государственной задачи и диктует необходимость активных мер по ее предупреждению.

По данным НИИ офтальмологии имени Гельмгольца, близорукость среди школьников (70—80-х годов) составляла от 7,4 до 8,4 процента. Но если в 1-х классах это было 2,1, то в 10-х классах — от 16,2 до 32,2 процента.

Если близорукость возникла, нельзя допускать ее усиления. Осложненная близорукость — это следствие близорукости прогрессирующей. Она грозит осложнениями, приводящими к инвалидности.

Одна из причин близорукости — раннее обучение письму и чтению в неправильных условиях, когда дети читают и пишут на более близком расстоянии, чем того требует еще не созревшая аккомодация (приспособление зрения к работе на близком расстоянии).

Особое значение приобретает эта проблема в связи со школьной реформой и охраной зрения у шестилеток. Занятия с ними должны вестись так, чтобы не провоцировать развитие близорукости.

На пороге 60-х годов близорукость была характерна для возраста от 10 до 18 лет. Сейчас она возникает у младших школьников и даже воспитанников детских садов. Это связано с очень ранней зрительной нагрузкой детей. Многие родители с гордостью говорят о том, что их дети читать начинают в ясельном возрасте. А это опасно, поскольку аккомодация еще не созрела.

Там, где дети «кабинетные» (этим грешат специальные школы), близоруких больше. А вот деревенские дети, много времени проводящие на свежем воздухе, активнее занимающиеся физическим трудом (и не меньше, кстати, читающие и смотрящие телевизор), имеют лучшее зрение.

Уже давно замечено, что подростки, плохо развитые физически, часто бывают и близоруки.

Школьники не должны забывать и о том, что существует немало профессий, где близорукость недопустима.

Эдуард АВETИСОВ,
доктор медицинских наук,
профессор,
заслуженный
деятель науки РСФСР,
председатель
проблемной комиссии
по близорукости АМН СССР

С близорукостью никто не хочет мириться: и врачи, и в не меньшей степени правительства развитых стран. Близорукость — массовый дефект зрения, который способен превратиться в болезнь. В течение многих лет близорукость занимает одно из первых мест по инвалидности. Специалисты многих стран, а среди них не только врачи, но и инженеры, физики, химики, механики неумоимо постигают механизмы близорукости, создавая различные способы ее предотвращения.

Даже одно перечисление гипотез и методов лечения глазных болезней займет уйму времени. Сегодня мы уже знаем немало. В течение последних двадцати лет многое изучено, и главный вклад в достижение мировой офтальмологии внесли советские ученые.

Отличное зрение — важная составная часть здоровья. Всем надлежит заботиться о нем. А тем, кто собирается овладеть специальностью, требующей безукоризненного зрения, надо особо внимательно относиться к глазам. И не следует ждать, когда ослабление зрения заставит идти к врачу. Очень огорчительно выбрать профессию, а потом отказаться от нее по состоянию зрения. Пожалуйста, не забывайте об этом. Любое понижение остроты зрения должно вызывать законный вопрос: что это, с чем связано? Как приостановить возможный процесс близорукости?

Я сторонник того, чтобы активно выявлять всех с повышенным риском возникновения близорукости. И, установив это, начинать комплексное лечение. Оно позволяет приостановить близорукость. Чем раньше начать, тем лучше будут результаты. Особенно эффективен оздоровительный комплекс при начальной степени близорукости (1,0—2,0 диоптрии).

Если у школьника или студента начальная стадия, то, начав заниматься по рекомендациям, разработанным институтом (за исключением тех случаев, когда генетический фон превалирует), близорукость можно приостановить.

Мы располагаем убедительными данными, что использование методов профилактики уменьшает близорукость. Таковы результаты, к примеру, в Калининской области, где идет массовое распространение этих методов.

В настоящее время лечение ведется по двум направлениям. Первое — воздействие на аккомодаци-

онный аппарат глаза с помощью тренировочных упражнений и медикаментов. И второе — хирургическое вмешательство — операция по укреплению заднего полюса глаза. Помимо этого, в институте разработан безоперационный метод ИСУ (инъекция склероукрепляющая) — метод, чрезвычайно перспективный, особенно для подростков. Сейчас идет период клинической апробации. Уже 60 больных испытали на себе положительное влияние этого метода.

Да, близорукость можно уменьшить сложными хирургическими методами, но они еще не скоро станут массовыми. Особо хотел бы подчеркнуть значение физического состояния для профилактики близорукости. Нет сомнений, что ослабление аккомодационной способности — это проявление общей гиподинамии. Во время консультаций больных я всегда задаю вопрос: занимаетесь ли вы физкультурой и спортом? И если нет, то настоятельно рекомендую. Доказано, что общее укрепление организма улучшает аккомодационные способности глаза. Разработаны общеразвивающие упражнения для тела и специальные упражнения для укрепления аккомодационной мышцы. Понимание этого позволило нам расширить диапазон занятий физкультурой для близоруких. Хотя в свое время было много противопоказаний. Если нет высокой степени близорукости (по нашим представлениям — до 4,0) и противопоказаний со стороны глазного дна, мы активно призываем к занятиям физкультурой.

Кроме этого, мы рекомендуем в плане профилактики уже апробированные специальные упражнения.

О ЧЕМ НАДО ПОМНИТЬ

Основное направление профилактики близорукости — укрепление физического состояния подростка. Исключительно важно это для учащихся городских школ, особенно специальных — с преподаванием иностранных языков, физико-математических и других дисциплин, — где порой физкультуре уделяется мало времени.

Важное значение для профилактики близорукости имеет правильное обучение чтению и письму. Расстояние от глаз до книги должно быть 30—35 сантиметров; необходимо постоянное чередование зрительной фиксации близких (на парте) и далеких объектов. Нужны частые перерывы.

Большое значение имеет правильное и достаточное освещение рабочего места.

Для классов и аудиторий световой эффект (отношение застекленной площади окон к площади пола) должен составлять 1:5. Необходимо содержать в чистоте оконные стекла, не ставить на подоконники ветвистые цветы, наглядные пособия, большие аквариумы. Целесообразно каждую учебную четверть пересаживать школьников, меняя ряды парт. Необходимо принимать меры к рациональному ограничению зри-

тельной нагрузки. Зрительная нагрузка должна быть сопряжена с гигиеническими нормами и, самое главное, не должна быть очень ранней.

Сейчас создана система укрепления аккомодации. Самые лучшие упражнения связаны с основной зрительной работой — чтением. Эти упражнения как «гантели» для глазной мышцы. Человек читает в очках с увеличивающимися стеклами, а потом — с более слабыми, как бы раскачивая ресничную, аккомодационную мышцу. Такой «физиологический массаж» мышцы очень эффективен.

Были проведены исследования двух групп школьников, предрасположенных к близорукости (956 и 99 человек). Первая группа занималась тренировкой аккомодации. Эксперимент показал, что курс специальных упражнений позволяет затормозить развитие у школьников близорукости. Через три года в первой группе близорукость составила 2,5 процента, а во второй — 31,4. Сеанс упражнений — час, цикл — месяц, повторение — два-три раза в году.

Эффективная мера профилактики близорукости — проведение специальной гимнастики для глаз в середине каждого урока в течение 2—3 минут. Комплекс утвержден Министерством здравоохранения СССР и согласован с Министерством просвещения СССР.

Упражнения для учащихся IV—X классов:

1. Исходное положение (и.п.) — сидя, откинувшись на спинку парты. Наклониться вперед к крышке парты — вдох. Повторить 5—6 раз.

2. И. п. — сидя, откинувшись на спинку парты. Прикрыть веки, крепко зажмурить глаза, открыть веки. Повторить 5—6 раз.

3. И. п. — сидя, руки на поясе. Повернуть голову вправо, посмотреть на локоть правой руки, повернуть голову влево, посмотреть на локоть левой руки, вернуться в и. п. Повторить 5—6 раз.

4. И. п. — сидя. Поднять глаза вверх, сделать ими круговое движение по часовой стрелке, затем сделать ими круговое движение против часовой стрелки. Повторить 5—6 раз.

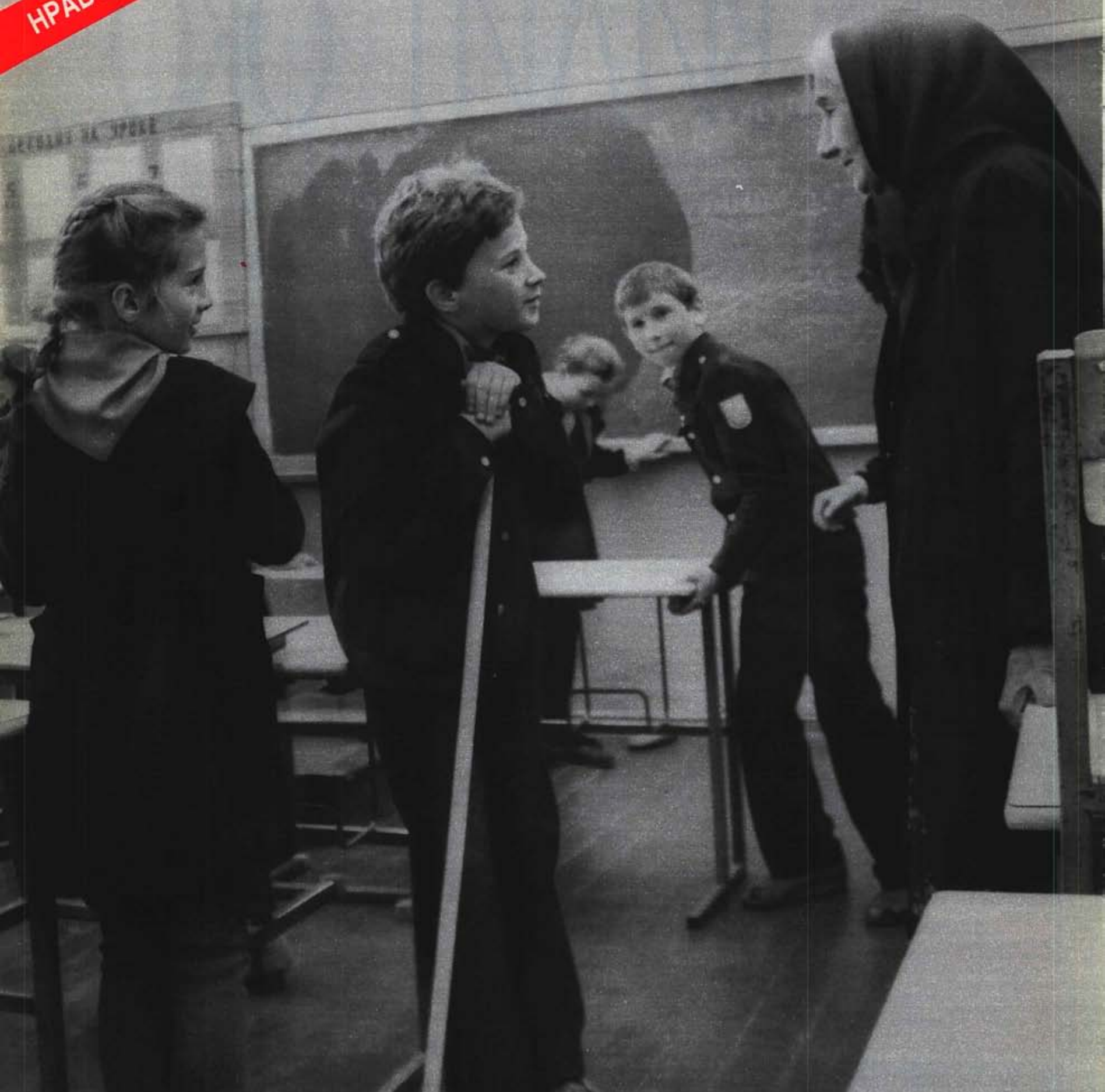
5. И. п. — сидя, руки вперед. Посмотреть на кончики пальцев, поднять руки вверх — вдох; следить глазами за руками, не поднимая головы, руки опустить — выдох. Повторить 4—5 раз.

6. И. п. — сидя. Смотреть прямо перед собой на классную доску 2—3 секунды, перевести взор к кончику носа на 3—5 секунд. Повторить 6—8 раз.

7. И. п. — сидя, закрыть веки. В течение 30 секунд массировать их кончиками указательных пальцев. Физкультпаузу должны проводить преподаватели или учащиеся-физорги.

НРАВСТВЕННОСТЬ

**АЛЕКСАНДРА АЛЕКСАНДРОВНА АХНИНА
ВОТ УЖЕ СОРОК ЛЕТ
РАБОТАЕТ УБОРЩИЦЕЙ В МОСКОВСКОЙ ШКОЛЕ № 259.
ДА, ОНА НЕ ПЕДАГОГ,
НО ДОБРОТА ЕЕ, ТРУДОЛЮБИЕ
ОСТАВЛЯЮТ СЛЕД В РЕБЯЧЬИХ ДУШАХ.**

ДОРОГАЯ ТЕТЯ ШУ

В школьных коридорах особый запах: смешанный вкус отлакированной мебели, супа, готовящегося в столовой, натертого паркета. Это сейчас полы специальной машиной натирают. А раньше вручную. На коленках ползали со щетками по всему этажу. И тете Шуре это на долю выпало.

Чистый, блестящий пол всегда был ее профессиональной гордостью. И во времена, когда мальчики носили еще серую школьную форму, когда девочки приходили на выпускной бал в белых фартуках и с бантами, вплетенными в косы. И тогда, когда существовало еще раздельное обучение.

Шутка ли — сорок лет уборщица. И все в одной школе. В 259-й московской нет ни одного учителя с таким стажем, как у Александры Александровны Ахниной. Для сотен выпускников она как бы символ преданности школе. Прийти сюда — и не увидеть тети Шуры? Этого и представить невозможно.

Она уборщица. Для кого-то — всего лишь уборщица. Именно так — «всего лишь». По вверенному ей первому этажу гоняют сломя голову младшие классы, болтая, прогуливаются старшие. И для всех них школа — только начало, а настоящая, привлекательная жизнь начнется за ее порогом. Они уйдут и не оглянутся, а тетя Шура останется.

В вестибюле в двух шагах от Александры Александровны я остановила запыхавшегося семиклассника.

— Тетя Шура? Конечно, мы все ее знаем. И любим! Вот в прошлом году к сорокалетию ее работы даже стенгазету сделали!

Стенгазету я видела. Фотография Александры Александровны, надпись крупно «дорогая тетя Шура», слова благодарности...

— И вы ей помогаете, да?

Мой собеседник явно не ожидал такого вопроса.

— Помогаем? А разве... Разве это нужно? Она сама убирается.

— Все-таки... Ей уже трудновато. Ведь помогаешь же ты, например, дома своей бабушке, маме.

— Ну, так это дома... Мама же у меня не уборщица.

— А если бы была уборщица?

— Ну... нет! Что вы!

— А что?

— Да... неудобно как-то... И потом... Если ей трудно, зачем она работает? Пенсию же платят.

Зачем она работает? Да еще сорок лет уборщицей?

В середине двадцатых годов муж привез ее в Москву из деревни, из-под Ярославля. И она, ловкая, привычная к работе и в поле и на скотном дворе, в городе оказалась как бы не у дел. Учиться, приобретать профессию? А как семья, двое детей? Правда, на завод она потом все-таки поступила, но началась война, и предприятие, где она трудилась, эвакуировали. Нужно было поднимать детей, и Александра Александровна пошла в школу уборщицей. Рассуждала просто: в конце концов раз такая работа существует, значит, и ее кто-то должен делать.

Мужа тети Шуры давно уже нет в живых. Перед самой кончиной она его спросила:

— Как мне жить-то теперь?

— Так и будешь жить, — ответил. — Работай, как работала.

И она работает.

Однажды ей сон приснился — пришли какие-то люди и сказали: «Доживешь до девяноста». «Э, нет, — улыбается баба Шура, — я больше проживу».

И каждое утро сама себя погоняет: вставать, идти. «Если бы не нужно было идти, я бы давно уже была там», — говорит она и утыкается глазами в землю.

Нет, собственные дети ее профессии не стеснялись никогда. Время другое было? Да, конечно. Но разве в наше время не нужна профессия тети Шуры? Кого прежде всего увольняют при сокращении штатов в учреждении? Убор-

щиц. А где-нибудь через месячишко, увидев, что не в состоянии обходиться без их помощи, восстанавливают. Восстанавливают чуть ли не на ставки техников и даже инженеров — только, милые, работайте!

Люди, которые за нами убирают... На их долю приходится одна из тех функций в обществе, о которых мало кто и задумывается, которых как бы не замечают. Точнее сказать, не замечают до тех пор, пока эти самые функции выполняются.

Помню, знакомый журналист рассказывал о том, какая уборщица была в их редакции. Чистоту наводила — ни пылинки. Аккуратна была до того, что даже за соответствием чисел на перекидном календаре следила. «И вдруг, — сказал мой знакомый, — возвращаюсь из отпуска и вижу: дней за десять календарь не перевернут. Оказалось — умерла тетя Катя...» Пришедшая после тети Кати уборщица забывала поливать цветы и часто оставляла пыль на столе, невольно заставляя вспоминать добрым словом другую — совершенно незаметную при жизни женщину и ее незаметный труд.

Директор 259-й школы Надежда Федоровна Абрамцева из года в год решает одну и ту же проблему: как укомплектовать нянечками, то есть техническими служащими, школу? Как удержать их хотя бы на полгода? Не особо идут на эту работу. Ну, еще бы! Уборщицей быть вообще не сахар, а в школе-то! За целый день и так мусору наберется, а ведь тут еще и нарочно мусорят. Возраст, говорят, у ребятшек такой — трудный. Об этом говорено-переговорено. Но техслужащим от этого не легче.

Далеко не все женщины умеют создать уют, поддерживать чистоту даже в малогабаритной квартире. А на огромном школьном этаже? Там, где нет ни домашней мебели, ни красивых вещей? Только хорошей хозяйке это под силу.

У тети Шуры лицо много пережившего человека, много потрудившегося. Спокойное, мудрое, грустное и в то же время с замечательным оттенком собственного достоинства. И возмущают ее люди, свое достоинство способные уронить.

— Было, всякое было, — не спеша говорит тетя Шура. — Приходит раз девушка приличного вида. «Мне, — говорит, — директора школы». «Ну, ждите», — отвечаю, а сама за водой пошла. Но что-то меня как толкнуло! Оглядываюсь — она пальто чужое накинута да бежать. Я за ней. Выскакиваю на улицу: «Барышня! Вас директор зовет». Посмотрела на меня хмуро, вернулась. А мы с другой нянечкой дверь-то на замок. Судили потом эту девицу.

Думаю, рассказывает мне об этом случае тетя Шура потому, что ей, жившей всегда своим трудом и даже сейчас не желающей обременять детей и зарабатывающей дополнительно к своей маленькой пенсии, особенно ненавистны люди бесчестные.

Наверное, нельзя назвать Александру Александровну педагогом в общепринятом смысле этого слова — не ведет она географию или русский язык. Но, думаю, не ошибусь, если все-таки причислю тетю Шуру к воспитателям. А лучшее воспитание — собственным примером. Какой пример подает детям наша героиня? Стоит ли отвечать на этот вопрос...

Да, в школах самообслуживание. Ребята, как правило, сами наводят чистоту в классах. Но вот, оказывается, без уборщиц все равно не обойтись. И не только в школах. В обозримом будущем нужны будут люди, занятые не особенно благодарной работой, люди, обладающие великим запасом терпения, такие, как Александра Александровна Ахнина. Давно бы могла тетя Шура уйти из школы, устроиться техслужащей в какой-нибудь непыльной конторе. А она остается. «Другие вот сбежали, а я выдержала», — говорит тетя Шура, и в голосе ее слышится мне сдержанная гордость.

Екатерина ПРАСОЛОВА.

Фото Александра ЛИМИТОВСКОГО

РА

Беата БУШЕЛЕВА,
кандидат педагогических наук

Эффект Элизы Дулиттл

Тема невероятных превращений — одна из самых излюбленных в искусстве. Вспомните хотя бы, как мраморная статуя становится живой и нежной женщиной, болотная лягушка — чистокровной принцессой, деревянная чурка — озорным мальчишкой, а замарашка Золушка — неотразимой красавицей. Разумеется, во всех этих случаях чудо совершается с помощью волшебства и чародейства.

А можно ли обойтись без них? Существует ли магия попроще, посовременней и, как бы это сказать, поматериалистичнее? Существует.

Все знают, например, имя Элизы Дулиттл, бесхитростную историю которой искусство рассказало нам языком драмы, оперетты, кино и даже балета. В чем же секрет превращения юной героини Бернарда Шоу из цветочницы («она так неотразимо вульгарна, так вопиюще грязна») в прелестную девушку? Все очень просто. Элиза Дулиттл сменила жаргон, вульгарное произношение и рыночные замашки на правильную речь, приятные манеры, вежливое обхождение — короче говоря, на умение следовать приличиям.

В «Кодексе приличий на Востоке» приводится старинный стих: «Человек, незнакомец с правилами вежливости, не соблюдающий приличий, приносит вред не одному себе, но и другим; позор падает на главы его родителей и всех лиц, имеющих к нему какое-либо отношение».

Вообще, изучая правила этикета разных времен и народов, обнаруживаешь много любопытного и противоречивого. У одних народов считается неприличным отводить глаза от лица собеседника, а у других, наоборот, при разговоре с человеком следует повернуться к нему спиной. В европейских странах свистеть, кричать и стучать ногами на спектаклях и представлениях — проявление дурного тона, а за океаном эти же действия — вполне приличное выражение восторга. Наш этикет рекомендует при обращении к человеку обязательно называть его по имени, но у некоторых народов Африки это было бы воспринято как грубость.

Текут годы. Уходят в прошлое нормы поведения, порожденные особенностями времени и культуры, классовыми и национальными предрассудками, унижающие достоинство человека, противоречащие современным представлениям о красоте, гигиене, здравом смысле.

Можно, наверное, написать целую книгу о том, как разнообразны слова и жесты, которыми человек отмечает простое событие своей жизни — встречу с другим человеком. Но общее правило действует неизменно: уклониться от приветствия невежливо, не ответить на приветствие — верх невоспитанности.

Раньше, в далекие времена, когда встречи были несчастны, все приветствовали всех. Теперь приветствуют главным образом знакомых. Каждое утро на платформе электрички вы встречаете одних и тех же людей. Можно ли считать их знакомыми? А продавщицу в булочной, где вы третий год покупаете хлеб? А спутницу сокурсника, который поздоровался с вами на улице? А шофера такси, к которому вы сели в машину? Подобных ситуаций можно назвать немало, и, чтобы не запутаться во всяких тонкостях, лучше всего следовать простому правилу: если возник вопрос — приветствовать или не приветствовать? — значит, надо поздороваться. Приветствие в этих случаях будет достаточно сдержанным. Мы можем выбрать его из довольно богатого арсенала, где имеются рукопожатия, улыбки, объятия, поцелуи и самые разнообразные выражения — от «как дела?» и «здорово» до «разрешите вас приветствовать».

Меня часто спрашивают, прилично ли говорить вместо «здравствуйте» «привет». Думается, что категоричность в таких вопросах неуместна. Со старым другом, ровесником, одноклассником можно поздороваться словами «привет», «салют» и даже «чао», если вам нравится. Конечно, это не будет верхом изящества, но, по-моему, вполне допустимо. Однако трудно предположить, что кому-нибудь придет в голову приветствовать так мастера на заводе или директора училища. Им вы скажете «доброе утро» или «здравствуйте». А если случится встретить иностранную делегацию, посетившую ваш техникум, то уместен будет и более высокий стиль: «Дорогие друзья, позвольте приветствовать вас в нашем...» и т. д.

Вопрос о том, кто кого приветствует первым, вызывает иногда нездоровый ажиотаж. Видимо, ког-

да-то строжайшее соблюдение «табели о рангах» в этих делах было средством социального самоутверждения. Но и теперь нет-нет, случается, что зададут на лекции задачу вроде такой: «А если начальник — мужчина, но молодой, а секретарь — пожилая женщина и он стоит в коридоре, а она идет мимо, кто должен первым поздороваться?»

Специалисты по этикету, возможно, вычислят это научно. Прикинем: за то, чтобы первым был ОН, два обстоятельства: принадлежность к сильному полу и молодость; за то, чтобы инициативу проявила ОНА, — тоже два: подчиненное положение, а кроме того, логичнее, когда идущий приветствует того, кто «стационарно» стоит... Два на два... Что же делать? Любители юмора заметят: все зависит от того, у кого нервы раньше сдадут. Многие вспомнят известный афоризм: «Первым здоровается тот, кто лучше воспитан». А жизненные наблюдения показывают: чаще всего коллизия разрешается просто и естественно. Иногда здороваются одновременно; случается, один стихийно опередит другого. Обычно это получается у того, кто менее поглощен своими мыслями, лучше ориентируется в обстановке и распределяет внимание, кто более контактен, предупредителен и дружелюбен. Вместе с тем приличия требуют, чтобы младший старался первым приветствовать старшего по возрасту или по положению; вошедший в помещение проявит инициативу по отношению к находящимся там; мужчины таким способом продемонстрируют уважение к женщинам.

МАГИЯ ПРИЛИЧИЯ

Очень древняя форма приветствия — рукопожатие. Было время, когда его пытались списать по графе «пережитки» и даже значок выпустили «Свободен от рукопожатия». А оно тем не менее живет. Активно используют рукопожатие обычно мужчины. Распространяется оно и среди «деловых женщин», особенно в обстановке собраний, заседаний, конференций. И все-таки привилегия подать первым руку принадлежит старшим и женщинам. Но если кто-то случайно нарушил это правило (например, юноша протянул руку девушке), было бы неправильно оставить его «с протянутой рукой». Чтобы не подать человеку руку, нужны очень веские основания. Это чрезвычайно сильное средство для выражения осуждения и гнева.

Как их теперь называть?

В моей почте оказалось недавно такое письмо: «Здравствуйте... а дальше я не знаю, как писать. Хотел написать «дорогая Беата Бушелева», но неудобно без отчества, и почему «дорогая», вы же меня не знаете? Уважаемая тов. Бушелева — слишком официально... Вот из-за этих затруднений я вам и пишу. Раньше я обращался к людям, не задумываясь. Но в последнее время мне стали делать замечания. Соседка, которую я называю тетей Лизой, сказала: «Какая я тебе тетя!» А продавщицу в магазине я называл девушкой, и она долго при всех отчитывала меня за невоспитанность. Я и сам чувствую неладное, ведь она уже человек в годах. Но как же к ней обращаться? И к шоферу такси? И к прохожему на улице? Напишите, пожалуйста, как мне их всех называть? Заранее спасибо». Далее следует подпись автора и сообщение, что ему 16 лет и он учится в ПТУ.

Трудности, возникшие у него, типичны для многих, кто перешагнул порог детства. Маленькому человеку проще. Есть мама, папа, бабушка, дедушка. Все остальные женщины — «тети», все остальные мужчины — «дяди», все ровесники имеют имена. И никаких проблем! В конце концов к чужому мальчишке можно обратиться: «Эй, послушай...». Но когда молодой человек обращается к незнакомой или даже знакомой, но чужой женщине, называя ее бабушкой или тетенькой, это звучит не слишком-то прилично.

Сложности могут возникнуть у молодого человека с обращением к родителям. Называть мать жены или

мужа мамой многие сразу не могут, а если и заставляют себя, то получается это принужденно и неискренне. Слова «свекровь» и «теща» получили в обиходе настолько юмористическую окраску, что обращаясь с ними к новой родне — значит почти наверняка обидеть ее. Обращение по имени и отчеству в таких случаях будет вполне прилично и уважительно.

Молодые люди могут называть друг друга полными именами или краткими, как им нравится. Главное в том, что относиться к имени надо очень бережно. Обратите внимание, как болезненно реагируют люди на малейшую неточность в этом плане. Невнимательность в отношении имен и фамилий — большой недостаток. Обращения типа «Здравствуйте, Виталий... Валерий... извините, не помню, как вас по отчеству» свидетельствуют о серьезных пробах в воспитании. Случайное, а тем более намеренное искажение имени воспринимается как обида или оскорбление. Люди не любят и того, чтобы их имена без нужды оглашали публично. Парень увидел в другом конце автобуса знакомую и радостно кричит: «Айда! Привет, Айда!» А девушка покраснела, ей очень неловко.

О кличках и прозвищах писать не буду. Любой школьник знает, что они недопустимы. В последнее время несколько раз слышала обращение такого типа... «Светланочка Ивановна». Звучит, по-моему, развязно и фамильярно.

В официальной обстановке, для делового общения в коллективе у нас есть замечательное слово «товарищ», которое, как поется в песне, «нам дороже всех красивых слов».

Юноша хочет спросить дорогу у незнакомой женщины. Как к ней обратиться: товарищ, гражданка, женщина, дама, девушка, мать? Вы чувствуете: все не то. Но выход есть. Вполне прилично, если вместо обращения вы используете другой способ привлечения внимания — маленький «атом» вежливости: «Будьте добры, вы не скажете...» или так: «Извините, не могли бы вы сказать...».

«Атомы» вежливости

В лексиконе воспитанного человека имеются в достатке такие слова и выражения, главное назначение которых состоит в создании благоприятной тональности общения. «Всего вам доброго», «с приездом», «приятного аппетита», «очень приятно», «не стоит внимания», «буду рад помочь вам» — это компактные и простые формулы хорошего отношения. Они действительно могут быть названы «атомами» вежливости, поскольку мы используем и воспринимаем их как нечто целое и неделимое. Не зря шутят, что зануда — это человек, который в ответ на вопрос «Как здоровье?» обстоятельно рассказывает историю болезни, показывает рентгеновские снимки и результаты анализов. Когда испанца знакомят с кем-нибудь, он вежливо говорит: «Ваш слуга», но это не значит, что можно поручить ему сбежать за сигаретами. Мексиканец в такой же ситуации сообщит свой адрес и дополнит: «Наш дом к вашим услугам». Но и это нельзя понимать как предложение съехать из гостиницы и поселиться у него.

Совершенно обязательное правило в использовании формул вежливости — это соблюдение меры. До чего же бывает неловко за людей, которые, желая произвести хорошее впечатление, злоупотребляют преувеличенно вежливыми выражениями благодарности, бесконечными извинениями и комплиментами. Я наблюдала, как громоздились горы вежливости вокруг переданной за столом солонки: «Простите, пожалуйста, если вас не затруднит, окажите любезность, передайте мне, будьте добры, соль... Благодарю вас, большое спасибо, очень вам признательна». И право же, эта дама выглядела не более воспитанной, чем хмурый молодой человек, который в ответ на аналогичную услугу кратко бросил: «Мерси вас».

Кстати, ему, наверное, это казалось очень остроумным. Действительно, в таком неожиданном сочетании слов есть легкий юмористический эффект. Но вообще при использовании формул вежливости с юмором следует обращаться очень аккуратно. Мне кажется, что всякие «я вас категорически приветствую», «дико извиняюсь», «наше вам с кисточкой», «будь здоров и не кашляй» и т. п. не столько веселят, сколько настораживают.

Чувство такта и меры, умение ориентироваться в обстановке, знание приличий, стремление быть приветливыми и дружелюбными помогают нам стать воспитанными людьми, чье общество всегда приятно окружающим. Не стоит жалеть для этого усилий, — ибо вежливую быть на словах, а шляпу держать в руках неубыточно, а похвалы достойно, и лучше, когда кто про кого говорят: он есть вежлив, смиренный кавалер и молодец, нежели когда скажут про которого: он есть спесивый болван».

Крепковато сказано: стиль времен Петра I. Но ведь правильно?

КОМУ ВПРОК ТАКОЙ УПРОК?

Владимир АНИСИМОВ,
специальный
корреспондент «Смены»

В понедельник я спросил мастера Рыжкова:

- Сколько человек работают на стройке?
- Двадцать пять.
- А сегодня?
- Ну, примерно... половина.
- Что так?
- В пятницу получка была. А вчера — праздник.
- Какой праздник?
- А Покров...

По крайней мере откровенно. Да и зачем Владимиру Рыжкову что-либо скрывать, если работает он здесь всего вторую неделю? А сколько мастеров сменилось на этой стройке за четыре года, точно никто и не вспомнит. То ли пять, то ли шесть... Какая тут производственная и воспитательная работа велась, видно по результатам: должны были сдать объект еще в 1982 году — не сдали и два года спустя. Браку наделали на каждом шагу: почти все полы пришлось перестилать, стенки ломать, сантехнику переделывать, по столярной части халтуру устранять.

Какой объект можно строить четыре года? Завод, фабрику, дворец? Да нет же, обыкновенное общежитие. Простенькая коробка без всяких затей: четыре этажа, лифта нет, сквозные коридоры, направо и налево — жилые секции. Вот и все.

Жить здесь должны будущие железнодорожники из ГПТУ-1 города Улан-Удэ. Они, конечно, не без крыши над головой: общежитие оборудовали в самом здании ГПТУ. Заходил я туда... Из классов и кабинетов вынесли столы и стулья, поставили кровати — по десятку в комнате. Один умывальник на весь этаж. Но все-таки хоть какой-то выход из положения. Правда, в спальнях занятий не проведешь, поэтому и учатся ребята в две смены.

— Вечером придешь, — рассказывали еще не привыкшие к такому «общежитию» первокурсники, — ни поест, ни поспать негде. Как в больничной палате живем. И холодно — видите, в пальто сидим.

Кто же виноват, что так нескладно ведется стройка? Мастер тут новый, с него пока спроса нет. Найти бригадира бракоделов не удалось.

— Здесь менялись не только мастера, но и бригадиры, — пояснил мне Рыжков. — А сейчас такое положение, что нет одного бригадира — хозяина объекта. Работают пять-шесть мелких специализированных бригад, никто ни за что не отвечает. Каменщик наляпал раствор на пол — наплевать, не ему убирать придется. Сварщик не обрезал концы арматуры, ушел... Вот и попробуй побегать за каждым. Как тут спрашивать за

качество? Нужна одна комплексная бригада, бригадный подряд — тогда не замечали бы дней получек, праздников. Но такие бригады пока не приживаются...

— Это общежитие строить по подряду уже невозможно, — сказал начальник СМП-182 Борис Владимирович Абакумов. — Типичный долгострой. Каким я принял его пятнадцать месяцев назад, практически таким оно и стоит до сих пор.

— Почему?

— В начале года из треста дается одна команда — сдать общежитие! А в конце требуют все силы бросить на жилые дома. Настраиваешься на одно, а потом приходится менять все планы. Но нынче у нас других сдаточных объектов нет, направим на общежитие дополнительно рабочих.

Известно, что умение числом не заменишь... «Не хватает людей», — жаловались строители. Бурятское управление профтехобразования пошло навстречу — сформировали стройотряд из студентов индустриально-педагогического техникума. Студенты пришли, а фронт работ им никто не подготовил. Отправили отряд на другие стройки города...

Ребята из училища тоже помочь строителям хотели. Трижды организовывали стройотряд. В первый раз работы для них не оказалось. Во второй — больше слонялись без дела, чем работали. В третий — сами строители отказались от помощи: пэтушники — не специалисты по исправлению брака...

В прошлом году планировалось выполнять методом бригадного подряда 40 процентов работ. Осилили чуть больше половины этого задания. И еще одна любопытная цифра: уходя из конторы СМП-182, я увидел стенд с обязательствами 1984 года — «Сдать с оценкой «хорошо» не менее 60 процентов объектов капитального строительства и капремонта». Обратите внимание — «не менее»! Да, не слишком высокий, мягко говоря, рубеж намечали для себя строители.

Очень точно, по моему, сказал старший мастер ГПТУ-1 А. Л. Глушков:

— Что нужно строителям? Решить два вопроса — организации труда и дисциплины. У нас же, даже если со стороны взглянуть, не стройка — свалка какая-то.

Адрес для этой командировки был выбран, конечно же, не случайно. В Госпрофобре РСФСР Улан-Удэ назвали в числе тех городов, где строительство объектов профтехобразования ведется особенно медленно и некачественно.

— Подрядчики у нас разные, а отношение к стройкам одинаковое, — сказала мне Нина Тихоновна Осипова, заместитель начальника Бурятского республиканского управления профтехобразования по строительству. Вместе с ней и работником обкома комсомола Александром Потемкиным отправились по объектам.

...На общежитии ГПТУ Минжилколхоза Бурятии выцветший плакатик: «Срок сдачи 1-й очереди 31.XII. 83 г.».

Ветер гуляет по пустым коридорам.

Мастер участка куда-то уехал. Случайно встретили трех штукатуров. Есть ли кто еще на стройке и, если есть, чем занимаются, они подсказать не смогли.

На следующем этаже обнаружился народ — девушки из техникума, прислали на подмогу строителям. «На ремонте, — говорят, — работаем». «Что ж за ремонт, — удивились мы, — на строящемся доме?» «А такой и ремонт, — объясняют, — дыры заделываем, их тут монтажники и каменщики в каждой комнате пооставляли. Штукатурка со стен валится — тоже поправлять надо». «Продукция» горремстройтреста...

В вестибюле встречаем трех парней из строительного училища — тоже помощники. Правда, чем должны заниматься — сами толком не знают. Прислали вот, а зачем, неизвестно. И спросить не у кого. А время, между прочим, учебное.

— Походили мы тут, посмотрели, — говорят. — На занятиях про стройку иначе рассказывают. Там, значит, теория. А тут, выходит, практика... Мы, пожалуй, еще подумаем, не перейти ли в другое училище.

Через дорогу новенькое — год назад сдали — общежитие ГПТУ Минпищепрома Бурятии. Строил трест «Жилгражданстрой». Издали уже видим — «повело» кирпичную стенку, асфальтовая дорожка вдоль стен проваливается и зияет дырами. Живут здесь вовсе не учащиеся ГПТУ, а работники пищевых предприятий: общежитие-то сдали, а учебный корпус пока весь в земле, лишь колонны торчат из котлована. И ни души кругом... «Заводы Главбурястрой не выполняют план по железобетонным конструкциям» — узнаю я позже.

— Нина Тихоновна, — спрашиваю, — ну, а можно посмотреть общежитие, образцовое по качеству?

— Можно. Есть у нас общежитие «Юность» ТУ-3 строителей.

В «Юности» действительно чистота, порядок, уют. Правда, строил его Главбурястрой два года вместо 9—10 месяцев по норме, но хоть качество хорошее.

— Качество хорошее потому, — прокомментировала Осипова, — что отделку вели летом. Там, где делали ее в другое время, везде брак.

Учебный корпус ГПТУ-6 сдавали тоже летом. О нем мне Нина Тихоновна говорила так: единственный объект, где нет проблем. Сдали его с оценкой «хорошо». Заходить в это училище я вначале не планировал, но потом захотелось узнать, как тут достигли высокого качества строительства.

Открыл дверь в директорский кабинет и... застыл у порога. За спиной В. П. Никончука на полстены расплывалось темное пятно.

— Эту аварию мы уже ликвидировали, — предупредил мой вопрос Владимир Павлович. — Канализация засорилась, а сантехники так ее смонтировали, что доступа для прочистки нигде нет. А вообще-то сидим тут, как на огне.

— Но вы же сами подписали акт о приемке корпуса!

— К сожалению...

И Владимир Павлович повел меня по этажам.

Наверху рушили кирпичную перегородку, отделяющую актовый зал от вестибюля. Зачем?

— Мы строителям говорили, — рассказал Никончук, — не нужен нам вестибюль перед актовым залом, пусть лучше зал просторней будет. А они нам в ответ: «Мы все сделаем по проекту. Если хотите — потом сломаете». Вот и ломаем... Теперь зайдём в радиорубку, одному мне туда и входить-то страшно.

Откуда-то с потолка через радиорубку в актовый зал и дальше на лестницу текла вода. Во время нашей «экскурсии» я заметил, что протекает здание с крыши до первого этажа, причем во многих местах. Откуда течет? Оказалось, что строители «Жилграждантреста» не закрыли на крыше вентиляционные выходы, через них-то вода спокойно проникает внутрь.

Все рассказывать долго, у меня блокнот распух от списка строительных огрехов. Вот лишь малая часть...

Даже руки помыть здесь проблема — пока строили, большую часть раковин растащили. А если б они и были — толку никакого, так как водопроводные трубы все равно наглухо заварены: нет смесителей.

Сантехнику смонтировали так, что уборщицы наотрез отказались мыть туалеты.

Здание дало осадку — трещины пошли по всем стенам.

Асфальтовая дорожка около корпуса провалилась уже, и сточные воды пошли в подвал.

Такая деталь: чтобы форсировать сдачу корпуса, трест прошлым летом собрал здесь добрую сотню строителей. Это еще одно подтверждение той истины, что простым количеством толку не добьешься. Когда на маленьком объекте собирается толпа народу, тут и неразбериха, и безответственность... О качестве уже никто не помнит, и никто вроде за него не отвечает: лишь бы в сроки уложиться.

Отчаявшись добиться помощи от строителей (А им что? Акт о приемке подписан), Никончук отправил письмо в обком партии, копию — в трест «Жилгражданстрой»: «ГПТУ-6 просит вас оказать воздействие на СМУ-1 по устранению дефектов...» И далее перечень из тринадцати пунктов.

— Отправлял письма-просьбы строителям — все без толку, — досадует Никончук.

Задаю вопрос, который давно вертится на языке:

— Как же вы, Владимир Павлович, подписали акт о приемке корпуса? Да еще с оценкой «хорошо»!

— Строители тогда божились: все дефекты устраним.

— К несчастью, цена таким обещаниям...

— Не подписать акт — тоже палка о двух концах... Да и в управлении профтехобразования нажимали: «Надо подписывать!»

— Странно, — ответила мне на тот же вопрос Н. Т. Осипова, — в период сдачи корпуса, как я помню, шли дожди, но

ничего с крыши не протекало. Никончук сам сказал тогда: «У меня вопросов нет», — и подписал акт.

Не берусь судить, что сыграло большую роль: нажим ли строителей, уступчивость или недосмотр работников профтехобразования... Ситуация сложилась просто оскмину набившая: одни пытаются сдать объект с кучей недоделок, другие, закрыв глаза, с благодарностью его принимают. Кто больше виноват?

Можно сколько угодно взывать к совести строителей, но, пока есть возможность взыскать негодный товар, остается и соблазн сделать это. Можно много рассуждать о позиции заказчика, обязанного тверже стоять на страже собственных интересов. Но выход, как ни крути, только один: строить нужно качественно, тогда все остальные проблемы отпадут сами по себе.

Легко сказать — проблемы отпадут... Пока все объекты профтехобразования — долгострой, о качестве говорить не приходится. Не в том даже суть (хотя и это со счетов не сбросишь), что время, дожди и снегопады делают свое разрушительное дело. На полузамороженной стройке никто не будет держать хорошие бригады, это ясно. Так начинается чехарда с перестановками бригад, так заранее словно планируется предпусковой аврал.

Объекты профтехобразования должны строиться в комплексе: учебный корпус и общежитие. Но и на ГПТУ-6 такую комплексность застройки выдержать не смогли — занятия идут, а конца работ на общежитие не предвидится. Строила его бригада Потанина, потом ее перевели на другой объект, а сюда поставили бригаду каменщиков Степанова. Учеников временно (считай, минимум на год) расселили по общежитиям других училищ. Чувствуют они там себя довольно неуютно: все-таки живут на птичьих правах...

Сделаю небольшое отступление. Мне не раз уже приходилось обращаться к опыту известного строителя Владислава Пахомовича Серикова. Сравнение само напрашивается и на этот раз. В его бригаде сложные промышленные объекты сдавали не сотни, не десятки — двое-трое рабочих, а все остальные уже работали на следующих сооружениях. Никаких лишних людей ни при каких обстоятельствах Сериков на стройку не допускал. А все потому, что с первого колышка и до сдачи «под ключ» бригада была единственным и полновластным хозяином объекта. Не допускала брака, сама находила способы сократить сроки строительства — бригадный подряд «работал» в полную силу.

Мелкие специализированные бригады на стройках Улан-Удэ больших задач не решают. И мастерам, прорабам трудно работать с несколькими разрозненными бригадами, вместо того чтобы иметь дело с мощным, крупным комплексным коллективом, который мог бы нести ответственность и за сроки, и за качество строительства.

Главный инженер треста «Жилгражданстрой» Б. Ж. Базаров корень зла видит в том, что заказчик, то бишь управление профтехобразования, плохо комплектовал оборудованием.

— Объекты сами по себе несложные. Почему так трудно и долго строятся? К примеру, когда мы строили общежитие ГПТУ Минпищепрома, заказчик не поставил светильники, калориферы, вентиляторы, электротехнику и другое оборудование. Это оттянуло срок сдачи общежития, и намного. Разумеется, отразилось и на качестве: пришлось ставить оборудование то, какое под рукой оказалось. Из-за этого сантехнику, вентиляцию монтировали не по проекту, пробивали отверстия там, где их быть не должно. Таких переделок много, все и не перечислишь.

— Ну, а чем объяснить столь низкое качество строительства ГПТУ-6? Того, которое сдали с оценкой «хорошо»?

— Я не курировал этот объект, поэтому не в курсе.

— А письмо директора ГПТУ со списком недоделок получали?

— Видимо, оно у управляющего. Но я уже посылал туда техинспектора. Если еще не устранили недоделки — приму меры. Вот, помечая себе: ГПТУ-6...

По поводу бедственного положения нового училища было даже совещание в обкоме партии, вызывали туда строителей. Только главный инженер стройтреста не в курсе, устранили там брак или нет...

Что касается претензий к заказчику, то они, видимо, справедливы. Но и то учесть надо, что у управления профтехобразования сколько строев, столько и подрядчиков — ремстрой, дорстрой, межколхозстрой, жилгражданстрой... Каких только «строев» нет! Насколько легче было бы согласовывать работу, если б хоть в городе (про всю республику не говорю) был один подрядчик.

...Отчего же все-таки именно объекты профтехобразования такие «нелюбимые» у строителей? Необходимо было поговорить на эту тему с компетентным человеком в главе — как-никак, это самый крупный подрядчик в городе и республике. И «долгов» у него что в Улан-Удэ, что за его пределами хватает.

Специалист из Главбурягстройа, курирующий эти объекты, не возражал против встречи с журналистом, но... только с введом начальника главка С. М. Антонова.

Что ж, позвоним начальнику главка... Узнав, в чем дело, С. М. Антонов сам предложил встретиться. Завтра, в девять утра.

Без двух минут девять я был в приемной. Встретил меня помощник начальника:

— Слава Михайлович говорил про вас. Но у него в кабинете сейчас бюро. Может, вы поговорите с начальником производственно-распорядительного управления Виктором Ивановичем Григорьевским?

Разговор с Григорьевским я тут пересказывать не буду. Вопрос о плохом качестве работ на ГПТУ-6 я задал напрасно, поскольку такие жалобы до Виктора Ивановича не доходили. Что же касается других объектов... Нет кирпича, нет железобетона, нет конструкций — словом, обычные снабженческие трудности. Нет строителя, который, сорвав план, не объяснял бы ими все. Но вот какое обстоятельство надо отметить особо.

В 1983 году главк освоил 51 миллион рублей.

В 1984-м — около 52 при плане 66 миллионов.

На нынешний год Минвостокстрой запланировал главку освоить 81 миллион рублей! Как обеспечить такую прибавку, Виктор Иванович не знал. Ведь это же не просто цифра на бумаге — потребуются люди, материалы, строительная база. Можно предположить пока одно: строители будут искать выгодные в денежном отношении объекты. Хорошо, если в эту категорию попадут здания системы профтехобразования. А если нет?

...Всех этих тонкостей не знают ученики ГПТУ. Но им прекрасно известно то, что они видят собственными глазами: работать можно и кое-как, многие так и делают. Этот вывод расходится с тем представлением о рабочей совести, которое им стараются привить мастера производственного обучения на занятиях. Мастер хорошо говорит. Но вот пришли взрослые дяди-профессионалы, сделали халтуру, получили за нее хорошую оценку, премии и ушли — тоже «метод воспитания»... И еще вопрос: какой из них окажется более действенным?

Наталья ДАРЬЯЛОВА

РАССКАЗ

КРИЧАТЬ

СЧАСТЬЯ

Боль исторгалась вместе с криками, скрывалась беспомощно распростерты тела, сводила их судорогой; измученные женщины будто боролись с кем-то невидимым, и беспорядочные движения со стороны казались нелепыми, неуклюжими и даже смешными.

Смешными? Нелька внутренне одернула себя и со стыдом подумала, что неуместные мысли всегда приходят к ней в самый неподходящий момент и любому несчастью могут придать оттенок фарса. Когда в гололед на улице кто-то поскользнулся и падал, неуклюже раскидывая конечности, она знала: сейчас ее губы растянет дурацкая нервная усмешка и придется отворачиваться или кашлять, чтобы никто не заметил.

— Ты чего стоишь, ложись вон туда, — махнула ей сестра, и Нелька направилась к свободной кровати. Схватки неожиданно кончились, и ей показалось, что она попала сюда случайно, по ошибке, что все это не с ней происходит или не происходит вообще.

Что мир несправедлив, Нелька осознала неожиданно. В их коммунальной квартире, где функции человека как существа общественного выявлялись до предела, жило самое загадочное и скрытное существо, какое Нелька когда-либо видела. О Галине не знали ничего. Она работала уборщицей, была миловидной, очень аккуратной, очень бедной и, если взглядела — чего никто никогда не делал, — очень одинокой. И Нелька всегда ее жалела.

Как-то в самом начале знакомства Игорь пригласил Нельку в кинотеатр «Иллюзион» на новый зарубежный фильм с интригующим уведомлением — «дети до шестнадцати...». Когда в теплой темноте зала застрекотал проектор, составляя на экране из светлых воздушных пылинок далекую зарубежную жизнь, навстречу зрителям с бокалом шампанского, в белой меховой накидке, будто сотканной из снега, окруженная многочисленными кавалерами, вышла... уборщица Галия. Нелька даже испугалась. Вдруг загадочная Галия была когда-то иностранной актрисой, попавшей неведомыми путями в их общую квартиру! Нелька и головой помотала, и кулаками глаза потерла — нет, роскошная Галия не исчезла, она кокетничала, внимала светским каламбурам, и, когда, прибыв на очередной светский раут, выпархивала из автомобиля, элегантный молодой человек, Галин главный кавалер, бросала смахивать пыль с ее туфельки своим белоснежным носовым платком.

Но бал Гали-Золушки длился всего полтора часа; Нелька, полная впечатлений, вернулась домой, а настоящая Галия при экономном кухонном освещении уже чистила мелкую картошку. Нелька поняла, что граф никогда не женится на Гале, и окончательно решила, что мир очень и очень несправедлив. Как сказал умный Игорь, выходя из кинотеатра, действует закон всемирного тяготения: деньги тянутся к деньгам.

Однако ощущать несправедливость мира Нелька начала давно, в детстве, когда ее мать, очнувшись от омерзительного запоя, слюняво целовала дочку в левый глаз, жалела себя и ее и предлагала:

— Ну, хочешь, доченька, поедем к бабушке в деревню? Собирала нехитрую кошелку и, не сказав ничего ни у себя на работе, ни у Нельки в школе, отправилась с первым поездом под славный город Ковров к своей матери, полуслепой старухе Дарье, которая умела якобы заговаривать, зашептывать беду и жила какими-то иными, не мирскими категориями, пребывая в постоянной полудреме своей слепоты, отрешенная от мелочных забот и волнений обычного человека, суть бытия которого есть бесполезная суета.

Выплавав пьяными злыми слезами толику мутных своих нескончаемых печалей, мать уезжала наутро, оставляя Нельку беспризорничать при слепой полоумной бабке Дарье.

Единственное, что оставалось реального в призрачном мире бабки Дарьи, — десятки присказок, приговорков, песенок и частушек. Разбирая на ночь непослушные Нелькины космы, она вытаскивала из них то приставший репей, то соломинку и мурлыкала голосом неожиданно то-о-неньким, молодым и звонким, как рассвет:

— ...Ой, Емелья-дурачок, да Кузька-плут, да Наум-разумник, как пошли они в лесок да погуляти-и... Ой, да падох мотылек да на аленький цветочек, ой! — сокрушено обрывала она вдруг.

— Ой! — вторила ей Нелька. Спустя какое-то время мать померла в больнице от непонятной болезни, а отца у Нельки словно и вовсе не было, не знала Нелька про него.

Так и осталась она одна в их комнате, полученной матерью во времена незапамятные от родного троллейбусного парка.

На Нелькиной фабрике многие девочки, обитавшие в общежитии, завидовали ей: у нее ведь собственная, не от учреждений площадь.

Площадь эта помещалась в недрах неизмеримой общей квартиры в центре Москвы, на улице Воровского, неподалеку от училища Гнесиных. Улица тихой соседкой жила рядом с официальным, многолюдным и шумным Новым Арбатом. Нелька любила свою улицу да и всю старую Москву и в ее двориках, переулках и тупиках чувствовала себя больше дома, чем в своей густонаселенной квартире. И заранее горевала, что скоро соседней расселит и ей придется уехать хоть в отдельную, но далекую квартиру, в один из новых, сиротливых в своей стандартности домов, которые шагают строем, поротно, и она будет приезжать в эти старые родные переулки уже словно бы в гости, как вышедшая замуж дочь приезжает в гости к родителям.

Когда-то теперешний Нелькин дом, солидный и даже заносчивый, принадлежал некоему богачу из богачей. После революции заселили в его хоромы простой, трудовой люд. Но богач был один, а простого трудового люда много, почему и кишел этот люд день и ночь в недрах неизмеримой квартиры, где даже коридор был шириной с улицу Горького, но и народу по нему толкалось, как на улице Горького. Квартира напоминала Ноев ковчег: проживали тут в принудительном соседстве и Антонина Андреевна, врач-педиатр с чуть ли не дореволюционным стажем, к ней до

ТЕРНИЙ

Рисунок
Игоря
СУСЛОВА

с их пор бегали за советом молодые перепуганные мамы, и инженер с высшим образованием Нина Еремеевна по прозвищу «Кобра», и пожилой шофер Дмитриев с улыбчивой толстой женой-украинкой, и алкоголик Тумаков, и дворники Муратовы, и их собака, и чья-то кошка с чьими-то котятками, и общие мыши, и кактусы на подоконниках, и пальмы в огромных кадках, и желтая канарейка, и многие другие, лучше или хуже перечисленных.

Соседи про соседей знали все, про супругов было известно больше, чем им самим друг о друге, потому что взаимное наблюдение как форма общественного внимания стало важнейшей частью светской жизни обитателей квартиры.

Посему неудивительно, что, когда трехметровая входная дверь скрипнула и впустила под сень мраморных колонн, исписанных детской рукой недетскими словами, Нелькиного ухажера, который поцеловал ей руку, весть распространилась с быстротой летнего пожара.

А ухажер у Нельки появился почти такой же роскошный, как в том заграничном фильме. Игорь был студентом четвертого курса какого-то необыкновенного творческого института и казался Нельке одновременно и Кузькой-плутом, и Наумом-разумником из бабкиных припевок. Он завораживал Нельку своей элитностью и ученостью, умел приправить каким-нибудь умным сообщением самые обычные поцелуи, отчего они становились удивительными и изысканными.

— Старик Эпикур говорил, — фамильярно излагал Игорь, обнимая Нельку за плечи, — критерий счастья в чувстве удовольствия, и благо все то, что его порождает...

Легко и со знанием дела рассуждал он обо всем на свете во время их долгих прогулок по тихой летней Москве, которая их и познакомила: Игорь тоже любил гулять по московским улицам, творчески размышляя о судьбах мира и других, еще более важных, вполне конкретных вещах.

Теперь Нелька не ходила — выступала. Все на свете стерлось, кроме большого доброго города, который принимал их, как радушный хозяин.

— Хочу еще Ленинград посмотреть, — делилась Нелька своей мечтой, на исполнение которой давно копила деньги.

— Посмотреть стоит, но не более, — авторитетно заявлял Игорь. — Жить в Ленинграде — все равно что вечно стоять на официальном а-ля фуршете. А Москва — своя, здесь можно и разгуляться, и размякнуть.

Нелька не слыхала про а-ля фуршет, но была с Игорем согласна.

Он Москву хорошо знал, Нелька ее чувствовала. Игорь больше любил московскую пеструю суету, шум больших улиц и особенно улицу Горького, которая, вбирая притоки, мощно устремлялась вперед, нанизывала на себя площади и наконец впадала в вечно людную, неизменно праздничную Красную площадь.

— Горького — это квинтэссенция московской жизни, — говорил Игорь. — Знаешь, например, что филологи разделили ее на разные пласты использования языка: у театра Ермоловой — один язык, у «Араги», естественно, другой, у Моссовета — третий, у Интуриста — и вовсе иностранный...

Нелька предпочитала московскую тишину, мудрую значительность старых, все повидавших домов. Неизменные, сочные названия улиц рыхлили время, перетасовывали годы.

— Вот твоя улица Воровского, — Игорь взмахом руки распахивал перед Нелькой дверь в прошлое, — бывшая Поварская. Вкусное было место! Селились тут царевы-стольники, повара, пекари, а рядом, на месте Калининского, стоял знаменитый кречетный двор, отсюда и Кречетный переулок. Что такое «кречет», знаешь?

Нелька весело мотала головой.

— Кречет — это белый сокол, для царской соколиной охоты! Вообще у царей было так поставлено: Трубниковский переулок — там жили...

— Трубачи? — смеялась Нелька.

— Трубочисты, знаток! Или Собачья площадка...

— Там жили кошки! — догадывалась Нелька.

— Царевы псарни. Ну, раз ты такая умная, расскажи, на месте Ваганьковского кладбища что было?

— Так и было кладбище, наверное.

— Вот и не угадала. На месте нынешнего кладбища жили великокняжеские потешные. «Ваганить» — значит «потешать».

— Вон как время все переворачивает... — удивлялась Нелька, счастливо закидывая голову к знакомому московскому небу, заставленному широкоплечими силуэтами домов.

Игорь с улыбкой глядел на ее задорное курносое лицо, длинные черные волосы. — А знаешь, тебе очень идет летняя Москва! — галантно целовал ей руку и дарил щедрые, со вкусом подобранные букеты.

Зловредная соседка Нина Еремеевна по прозвищу «Кобра», которая всегда предсказывала Нельке материну судьбу, исходила на коммунальной кухне ядом, наблюдая такой невиданный успех, ничем утешиться не могла.

И Нелька перестала думать, что мир несправедлив. Потому что к ней, Нельке, пришло долгожданное заслуженное счастье.

Счастье длилось все лето и потихоньку пошло на убыль. Потом зажелтела осень, и студента послали копать картошку, наверное, для более надежного сопряжения высокого искусства с жизненной прозой.

Сразу пошел дождь, будто небо прохудилось, листья за несколько ночей пооблетели, и на улице установилось сырое безвременье...

Письма до Нельки почему-то не доходили, хотя обещание писать было дано. Но, видно, растворилось оно в вязкой осенней грязи, да в портвейне из сельмага, да в песнях под гитару. Да еще в улыбках студенток, которые и в деревню наверняка не забыли прихватить французскую косметику и модные джинсы в две Нелькины зарплаты.

Прошел месяц, потом, как водится, второй. Подружки на фабрике интересовались:

— Слушай, куда ж твой-то подевался?

Подбадривала только бескорыстная подружка Верка, здоровенная, синяя и голенастая, как мороженый петух.

Наконец Нелька через себя переступила, не утерпела и в уличном автомате набрала номер, отпечатанный в памяти нестираемыми цифрами, как знаменитая надпись на Валтасаровом пиру.

— Я слушаю? — спросил старушечий голос, похожий на голос соседки Антонины Андреевны, врача-педиатра.

— Алё, скажите, можно Игоря? — пробормотала Нелька и замерла, готовая отбросить трубку как гранату с сорванным кольцом.

— Игорек в театр ушел.

— Когда?

— Да дня три назад, — невозмутимо отвечала старушка.

Нелька повесила трубку. Загулял...

Больше старалась о нем не думать. Кончились полтора часа кинобала, надо возвращаться на кухню.

Главное, не думать. Так, было и прошло, наплевать и забыть.

Но забыть Нельке не удалось...

Все узналось, когда от ее решения уже ничего не зависело, и это наполнило ее неизбывным отчаянием и злостью на себя и весь мир.

С той минуты, когда Нелька вышла от врача, растерянная, оглушенная свалившимся на нее горем, с которым не могла сравниться потеря любого ухажера, начались мучительные отношения с этим не родившимся еще существом, которое тем не менее изводило и терзало ее бесконечно. Нелька злилась не на Игоря, который в ушедшей благодати последнего лета растворился, как изображение на экране, когда включают свет, и не на себя даже, она злилась на вредное это, непрощенное существо, с первого же дня начавшее диктовать Нельке свои правила.

Мир виделся ей сквозь мутную пелену тошноты осенним зябким и дождливым днем, болезненным и слабым, меркнувшим под напором ранней темноты.

Неведомое существо точило ее изнутри, изматывало, рисовало черные полукружья под глазами, портило ее теплую гладкую кожу, не давало ни спать, ни есть, и, что всего обидней, не было в целом свете никого, кроме долговязой неудачницы Верки, кто мог бы заговорить, зашептать ее горе!

Неведомое существо, казалось, пришло, чтобы поломать еще и не начавшуюся Нелькину жизнь, вторглось без спроса, без разрешения, как чужой жилец, насильно прописанный в ее комнату.

— Ишь, нагуляла! — Нина Еремеевна любила при всех, на кухне измерить взглядом Нелькин живот. — А ведь предупреждала я, разврат — он до добра-то никого еще не довел. Вся в мать пошла девка. Небось, думала, замуж возьмут, да облизнулась — не нужна ты никому...

И Нелька, обычно бойкая и скорая на язык, не находила, чем ее отбрызнуть, только из глаз быстрыми каплями струилась горькая обида на себя и весь мир.

Но однажды тихая Галя всердцах бросила увесистый половник в кастрюлю с

кипящим супом. Брызги обожгли Нину Еремеевну по прозвищу «Кобра». Она взвизгнула.

Пожилый шофер Дмитриев, который отмывал руки под краном, не оборачиваясь, бросил:

— Ты бы, Нина, помалкивала. Не тебя ли мать сто лет назад за косы из парадного вытаскивала?..

Врач Antonina Андреевна, седая прозрачная старушка, зызывала Нельку к себе пить крепкий нестарушечий чай из стаканов в серебряных подстаканниках. Как-то она погладила Нельку своей съежившейся и невесомой, как осенний лист, рукой и сказала:

— Женщина, Нелечка,— это удивительное создание. В женщине могут одновременно биться сразу два сердца...

Нелька удивленно подняла глаза.

— ...А потом у нее остается лишь половина сердца — другая отдана на всю жизнь. — Antonina Андреевна маленьким, скупым глотком отхлебнула крепкий чай. — И все это для женщины великая благодать и потому — великое бремя...

Внимание наше очень избирательно. На одной и той же улице каждый углядит что-то свое. Модная девчонка заметит, кто как одет, и не посмотрит, хорошо ли очищена от снега проезжая часть, архитектор невольно обратит взор к зданиям, определит мимоходом стиль и время постройки и не поглядит даже, каких по этой улице выгуливают собак, автолюбитель разинет восхищенно рот вслед вильнувшей длинным хвостом «иномарке» и не заметит, сколько по ходу следования расставлено киосков «Мороженое»...

Нелька, занятая своими заботами, никогда не выделяла на улицах детей. Теперь она вдруг обнаружила, что гуляет их великое множество — на руках, на санках, в колясках, на своих «спотыкающихся двоих». Малыши, заботливо, до поту укутанные, вихлялись в крепких родительских руках, словно куклы на веревочках. И Нелька поняла с ужасом: родители как самостоятельные, свободные люди уже не существуют, на переднем плане только дети, а родители — лишь актеры в театре марионеток; их не должно быть видно, они в черных костюмах, все внимание — ярким, краснощекимым куклам-детям!

Боже мой, когда так хочется жить, зализав нанесенную рану, снова броситься в веселую круговерть и впитывать радость бытия, когда материнство не отвергается в принципе, но лишь маячит где-то вдалеке, на неясном горизонте счастливого замужества...

И вдруг! Стыд матери-одиночки, никому не нужной грешницы, неволя на всю жизнь — и это за три месяца зыбкого летнего счастья! Поваганила, натешилась!

Из всего вороха Нелькиных чувств выкристаллизовалось одно — злость к маленькому коварному существу, которое вросло в нее, как опухоль, и было во сто крат хуже, чем нахальный квартирант, въехавший без спроса в ее комнату: существо прописалось в ее жизнь!

В темные, злые, одинокие ночи вспоминались сквозь слезы бабкины припевки.

— Аль у бо-ога я теле-енка съела-а, аль тебе в лесу лесу ма-ало, аль в людях люди-ей не-ет?.. Ай, да падох мотылек, да на аленькой цветочке-ок, ой!..

Эх, видать, полоумная бабка Дарья в слепой своей полудреме судьбу ей, Нельке, предсказала, а Нелька и не почувала...

Нелька одевалась и тихонько выходила на залитую дождем улицу. Город смотрел на нее влажными глазами окон, добрые фонари, склонив свои светлые круглые головы, плакали вместе с ней прозрачными неоновыми слезами.

Шли дни, недели, а где-то там, внутри нее, совершенно непонятным образом строились по клеточкам, как дом по кирпичикам, новый человек.

Последние дни Верка ночевала у нее. Когда все началось, Верка страшно засуетилась, бесцельно закружилась по комнате, как щенок за своим хвостом. Нелька, придерживая живот, пошла вызывать «Скорую». Когда машина, прочертив сонную улицу кометой своей мигалки, подъехала к подъезду, Нельку проводили до дверей молчаливая уборщица Галя и Antonina Андреевна.

— Крепись, Нелечка, миссия женщины высока и прекрасна, — сказала она и пообещала: — Мы вам что-нибудь вкусное испечем.

Из своей комнаты, на ходу натягивая свитер, заторопился шофер Дмитриев: — Зачем врачей беспокоила, мы уж тебя сами доставим.

Схватки делались все сильнее, будто внутри ухал колокол с колокольни Ивана Великого. Дура, а еще боялась, что не поймет, когда роды начнутся!

В роддоме, как и везде, принимали по очереди. Верка выбрала местечко и усадила рядом злую и несчастную Нельку. Тут снова открылась входная дверь, и в приемный покой почти вплыла на руках родственников черненькая худая девушка с бледным, застывшим лицом. Родственники вихрем крутились вокруг нее. «Ишь, цаца!» — подумала Нелька зло. Во время схваток у «цацы» родственники морщились ужасно, будто рожали все хором, а в перерывах горячо обсуждали, какие лакомства можно будет правдами и неправдами переправить роженице. Снова схватывало, и они висли на тоненькой девице, словно на разбушевавшемся силаче.

Подошла Нелькина очередь — снова закрылась дверь еще за одной роженицей, отдавшая ей от обычной жизни: через пять минут вынесли ее одежду.

И Нелька подумала, что хорошо бы, наверное, умереть от родов — так все проблемы сами собой и решаются...

От родственников чернявой «цацы» отделилась толстая дама со взбитой ярко-белой прической, будто на голову ей водрузили торт «безе», и подошла к Нельке.

— Голубушка, может, вы нас пропустите, смотрите, как наша деточка мучается. А вы такая крепкая, самостоятельная...

Нелькина злоба на себя и весь мир нарастала вместе с болью. Она молча отвернулась от дамы, встала и подошла вплотную к родильному сезаму. Родственники сокрушенно забормотали что-то.

«А, чтоб вы скисли!» — подумала Нелька.

Сезам открылся, и нянечка выдала Нельке тапки.

Нелька улеглась на свободную кровать. Пришли врачи и велели забрать женщину у окна в операционную. Ворчливая нянечка быстро перестелила белье, и кровать снова превратилась в островок боли — привели оторванную от родственников «цацу». Она молчала, только вскидывала худые руки, будто пыталась взлететь птица с переломанными крыльями.

И вдруг Нельку схватила, смяла, закрутила в диком танце бешеная боль. Она кидала Нельку из стороны в сторону, и не было пути назад, не было спасения, не было лекарства, не было конца. «Ах, мамочки, что ж я с собой сделала, что сделала!» — моргала Нелька сухими глазами в секунды редких передышек. Слез не было, они не успевали показаться, боль сминала все, и хотелось не чувствовать, не существовать, провалиться в бездонную яму небытия, только бы не страдать так сильно. Мыслей не было. Были только раненные чувства.

— Не надо, девочка, не надо так кричать, — сказал над ней незнакомый теплый голос, и Нелька удивилась: разве она кричала? — Сейчас тебя посмотрим... А, ну скоро мамой будешь, рожать поедем. Давайте, девочки, ее на каталку.

Родильный блок был небольшим и уютным. Все белое, стеклянное и прозрачное, и Нельке показалось, что это аквариум и плавают они все здесь неспешно, как рыбы.

Нельке сделали какой-то укол — иголка вошла в кожу вольно и гладко, и Нелька даже не заметила такой малой, несущественной боли.

— Ну, барышня, а теперь тужишься, — строго сказала ей женщина в голубом халате и кожаном фартуке. — И выполняй все мои приказания, иначе будешь плохо рожать... Боль все насадала, будто внутри рвались разрывные снаряды, и вдруг что-то выскользнуло из нее, как живая рыбка из рук.

— Ну, с кормильцем тебя! — сказала акушерка и устало улыбнулась.

Нелька лежала в изнеможении, не веря, что кошмар кончился. Пощупала недоверчиво свой неожиданно мягкий, опустевший живот и подумала, что в ней осталось только одно сердце. И немного заскучала.

За окном, будто в черную акварель налили воды, неуверенно просветлело. Напряжение стало исчезать, растворяясь в разбухших птичьих трелях, и Нелька незаметно вплыла в первое утро новой эпохи, которая открылась рождением ее сына...

Яркий дневной свет настойчиво лез под ресницы, и Нелька открыла глаза. Вся палата уже встала. Женщины после родов двигались суетливо и неуклюже, как пингвины. Они почему-то торопились, умывались, причесывались, повязывали белые косынки.

— Просыпайся, подружка, просыпайся! — протрубила у нее над ухом приветливый басом толстая соседка слева. — Сейчас малышей принесут.

— Малышей? — удивленно подумала Нелька. — Ах, да, малышей...»

— Тань, а Тань, выгляни, слышь? — донеслось в открытое окно. Толстая соседка слева запахнула теплый халат и засеменила к окну.

— Тань, ты што ж нейдешь, а? Я уж тут столько жду!

— Да, Вить, не выписывают меня сегодня.

— Как так не выписывают? Я уже двадцать курей в Елисеевском закупил, вина-водки заготовил на всю сотню, что ты от меня в комод припрятала, а ты нейдешь!

— Как на всю сотню? Что ж ты вытворил, идол, я на пеленки, на кроватку отложила. В чем же мы ребенка понесем?

— А не бойсь! Тут я тебе подружки твои пеленок полно натаскали. Выходи, а?

— Да не пускают еще, рано, говорят.

— Ты им скажи, слышь, Тань, куря уже жарются, вино откупорено, гости сидят, а ты нейдешь!

— Послезавтра, Вить.

— Дык до послезавтра куря протухнут, вино прокиснет, гости разойдутся... Ну ладно, Тань, мы уж тогда без тебя встречу отметим, только и ты там нажми, чтоб поскорей, сына увидать охота.

— Да чего с вами делать? — с усмешливой строгостью сказала Татьяна. — Ну, празднуй на здоровычко, как сына назвать, померекайте, ты уж у нас теперь папа-аша!

«Малышей несут, куря жарятся, гости ждут, — Нелька облизнула сухие губы, — только меня никто не ждет, заботы сплошные...»

Нелька осторожно повернулась на правый бок и увидела давешнюю «цацу». Та лежала с закрытыми глазами, слишком тихо даже для спящей.

«Ишь, — вспомнила Нелька черный вихрь родственников, — крутятся, небось, суетятся, передачи из деликатеса составляют, прибавлению своему кружав накупили...»

Она недобро разглядывала девушку. Ничего особенного. Вполне обычная, такая же, как она сама, Нелька. Они, можно сказать, одинаковые, только вот привезли ту в роддом не на «Скорой», а на собственной.

— Неля, Нелька, слышь? — Она с удивлением узнала голоса девчонок со своей фабрики.

Боязливо как-то встала, добралась до окна, будто год не ходила, и внизу увидела своих.

Но тут в дверях появилась сестра в высокой накрахмаленной шапочке, которую она несла осторожно, как индианка драгоценный сосуд, словно боялась уронить и разбить.

«Цаца» открыла черные глаза и внимательно посмотрела на нее.

— Женщины, готовы? — торжественно и улыбочиво спросила сестра, будто собиралась вручить каждой новогодний подарок. — Сейчас детей везем.

«Цаца» не отрывала черных глаз от двери.

Вдруг точно звуковой выключатель повернули, весь коридор наполнился детским разноголосьем, и женщины-пингвины засуетились, закудахтались озабоченно.

Сестра в накрахмаленной шапочке ввезла в палату белую тележку с ячеечками. В ячейках, запеленутые в белые коконы, рядком лежали крошечные человечки, похожие на птенцов, которые только-только высунули головенки из белых своих скорлупок и тут же требовательно загалдели. Женщины-пингвины умиленно заулыбались.

Неожиданно рот у черноглазой соседки как-то нелепо, широко раскрылся, губы скривились, она резко села, неуклюже взмахнула тонкими девчачьими руками, потом откинулась назад, упала, уткнулась лицом в подушку, и какое-то неизбыточное горе свело судорогой худенькие ее плечи.

Женщины жалостливо глядели на съежившееся, совсем детское тельце, сестра со своей тележкой испуганно попятилась к двери. Стало очень тихо.

Нелька зябко пошевелилась, и под ней визгливо заскрипела пружина.

— Тихо ты! — грозно шепнула ей толстая соседка. — У ней вчера... неживой родился!

Требовательные птенцы на тележке устали ждать и загалдели еще громче.

Сестра, будто делая что-то предоступительное, осторожно, почти крадучись, стала разносить свертки. Женщины молча протягивали к ним руки, как к солнцу, нежно укладывали рядом на подушки, не видя уже никого вокруг.

В Нельке внезапно забурило нетерпение. «Ну, найди моего, найди моего». — мысленно торопила она.

Наконец сестра вручила ей сверток, который оказался невесомым игрушечным розовым человечком с заорно вздернутым носиком и беззубым старушечьим ртом, розовым, как у котенка.

Нельке вдруг стало до боли жалко крошечного человечка, который смотрел на нее ее собственными голубыми глазами и тихо попискивал.

У нее занемели руки, будто держала она великую, непосильную тяжесть.

Это было родное, частица ее самой, и частица самая нежная, самая беспомощная и самая бесценная.

Слезы непрошено навернулись на глаза, и сквозь их плену Нелька глядела на мир, просветленная, притихшая, переполненная жалостью и любовью ко всем, кто был вокруг, и крепко прижимала к себе своего малыша, такого беспомощного и такого сильного, в твердой решимости оградить его от всех бед, прижимала к себе этот белый сверток благодарная, покоренная навсегда — мама...

ДЛЯ НИХ МЫ ВСЕГДА — ДЕТИ

В нашей редакционной почте есть особые письма, которые невозможно взять и просто отложить в сторону. Потому что письма эти о самом дорогом, самом близком и любимом человеке на свете — о Матери. Публикуя их в этой подборке, мы хотим напомнить слова, которые сказал о матерях замечательный советский педагог, Герой Социалистического Труда Василий Александрович Сухомлинский:

«Самое святое и прекрасное в жизни человека — это мать. Очень важно, чтобы дети чувствовали нравственную красоту труда, который приносит радость матери. Постепенно у нас в коллективе родилась и утвердилась прекрасная традиция — осенью, когда земля и труд дают человеку щедрые дары, мы стали отмечать осенний праздник матери. Каждый ученик приносил матери в этот день то, что создал своим трудом, о чем мечтал целое лето, а то и несколько лет: яблоки, цветы, колосья пшеницы, выращенные на крохотном участке (у каждого ребенка на приусадебном участке родителей был уголок любимого труда). «Берегите своих матерей» — эту мысль мы утверждали в сознании мальчиков и девочек, готовя их к осеннему празднику матери. Чем больше духовных сил вложил ребенок в труд во имя радости матери, тем больше человечности в его сердце...»

Слова о любви к людям — еще не любовь. Подлинная школа воспитания сердечности, душевности и отзывчивости — это семья; отношение к матери, отцу, дедушке, бабушке, братьям, сестрам является испытанием человечности».

ТОЛЬКО ТЕПЕРЬ Я СЧАСТЛИВА

Дорогая редакция!

Хочу поделиться с вами самым сокровенным. У меня было счастливое детство. В школе и в институте я тоже не чувствовала себя обделенной судьбой. Были друзья, подруги, поклонники, но все это куда-то ушло, когда тяжело заболела моя мама. Начались хождения по больницам, аптекам, всегда нужно куда-то успеть, что-то достать, приготовить. А потом и вовсе не выйти из дому: мама почти не встает с постели. Вечерами я всегда с ней. Мама сама просит, чтобы я не отдалялась от друзей, но... Подруги все замужем, у них свои заботы, кавалеры приглашают в театр, в ресторан, а куда я от мамы?..

Как-то само собой получилось, что к тридцати годам я растеряла всех своих хороших знакомых, привыкла к одиночеству, даже находила в таком состоянии какой-то смысл: можно спокойно читать, слушать музыку, думать. Но временами нападала такая тоска, просыпалась такая безысходная жалость к себе, что хотелось плакать, как от боли.

От мамы разве что скроешь?.. Она, конечно, замечала все перемены моего настроения. Однажды вечером усадила меня рядом с собой и сказала: «Выходи замуж, дочка, или заведи ребенка».

«Что ты говоришь, мама?!» Поначалу я даже обиделась на нее. Но сказанное уже не давало покоя. На замужество шансов у меня, увы, не было. И тогда после долгого колебания я решила взять мальшца из Дома ребенка.

Нет сил рассказывать, как я нашла своего Павлика. Помню только грустные детские глазенки, смотревшие на меня с какой-то тревогой и надеждой, и его робкое, едва слышное: «Мама».

Я тогда чуть не разрыдалась. Ехала домой, но уже не могла успокоиться. Ночью мне снились его грустные глазки, я словно слышала его голосок, звавший меня...

Вот так появился в нашем доме маленький человечек, мой сыночек, мой Павлик. Все вокруг сразу ожило, преобразилось, заиграло красками. Теперь я уже не иду, а лечу домой — как на крыльях.

Мальчик быстро привык и ко мне, и к бабушке — даже лекарства ей подает. Когда я на работе, несколько раз спросит: «А когда мама придет?» Одна моя подруга, узнав обо всем, пришла в ужас: «Зачем ты взяла на себя такую обузу? Мало тебе больной матери?» Но разве воспитывать ребенка — обуза?! Нет, нет и еще раз нет! Это ни с чем не сравнимая радость, которую ничто не заменит. Ведь женщина создана для материнства, и отказываться от него просто противоестественно.

Как я благодарна маме, что она посоветовала мне взять мальшца! Только теперь я чувствую, что живу по-настоящему. И я счастлива несколько не меньше тех женщин, у которых свои дети.

М. КУДРЯВЦЕВА,
инженер-конструктор,
Горьковская область

РОДИТЕЛЬСКИЙ ДОМ — НАЧАЛО НАЧАЛ...

Уважаемая редакция «Смены»!

Позвольте мне обратиться к тем родителям, у кого дети «опасного» возраста. Я хотела бы сказать им вот что: не оставляйте своих детей без внимания, вовлекайте их в свои интересы и заботы, не пренебрегайте хорошей традицией посидеть вечером всей семьей за «круглым столом», обсудить вместе дневные поступки, наболевшие вопросы, может, даже и поспорить. Интересуйтесь, где и с кем ваши сын или дочь проводят время, чаще ходите вместе в кино, на концерты, в походы, прививайте любовь к природе, к искусству, к чтению. Ведь хорошая книга — это богатство человеческих чувств, характеров, поступков! И если подросток с упоением зачитывается такими книгами, как «Овод», «Два капитана», «Таинственный остров», то вряд ли он когда-нибудь станет подонком.

Хочу обратиться и к женщинам-матерям: если вы заметили, что подросток теряет интерес к прекрасному, немедленно бейте тревогу, боритесь всеми силами за него. На это нужно много времени и душевных сил, но это необходимо! Вспомните: ведь это вы кормили его своим молоком, огорчались по поводу малейшего недомогания в детстве, так почему же вы теперь спокойно сидите у подруги в гостях, в то время как ваш сын бродит по улицам в поисках приключений... И, конечно, вы сами должны прежде всего вести себя достойно, ведь дети замечают любую ложь и фальшь взрослых. Если вы сумеете у себя в семье создать атмосферу богатой духовной жизни, сумеете найти путь к сердцу своего ребенка (а это возможно лишь при общности интересов и увлечений), вы станете для сына лучшим другом, и он впоследствии будет вам только благодарен.

...Мы с мужем живем уже 21 год, у нас сын. Я часто болела, и муж всегда безропотно взваливал на себя заботы о мальшце.

Прошлым летом наш Сергей отслужил срочную службу. Он возвратился из армии ранним утром и целый час ходил во дворе, под окнами, потом объяснил: «Мне жаль было вас беспокоить, вы так крепко спали...» Он вошел в комнату такой возмужавший, повзрослевший, в парадной форме со множеством значков на груди и подарил нам цветы — чудесные гладиолусы. Я заплакала — то ли от радости, то ли от обиды, что проспала такой торжественный миг и что он не дал телеграмму (о

чем я просила в письмах), а мне хотелось встретить его с поезда. Желая всем родителям испытать счастье этой минуты — когда ваш сын возвратится из армии! Воспитайте своих детей так, чтобы они могли обратиться к вам словами известной песни:

*Родительский дом — начало начал,
Ты в жизни моей — надежный причал...*

Галина КУРЯВСКАЯ,
фармацевт,
Анапа

ВСКОРМИВШАЯ МИР

Дорогая редакция!

Недавно я посмотрела фильм «Милый, дорогой, любимый, единственный...». В целом он не заслуживает, чтобы о нем много говорили, но одна проблема там затронута очень актуальная — проблема материнства современных девятнадцатилетних девочек, которых надо еще самих воспитывать.

У меня возраст примерно тот же, что и у героини фильма. Но, честное слово, среди моих сверстниц нет ни одной, похожей на нее. Мои подруги, недавно ставшие матерями, готовы часами рассказывать об улыбках своих детей, об их первых шагах, о своем счастье — бесконечно трудном, но счастье. Одна из них росла без отца, с большой матерью. После замужества стало не легче, много пришлось пережить разочарований, которые не всякая взрослая женщина вынесет, но родился сын, и многое переменялось: появились ответственность, они с мужем больше стали думать не только о ребенке, но и друг о друге, добрее стали, терпимее.

А вот другой моей подруге ее «любимый и единственный» объяснил, что «не считает появление ребенка достаточной причиной для женитьбы»: Но ребенок родился, и только теперь эта женщина понимает, что познала самое главное в жизни — счастье, а остальное, как говорится, приложится. Да разве и сейчас мало: позади институт, впереди — работа и жизнь, продленная вдвое в ребенке!

Но почему тогда приходится слышать о брошенных младенцах, видеть детей, которые попадают в больницы после родительских побоев? Ничем нельзя оправдать преступления женщины, бросающих детей, но рядом с ними — другие, те, кто, отчаявшись устроить свою жизнь иначе, усыновляет детдомовских детей, заведомо зная, что никогда не будут связаны с ними теми природными узами, которые раз и навсегда связали их с родной матерью. Как хорошо, что такие женщины не являются сегодня редким исключением: как известно, существуют многочисленные очереди на усыновление...

Наше общество, озабоченное растущим числом разводов, а следовательно, и детей, остающихся без папы или мамы, дает молодоженам «испытательный срок» до вступления в брак, во Дворцах бракосочетания есть лектории по самым важным для молодой семьи проблемам. Но ни для кого не секрет, что, как правило, эти лекции молодоженами не посещаются — может быть, просто не до того в предсвадебной суете? Для будущих матерей созданы лектории в женских консультациях — картина та же. Да и не очень-то верится, что, прослушав пару лекций, все сразу станут хорошими женами и прекрасными матерями. Может быть, начинать нужно раньше? Может быть, воспитание подобного рода должно стать постоянным и естественным фоном нашей жизни?

«Восславим женщину — Мать, чья любовь не знает преград, чьей грудью вскормлен весь мир! Все прекрасное в человеке — от лучей солнца и от молока Матери, вот что насыщает нас любовью к жизни», — писал М. Горький. Цитируя эти слова, я, признаться, не могу вспомнить более или менее яркого выражения подобных мыслей в литературе последних лет, хотя сама жизнь показывает, что эта вечная тема звучит в наши дни с особенной актуальностью. Неужели можно поверить, что образы незадачливых матерей полностью заслонили собой тех женщин, которые, как и во все времена, целиком отдают себя детям, воспитывая в них самые лучшие и добрые качества? Правомерно ли подмена прекрасных и возвышенных образов матерей-тружениц теми, которые составляют большое и уродливое исключение из их числа? Вспомните, как трудно бывает оторвать взгляд от прекрасного, усталого лица молодой женщины, оберегающей сон своего ребенка в переполненном вагоне метро. И в наш бурный век не стерты с лица женщины-Матери и не закрашены косметикой прекрасные ее черты — нужно только приглядеться...

Елена СКОПИНА,
студентка,
Москва

ДОЛГ

Алексей ВОРОБЬЕВ.
Фото Сергея ВЕТРОВА.
Специальные
корреспонденты
«Смена»

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ МОЛОДОГО СИБИРСКОГО ГОРОДА

НОВЫЙ МИКРОРАЙОН.
ТАЕЖНЫЙ ВАРИАНТ.

МИГ,
КОГДА ВСКРЫВАЮТСЯ
«ГОРИЗОНТЫ».

С ДОБРЫМ УТРОМ,
СТОТЫСЯЧНЫЙ ЖИТЕЛЬ!

КРАСКИ ПРАЗДНИКА.

ПОВЗРОСЛЕВШИЕ

Были времена, когда езда требовала от водителей не только профессионализма, но и мужества. Но вот дорогу основательно подновили, стала она надежна и удобна. Машина плавно вписывается в повороты, за окнами мороз под сорок, сосны стеной.

Трудно поверить, что уже давно едешь по городу.

— Не просто по городу—по самому большому в мире,—усмехнулся случайный попутчик.—Не верите? Академик Аганбегян утверждает, что площадь его целых 200 тысяч квадратных километров. Это же вдвое больше территории всей Болгарии!

Позже, в горисполкоме, выяснилось, что ошибки нет, космические размеры соответствуют истине. Нерюнгри начинается сразу от северного склона Станового хребта и тянется тайгой, сопками мимо бамовских поселков Золотинка и Беркамит на двести с лишним километров, убегая на север, к Чульману, знаменитому единственному в здешних местах аэродромом. Город Нерюнгри как единица административная.

В нынешнем году предполагалось отметить сразу два события—десятилетие города и рождение стотысячного его жителя. Но жизнь, как говорится, внесла коррективы—второе событие намного опередило первое. Подрастет скоро стотысячный нерюнгринец Андрейка—первенец в семье Татьяны и Анатолия Луковцевых—и узнает, что вместе с многочис-

ленными сверстниками появился он на свет в знаменательный год укладки золотого звена БАМа. Узнает, какую роль сыграла великая стройка в судьбе его родного края.

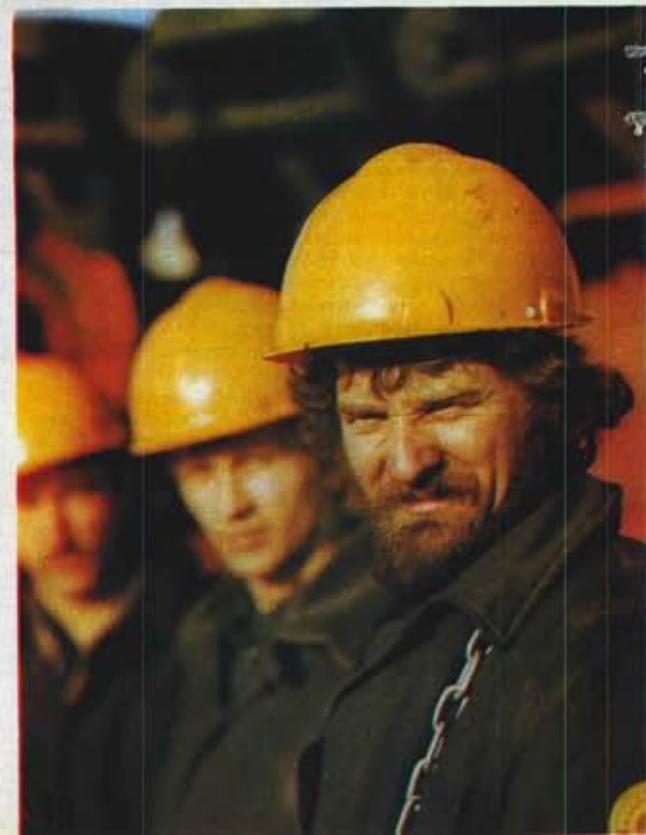
О богатствах в русле реки Нерюнгри догадывались давно. Мощный угольный пласт площадью четыре на шесть километров, возле которого и встал сегодня город,—лишь крупинка тех драгоценных россыпей, что хранит Южная Якутия. Уголь, железная руда, масса других ископаемых. Догадывались, знали да взять не умели.

Рельсы Малого БАМа пришли сюда в октябре 1977-го. Появилась возможность брать из здешних кладовых уже не щепотками и горстями, а шелонами. В Нерюнгри же потоками пошли материалы, оборудование, мощные машины для быстрого освоения угольного разреза. Кстати, о машинах.

На какой бы из крупных строек Сибири ни приходилось бывать, везде жаловались на нехватку техники, мечтали хотя бы о парочке дополнительных тракторов и десятке самосвалов. В Южной Якутии впервые довелось услышать особое мнение на сей счет.

— Техники добавлять уже не будем,—заявил заместитель директора разреза «Нерюнгринский» Владимир Абрамович Унру,—машин и механиз-

«МЫ ИЗ ПЕРВОГО ДЕСАНТА».

НОВОСЕЛЫ

мов достаточно. Ну, разве получим кое-что на замену...

Техника дана Нерюнгри могучая. Взять хотя бы стовосьмидесятитонный БелАЗ или двадцатикубовый экскаватор ЭКГ-20. И тот и другой гиганты: по одной колее БелАЗа свободно проезжает грузовой МАЗ, а в ковше ЭКГ-20 может уместиться хоровая капелла. Есть ли необходимость убеждать, что с такими машинами поистине можно горы ворочать?

С приходом Малого БАМа город стал расти как на дрожжах. Еще только закладывались корпуса самой производительной в стране обогатительной фабрики, а уже добывался в открытом разрезе уголь, готовилась к пуску первая очередь Нерюнгринской ГРЭС, заселялись строителями первые многоквартирные дома.

Нерюнгри рос даже стремительней первых родившихся в нем жителей. И десять лет спустя его основателям и старожилам уже есть чем похвастаться.

За день здесь тратят больше миллиона. Точнее, осваивают миллион триста тысяч рублей капиталовложений. Каждый месяц грузовики и экскаваторы перемещают по шесть миллионов кубометров грунта. (Кстати, при строительстве Якутского участка БАМа за несколько лет отсыпано грунта лишь немногим больше — десять миллионов кубов.) И хозяйственное освоение зоны БАМа тоже впервые начато именно в районе Нерюнгри.

Сегодня средний возраст жителей города — два-

дцать шесть лет, а ветеранам самых первых десантов — едва за тридцать. Это они обжили тайгу, научились работать и построили город. История ударной комсомольской в масштабах своих, в звучных цифрах и громких фактах — их рук дело.

ВЗРЫВ

До взрыва оставалось полтора часа, и нужно было спешить, но Цветков медлил.

— Шнур выдержит по погоде?

— Должен, мы рассчитали...

— Тогда давайте наверх, понаблюдаем.

«УАЗик» выскочил на верхнюю площадку, заложив крутой вираж, встал колесами в метре от обрыва. Внизу шевелились бульдозеры, дымили выхлопными трубами грузовики, еще работали люди. Будто не зная, что совсем скоро площадка, где они находятся, взлетит на воздух: накануне там было заложено более тысячи тонн взрывчатки.

— Пора убирать всех, — заключил Цветков и приложился к рации. — «Сорок второй», ответь «тридцать шестому».

Заместитель главного инженера разреза «Нерюнгринский» по буровзрывным работам Юрий Цветков сейчас был хозяином на северном крыле. В эти минуты ему подчинялся и рабочий, и высокий начальник.

Горизонты северного крыла разреза поднимались друг над другом пятью гигантскими ступенями. Как в

амфитеатре. Повинуясь командам, последние машины медленно уползли с горизонтов в укрытия, площадки постепенно пустели. Там, внизу, оставались лишь взрывники.

— Включите сирену. И чтоб никого в зоне! Еду на первый блок.

Блоком называется начиненный взрывчаткой горизонт. Вначале буровики сверлят в породе скважины, потом заполняют их взрывчаткой, подводят шнур с боевым зарядом. На блоке таких скважин сотни две, в каждой до тонны гранутола. И каждая обязательно должна сработать.

После осмотра первого блока Цветков отправился на второй, тоже оплетенный сеткой детонирующего шнура. Взрыв пробегает по такому шнуру со скоростью семь километров в секунду, добираясь до скважины, возбуждает шашку боевого заряда.

Вдоль кромки блока молодой взрывник в огромной волчьей шапке протягивал дополнительный шнур, вплетая его в сеть.

— Зачем это?

— Дублирую. На всякий случай. Схема новая, вдруг где обрыв. А у нас двойной шнур!

«Молодец парень, сам разобрался, — пояснил позже довольный Цветков. — Специально порой задаю им дилетантские вопросы, проверяю, чувствуют ли ребята ответственность. Иначе рискованно держать их во взрывниках».

Взглянул он на часы, лишь когда тщательно проверил зарядку всех четырех блоков. До взрыва оставалось

Виталий КОРОТИЧ
ПАРК ВЕЧНОЙ СЛАВЫ

Самолеты тихо исчезли
в тигле солнца, как мотыльки.
Давних лет метели железные
под землю спят, глубоки.
Под пластинами камня и битума
спят поэты,

пахари спят.
Ах, оркестров гром над убитыми
и весенних ливней набат!
В плеске меди лежат сраженные,
в половодье весен живых.
И заводы гудят, рожденные
после них —

именем их.
Календарные строки узкие...
Только помнится

каждый день.
Ах, зачем же так много музыки,
разве ей воскресить людей?!
Ах, зачем, сединой задымлена,
так тревожно стонет душа?!
Ах, о чем часовой задумался,
карабин у ноги держа?..
Что в слезе этой женской горестной
отражается и болит?..
И транзистор умерил говор свой,
и немой самолет летит
над музеями,

и над музами,
и над муками всех калек...
Ах, как слышен в парке сквозь музыку
крик молчанья —
твой голос,
век!

— А может, и лучше — забыть?
За легкой оградой ресниц
укрыться,
подальше забиться
от чадных военных зарниц
над полем, где зерна не всходят,
где дни поседали в огне,
где танки по памяти ходят
и мертвых везут на броню.

— Я в этом десанте,
я с этой брони,
уж не знаю,
когда в нашей пепельной памяти стихнут бои.
Забудь, если сможешь.
Забудь — это мука сквозная,
как желтое пламя глодало ладони мои.
Пусть мама над братской могилою
встанет с колен.
Все тленно.
Все смертно.
Лишь память сильнее, чем тлен.

— Стучит пулемет, спотыкаясь,
сквозь годы и сны — наугад.
Война не умолкнет, покамест
в телах наших пули болят,
пока с гимнастерок словами
не смывать проржавевшую соль...
Покуда в слезинке у мамы
живешь ты, бессмертный, как боль.

— Я знаю, что снова меня наведишь и бесслезно
припомнишь и танки,
и поле,
и пуль перещелк...
Нас тысячи тысяч —

никто не исчезнет бесследно, —
убитые дни мы живущим оставили в долг.
Да что там долги!
Выраженья потребны иные...

Ты слушаешь?
К маме зайди.
Вытри слезы родные.
— Ты слышишь,
лежит над листвой прошлогоднею иней?
Тебя не знобит
от подземного черного льда?
— Военная копоть глаза выжигает донныне,
но сердцу тепло, когда люди приходят сюда.
— А летом
тебя не терзает
дыхание зноя,
когда от жары, словно печь, раскаляется день?
— Я в снах облаков,
белый вист парит надо мною,
и колос дарует свою золотистую тень.
— А как я ступлю на забытый тобою порог?
— Скажи моей маме, что долгие бои и жесток,
из чаши кровавой нас щедро поила война.
— Она не поверит...
— Душою почувет она.
Ты слышишь! Весна!
Слышишь, брат, это снова весна...

— Прости, любимый, что замуж вышла, —
я честно ждала счастливых вестей,
тоской извелась, отцвела, как вишня,
лишь память —

порослью между пней.
Мы так давно не виделись, милый,
к тебе — как в утро любви моей;
приди — хоть душу мою помилуй,
улыбкой над памятью залей...
Ах, эта война так долго тянулась — 1418 дней...
— Когда я дремал, становясь землею,
твой старший сын пробежал по мне.
Я был твоей мукой и высотой!
Дорогой — пылью под его стопою,
огнем васильков цвету в тишине.
Уж столько лет утекло, родная,
вослед отнявшей тебя войне...
— А ты, словно песня, меня тревожишь,
все ближе судьбой своей огневой, —
я скоро увижу тебя, а сможешь
узнать меня, ненаглядный мой?!
Я так искала, ждала...

Солдаты
вернулись, но ты не пришел домой.
Победные марши,
салюты, даты...
Как тяжело мне было тогда одной!
1418 дней продолжалось это проклятье —
крошечный бой.

лось сорок минут. Цветков щелкнул кнопкой радиации, приказал:

— Боевой сигнал. Время уже...
Тишину разреза тут же располосовали две длинные сирены. По боевому сигналу зона взрыва полностью блокируется. В ее пределах находится уже опасно: взрывники начинают врезаться в детонирующую сеть капсулы-замедлители. Операция трудоемкая, но необходимая — капсулы помогут сохранить строгую последовательность при подрыве блоков, без них все скважины сработают сразу, что будет равносильно небольшому землетрясению.

Здешний пласт угля по форме напоминает чашу. Края ее выходят на поверхность, там уголь брать легко, но качество его низкое. Лучший уголь находится в глубине, под слоем породы, а она крепка даже для зубьев мощных экскаваторов. Поэтому, прежде чем добраться до драгоценного антрацита, нужно разрушить панцирь из плотного серого песчаника взрывом. Только взрывом.

— «Сороковой», я «тридцать шестой». Можно поджигать.

Синий МАЗ вывез из опасной зоны последнего взрывника, Камилла Салахутдинова. Где-то там, за восемьсот метров, уже дымился запаленный им шнур.

— А все-таки неправильно зарядили, — брякнул кто-то в толпе взрывников.

— Договорись! Сей час тебе камень прилетит, — подпрыгнули от возмущения сразу несколько человек.

И вот толкнуло из-под ног землю — тысяча тонн взрывчатки выстрелила в небо огненными столбами, разметав на сотни метров острые осколки породы. Цветков проверил, все ли скважины сработали, и дал отбой — три зеленые ракеты.

«...В 1985 году объем вскрытия породы на разрезе «Нерюнгринский» достигнет девяноста миллионов кубометров, мы выйдем на прежнюю

мощность добычи — тринадцать миллионов тонн угля в год». (Из беседы с заместителем директора разреза В. А. Унру.)

— Хорошо получилось, — улыбнулся Цветков. — Миллион кубов с четвертью сегодня подняли. И осколки не такие крупные, удобно будет грузить экскаваторам.

Из-за дыма и медленно оседавшей каменной пыли уже доносился рокот приближающихся бульдозеров. Они спешили продолжать работу.

УВАЖАЙТЕ БЫТ!

Года два назад Олег чуть не уехал. «Все, собираемся, не могу больше, устал так жить» — говорил он в сердцах жене Нине. Нина помолчала, дала мужу остынуть и попросила тихонько: «Давай подумаем».

Олег Пухкалов остался. Что удержало: воспоминание о первом десанте Малого БАМа, орден «Знак Почета» за освоение магистрали, заботы о бригаде или неотложные обязанности члена Нерюнгринского горкома комсомола? Или все же не так легко уехать из города, который строил сам, где руками своими укладывал бетонные блоки в основания многих домов, где за десять лет жизни крепко сплелись юношеские мечты и трудная работа?

Как уедешь из города, судьба которого тебе не дает покоя?

...Была новогодняя елка, наряженная прямо в тайге, была свадьба с оленями, на которой гулял весь поселок, и невеста в белом платье танцевала на пятидесятиградусном морозе. Первая свадьба в поселке, где собрались строители будущего города, — их свадьба.

— Знаете, мы жили тогда трудно и счастливо. — с какой-то скрытой грустью проговорила Нина Пухкалова. — Нас будили среди ночи, просили выйти на улицу, на мороз, потому что пришли машины и их срочно

требовалось разгрузить. Полночи мы таскали мешки, токи и ящики, выматываясь насмерть, и возвращались в вагончики, едва передвигая ноги, совсем счастливые. А через три года машины перестали приходить по ночам. И с нами вдруг что-то произошло. Мы стали меняться...

Поселок обустроивался. Кто получил квартиру в новом доме, кто — койку в общежитии. В целом жить стали лучше, но ощущения счастья поубавилось.

И не было уже под окнами такого чистого снега, которым прежде умывались по утрам...

Проблемы молодых городов известны, их много, похожих, повторяющихся в бесчисленных вариантах. Но в том и беда, что повторяются, и, зная эти проблемы, мы снова в очередной раз тиражируем их. Почему?

Обрисую несложную ситуацию. Специализированный строительно-монтажный поезд «Кузбасс» с одним из первых десантов в декабре 1975-го вышел из Новокузнецка и через сутки был в Тынде. Везли с собой все — от бульдозера до гвоздя. Была там и дюжина вагончиков для жилья. Когда прибыли на место и расположились, оказалось, что жить придется по десять — пятнадцать человек в вагончике, установив койки в два этажа.

Мы долго пытались выяснить у Пухкалова, который тогда был одним из руководителей поезда, почему бы не захватить с собой вместо дюжины два или три десятка вагончиков, не обрекая людей на годы тесноты? Ну, нельзя сразу, так ведь можно послать крохотную бригаду за новой партией домиков чуть позже. Почему этого не сделали?

Олег не ответил сразу, а потом сказал, что думалось в те дни о другом, совсем не до вагончиков тогда было.

Когда Министерство угольной промышленности СССР планировало население будущего Нерюнгри, предполагалось, что 80 процентов жителей в нем

— Не плачь, родная, все слишком просто:
еще не успев заучить устав,
споткнулся в атаке я—

там,
у моста,

в росу довоенной любви упав,
где ныне идут сыновья с тобою
и я вас касаюсь руками трав.

...Конца не дождался первого боя,
но жизнью твоею—жив я и прав,
просто уж столько лет пролетело,
и тысячи слов,
и сто тысяч слав...

— Милый...

— Я аист в весенней сини...

— Милый...

— Я жарких полей страда...

— Милый мой, как далеко ты ныне!

— Я рядом, родная.

Ушли—года...

III

— Ты слышишь,
веселые струи несутся ярами,
и дети бегут, молодую сминая траву,
и небо для солнца распахнуто настезь ветрами,
и лес одевается снова в тугую листву.

— Так вечность проходит.

Так вечность проходит над нами.

Во всех воскрешенных планеты и я оживу!

— Ты слышишь,

пульсируют рек

перекрытые вены,
в турбинах вскипает всемирных потоков литье,
и корни кленовые тянутся вглубь сокровенно,
и шахта—под клены—стальное стремится острие.

— Так вечность проходит,

мои принимая мгновения.

в туннелях, проложенных вами,—

бессмертье мое.

— Ты слышишь,

оркестр над тобой твои песни играет,
и люди тебя навещают в стотысячный раз,—
никак этот мир к твоей гибели не привыкает.
Ты—памяти нашей неприкосновенный запас.

— Так вечность проходит.

Так вечность меня обнимает.

Мы с вами навеки—

все те, кто сражался за вас...

Авторизованный перевод с украинского
Юрия МЕЗЕНКО.

ЦЭДЭВ

Родина

Видишь, деревья могучие
Вывернул ветер шальной,
Корни у них перекручены,
В листья вливается зной.

Видишь, рекою отторгнута,
Рыба глотает песок...

...Так, от отчизны оторванный,
Дня бы прожить я не мог...

Ты приходишь ко мне
В светлой радости час,
Чтоб светила вдвойне
Эта радость для нас.

Ты приходишь в мой дом.
Если скорбь на пути,
Зная, горе вдвоем
Все же легче снести...

Прав, сын, что удивлен

Вчера сынок мой увидал впервые
Сквозь приоткрытый юрты дымоход
Зеленый холм и дали голубые—
Как стеклышко промытый небосвод.

Потом увидел: облако несется,
И долго-долго он смотрел вослед,
Смекая: не всегда сияет солнце,
Но мрак всегда развевает свет.

И вот мальчонка выбежал из юрты,
Увидел, как, гоня за валом вал,
Зеленый ветер, непоседа юркий,
Степные травы в кудри завивал.

Однажды грянул сухой палаящий,
И травы, что неистово цвели,
Склонили головы свои скорбяще
На обессиленную грудь земли.

Все изменяется на этом свете!
...Теперь ты понимаешь, мой сынок:
Не падай духом в пору лихолетья,
Весна придет, ты только выжди срок!

В Гоби

Сполохи солнца зарылись в песке,
День раскаленный, как печь...
Трудно шагают верблюды

в тоске,

Видно, им хочется лечь.

Ветер смолит им упрямые лбы,
Бьется в раскрытую пасть.
...Небо тяжелое держат горбы,
Чтобы ему не упасть...

Вкус кумыса

Пиалу прохладного кумыса
Девушка в ладонях подает,
К влаге белопенной я склонился,
Дышащей прохладой, как лед...

Чуть глотнул,

и как рукой усталость

С плеч сняло,

и свежесть разлилась.

Пью настой цветочный, мне казалось,
Ветерок степной глотаю всласть...

Ароматами моей отчизны
Долго надыхаться я не мог...
Девушка, глазами лани брызнув,
Проводила гостя за порог.

...Как хотелось бы стихи наполнить
Столь же щедро запахом степей,
Положить читателю в ладони
Сладкий плод
бессонницы моей...

Перевел с монгольского
Алексей МАРКОВ.

будут холосты. Значит, вполне можно обойтись общежитиями. Вышло не по плану: холостяки очень скоро обзавелись семьями. Общежития стали тесны—проблема жилья обострилась. О чем думали те, кто планировал город молодых холостяков?

Заместитель директора разреза В. А. Унру сказал в разговоре, что сегодня им необходимы ремонтники. Но не простые—суперспециалисты, способные чинить самую современную технику, вплоть до электронной. В общежитие и в вагончики они не поедут. Приходится скрепя сердце давать им комнаты и квартиры в новых домах. И отказывать первым десантникам, встречающим в вагончиках порой уже десятую свою зиму. Что чувствуют при этом старожилы?

Возможно, истоки проблемы в той лишней дюжине вагончиков, которую позабыли отправить с первым десантом. Да не позабыли, просто сочли ее... вот именно, лишней! Мол, и так обойдетесь. Везти еще, горячее тратить. Победило элементарное неуважение к быту молодых строителей.

Дальнейшее—лишь варианты той же позиции на разных руководящих уровнях. Люди ощутили ее позже, когда миновала пора первых, неизбежных трудностей. Когда, по свидетельству председателя Нерюнгринского горисполкома Петра Семеновича Федорова, Министерство энергетики и электрификации СССР, сдав в городе жилой квартал «А», не построило там ни одного (!) объекта культурно-бытового назначения. Когда приостановили проектирование Дворца спорта и не построили ни поликлиники на 450 мест, ни городского узла связи. Когда...

Разумеется, руководители любого ранга теперь признают, что производство и быт в новых сибирских городах нужно налаживать одновременно. Да и кто осмелится вслух поддержать идею, что-де создавать комфортные условия жизни для строителей и производственников на первых порах нецелесообразно!

Так откуда же тогда хроническое отставание социальности?

Вспомним, какими деньгами ворочают в Нерюнгри хозяйственники: осваивают больше миллиона рублей в день. При этом—полупоходные условия жизни многих молодых семей. Очередь в детские сады численностью в четыре тысячи ребятишек, очередь, отрывающая у объединения «Якутуголь» тысячи свободных рук.

И это тогда, когда, как считает председатель Научного совета Академии наук СССР по проблемам БАМа академик А. Г. Аганбегян, привлечение сюда, на Север, лишней тысячи человек обходится государству в 20 миллионов рублей. Так не дешево ли...

В принципе хозяйственники давно уже поняли, что неуважение к условиям жизни строителей молодых городов оборачивается не экономией, а дополнительными расходами. Но, посчитав убытки, не торопятся воспользоваться этими знаниями. И снова тиражируют проблемы-близнецы на очередной сибирской стройке. Наваждение? Или они таким способом надеются подстегнуть инициативу комсомольцев по обустройству молодых городов?

Мы стоим с Олегом Пухаловым на крыше административного здания обогатительной фабрики, которое строила и его комплексная бригада, одна из лучших в городе. Нерюнгри внизу, под нами, его новые дома расположились среди бережно сохраненных таежных сосен. Мы вспоминаем короткую его историю и пытаемся представить хотя бы ближайшее будущее...

Олег помнит, как вырастали на холме современные дома нового города, с какой радостью ехали туда счастливые новоселы, знает, как непросто создается сейчас домостроительный комбинат, который поможет ускорить ввод жилья. Перемены есть, перемены к лучшему. Но ошибки прежних лет, как и вечная мерзлота, сдаются трудно. Думать об их исправлении

приходится всем, кто приехал сюда не только ради высоких заработков. Ведь освоение Сибири—дело не ведомственное, дело, требующее не только объединения средств, но и точного выбора управленческих решений.

Вполне серьезно обсуждается сейчас, например, идея создания централизованных баз индустриального строительства для Севера, производящих комплекты готовых деталей для будущих объектов. В Хабаровске строится завод, который будет выпускать дома контейнерного типа: они позволят из отдельных блоков создавать благоустроенные поселки первых десантников. Обсуждаются оригинальные проекты использования для строительства местных материалов, что поможет получить реальную экономию, а не призрачную выгоду от временных балков. Короче, движется дело, и пригодиться здесь могут самые смелые мысли.

Пухалов жмурится от колючего, ледяного на такой высоте ветра, будто прищуривается хитро. Не новичок на Севере, успел привыкнуть не только к морозам. Считает ли он, что товарищам его, комсомольцам, на большие проблемы трудного города замахиваться просто не по силам? Десять лет на стройках Южной Якутии научили их кое-чему...

Их комсомольские методы давали эффект там, где традиционные «не проходили».

Спорткомплекс «Богатырь» комсомольцы организовали в заброшенных складских помещениях ангарного типа. Заняли их, пристройки сделали, поставили хозяинов перед фактом: имеются отличные спортзалы. Будем ломать?

Так было и с лыжной базой. Нашли ребята два списанных железнодорожных вагона, оборудовали, пригласили начальство: «Подпишите акт приема, люди-то работают. Действует база».

Однажды потребовалось срочно сдать детский сад, у которого только стены имелись. Методом народной

В АНСАМБЛЕ — ТОЛЬКО ДИВЧАНЫ

«А РЯДОМ — ТАЙГА НА ТЫСЯЧУ ВЕРСТ».

стройки сделали за два месяца — всем графикам вопреки.

Наверное, кому-то вспомнилось в те дни, как разгружали когда-то машины, приходившие по ночам в поселок. Вспомнилось, потому что не за деньги они старались, достраивая детский сад. Деньгами здесь никого не заманишь. И не только соцкультбыт они налаживали. Искали единения. Будоражили в себе ныне утраченную романтику первых балков и палаток, которая была замешана на общих трудностях, на абсолютной честности и уважении друг к другу, на убеждении, что все можно преодолеть, если действовать сообща.

Уехать, когда давно начатые преобразования обретают зрелые черты? Когда Нерюнгри становится не просто административной единицей, но настоящим сибирским городом? Не потому ли все же остался здесь Пухкалов, одолев минутную слабость, сохранив верность прежней дружбе, прежней мечте?

«...В минувшем году в Нерюнгри на 20 процентов снизилась текучесть кадров среди молодежи». (Из беседы с председателем горисполкома П. С. Федоровым.)

Мы идем с Олегом Пухкаловым пустующими улицами вечернего города. Олег вдруг указывает на здание впереди и сообщает, что в фундаменте его замурован металлический рубль. И в том, следующем, и в том. Когда-то он сам это придумал, а потом ребята последовали его примеру. Зачем?

— Да просто так. Чтоб стояли долго. На счастье...

РЕКА ТЫСЯЧИ ХАРИУСОВ

Браконьеров было четверо. Виктор Жуков нагнул голову, чтобы расстегнуть планшетку, а когда поднял голову, в упор глянуло на него дуло ружья.

— Шевельнешься — убью, — спокойно сказал мрачноватый парень.

Остальные трое спешно отступали к лодке. Вокруг замерла в ожидании тайга.

Жуков прикинул варианты. Допустим, резкий шаг в сторону, прыжок, удар ногой... Но сзади Виктора, в десятке метров за кустами стояли ничего не подозревавшие ребята и девчонки, его товарищи. Шальная пуля могла попасть и в кого-то из них.

— Ладно, драпайте, — усмехнулся Жуков. — Только мы все равно вас найдем.

Ствол ружья не опускался, пока не взревел мотор «казанки», увозившей четверых вниз по реке. Кто-то из девчонок вскинул фотоаппарат, щелкнул затвор. Снимок на память. Для новой встречи...

Однажды ребята из городского туристского клуба «Айан» вернулись из очередного похода. Не успев разобрать рюкзаков, кинулись к старому своему другу и непременно участнику самых сложных экспедиций первому секретарю горкома комсомола Николаю Жандармову. Захлебываясь, рассказали, как у них на глазах какие-то геологи опрокинули в чистейшую таежную речку бочку солянки. «Да и здесь, почти под городом тайга аж трясется от выстрелов. Палят, словно в тире. Сколько терпеть будем?»

Жандармов согласился: пора комсомольцам братья и за это дело. Давно пора.

Никогда прежде не селились люди на реке Нерюнгри: место считалось глухим и гиблым. Но вот появился человек, и стала меняться тайга.

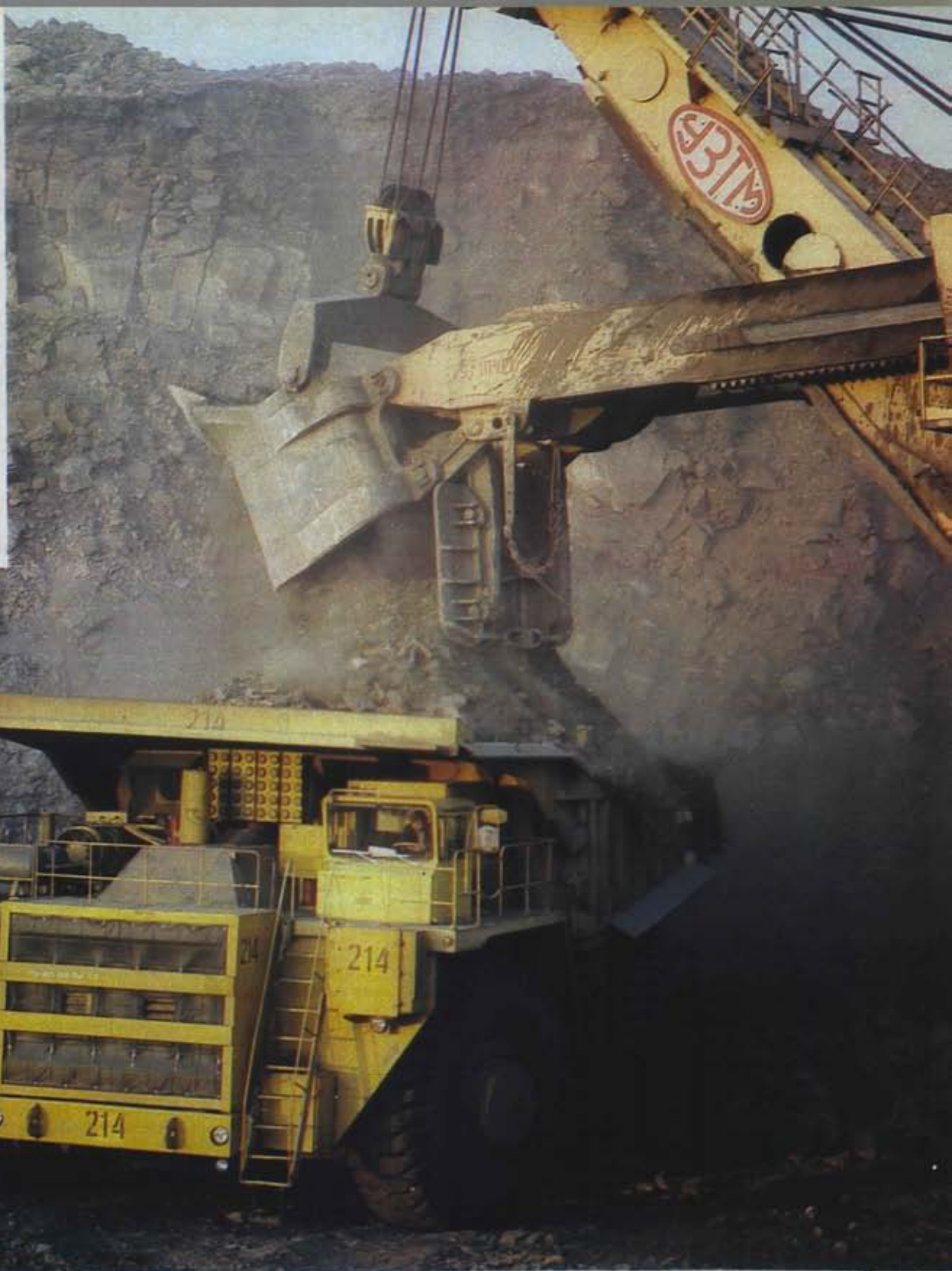
Браконьеры разгуливали по тайге, стреляя без разбора в любую живность. Поднимали стволы и на хозяина здешней тайги медведя, когда тот в начале лета выходил на реку полакомиться диким луком. Загоняли в сети хариуса и тайменя, мешками тащили из тайги драгоценный «золотой корень», а сколько всего просто губили, сливая в многочисленные здешние речки горючее, отходы производства. Рыбинспекторов и охотоведов явно не хватало. Территория ведь огромная.

Кажется, именно Жандармов предложил использовать опыт туристов и ребят из комсомольского оперативного отряда, создав специализированный КООД по борьбе с браконьерством. Так встретились командир городских оперативников Виктор Жуков и начальник контрольно-спасательного отряда, объединившего туристов, Виктор Левицкий.

Теперь парни и девушки отправлялись не просто в походы — в рейды. Отправлялись защищать тайгу, край, который поняли и полюбили. Скоро приумолкли выстрелы — десятки стволов конфисковали комсомольцы у незаконных их владельцев, сдали компетентным органам сотни метров сетей.

Об отряде быстро распространились легенды. Дескать, все вооружены карабинами, по рациям мгновен-

ВИКТОР ЛЕВИЦКИЙ,
КОМАНДИР ОТРЯДА.

«ПОДУМАЕШЬ, МИНУС ТРИДЦАТЬ!»

но вызывают вертолеты, высаживаются чуть ли не с парашютами... А у них не было ничего, кроме удостоверений и фотоаппаратов. Не слишком надежные средства самообороны в глухой тайге.

Откроем секрет: их всегда было много — полтора-два десятка человек в рейде. Когда такая орава сваливалась на голову браконьерам, терялись даже самые матерые из них, покорно предьявляя запрещенные снасти. Но не все, не все...

С теми четырьмя они встретились еще раз, как и обещал Жуков парню, направившему на него ружье. Ребята спускались по реке на плотках, а сзади, где-то в полутора километрах, догоняли отряд на байдарке Виктор Левицкий с Мишей Пасхиным. Видят: моторка у берега, сетки расставлены. Пристали, по тропинке поднялись к зимовью. Когда вдвоем вошли в дом, четверо растерялись. Лишь на мгновение. Его и хватило Левицкому, чтоб сориентироваться. Парни крепкие, ружья в углу, на столе бутылки водки, ножи, закуска. Вот тот, слева, сжимает топор.

Вежливо показал Виктор удостоверение и тут же, подобрав ружье, кинул его Пасхину. Миша был новичком, но инстинкт подсказал ему верный выход. Он выстрелил в потолок. Дальше Левицкий знал: надо не дать опомниться. «Документы, снасти с собой и по одному к лодке. Быстрее!» Через мгновение и второе ружье было в руках Пасхина. Четверо покорно поплелись к реке.

Отряд догнали быстро. Жуков сразу узнал старого знакомого.

ДВОЕ ИЗ ПЛЕМЕНИ БОГАТЫРЕЙ.

— Вечер добрый. Я же предупреждал, что еще свидимся. А фотографии старой встречи в городе вручим. В милиции...

Нерюнгри — река тысячи хариусов. Эвенкийское название, напоминающее всем об изобилии здешних мест. Комсомольцы создали свой отряд, уберегая берега реки от нечистых на руку «любителей природы». Но это, пожалуй, лишь начало серьезной работы по защите тайги и исконных ее обитателей. Потому что усилий одних комсомольцев для борьбы, скажем, с загрязнениями окружающей среды промышленными отходами, конечно, недостаточно. Хозяйственники тоже должны сделать все возможное, чтобы не переводилась в озерах и реках рыба, чтобы вольно жила тайга и зверь в ней. Чтобы сохранила природа свой просветленный лик для будущих поколений.

Очевидно, пройдет совсем немного времени, и Малый БАМ двинется дальше. Двинется к Якутску, через владения большого города, который зовется Нерюнгри.

Здесь начато хозяйственное освоение зоны Байкало-Амурской магистрали. Здесь создана могучая строительная и энергетическая база, опора будущей дороги на Север. Освоена самая мощная в мире техника. Здесь живет новое поколение покорителей Сибири и рождаются их дети.

Прогресс пришел на планету инженерными сооружениями: городами, дорогами, каналами, искусственными морями, карьерами, шахтами. Им отведено восемь процентов земной суши. По данным ЮНЕСКО, уже к 2000 году территория инженерной цивилизации увеличится в два раза.

Человеку многое под силу. И если бы он поставил задачу обжить дышащие зноем зыбучие пески пустыни, горные кручи и вечные льды, то в конце концов он смог бы сделать это. Но какой ценой? Потребовались бы десятки лет немыслимо больших затрат, упорного, гигантски энергоемкого труда. Можно идти и сравнительно легким путем, расширяя зоны обитания человека за счет сельскохозяйственных угодий, лесов. Но к каким последствиям это может привести — представить несложно. Вот пример. Первые строители города Верного (так сто с лишним лет назад называлась Алма-Ата) вырубали на ближайших горных склонах леса. Вслед за ними исчезла и другая растительность, укреплявшая корнями податливый грунт. Со временем отроги стали селеопасными. Алма-Ате угрожало разрушение селевыми потоками. Спасти город удалось с помощью инженерной геологии.

Бережно использовать обжитые пространства, отыскивать рациональные пути освоения новых территорий — в этом и состоит главная задача молодой науки. Один из основателей инженерной геологии в нашей стране — лауреат Ленинской и Государственной премий СССР, президент Международной ассоциации инженерной геологии, ректор Академии народного хозяйства при Совете Министров СССР, заведующий кафедрой МГУ, академик Евгений Михайлович СЕРГЕЕВ.

Академик Сергеев шел к своему главному труду «Инженерная геология СССР» через много жизненных и научных ступеней: походная жизнь на Дальнем Востоке, куда он отправился после окончания топографического техникума, сделала его романтиком, привила вкус к «полевой» работе. В первой послевоенной экспедиции в Каракумах самостоятельные теоретические разработки обрели практическую жизнь. И, наконец, Западная Сибирь, исследованию инженерных грунтов которой он отдал почти два десятилетия...

Академик
Е. М. СЕРГЕЕВ

РЕНТГЕН-ЮЛОЛОМ ЗЕМЛИ

— Евгений Михайлович, вам, по-видимому, не раз приходилось сталкиваться со следами неразумного отношения человека к природе. Люди веками строили «не по науке», руководствуясь сиюминутными экономическими выгодами...

— Примеров таких, к сожалению, немало. Ныне точно известно, что сели, оползни и другие стихийные бедствия в семидесяти случаях из сотни спровоцированы деятельностью человека. Под его влиянием даже земля перестает оставаться «твердой». Помните сравнительно недавний случай с «провалами» почвы в Туле, о котором сообщалось в газетах? Преобладающее движение воды миллионы лет было направлено здесь снизу вверх. Стоило только строителям откатить воду, как она переменила привычный маршрут и увлекла за собой водонасыщенные пески в карстовые провалы...

С каждым годом обживаются новые территории. Но земной шар не «расширишь». На примере только нашей страны видно, как много построено за последние десятилетия. Но требуется еще и еще... Каков же выход? Во имя каких бы грандиозных целей природа ни осваивалась, надо помнить древнее правило из клятвы Гиппократ: «Не повреди!» В природе, как и в любом живом организме, все взаимосвязано. И перед тем, как что-либо сделать, семь раз отмерь. Я, например, в работе да и в жизни вообще всегда стараюсь придерживаться этой поговорки. Прежде чем строить, нужна обстоятельная инженерно-геологическая разведка территорий. Методы инженерной геологии позволяют разработать научно обоснованные маршруты, чтобы новые сооружения не вызвали вредных, необратимых экологических процессов.

Инженерно-геологические исследования у нас используются в крупных масштабах. Они, например, предшествовали освоению Западной Сибири, определяли стратегию ее развития. Месторождения сибирской нефти сосредоточены на территории, восемьдесят процентов которой покрыто множеством рек, ручьев, мелководных озер и болот. Как строить на таком пространстве?

Технологию инженерно-строительного освоения месторождений пришлось создавать постепенно, вместе с возведением сооружений. Совместными усилиями строителей и геологов была освоена универсальная методика использования биогенных пород: торфов и заторфованных грунтов — в качестве оснований для строящихся объектов. Не пришлось завозить из-за пределов области 35 миллионов кубометров песка и гравия. Прогрессивные методы строительства, например, в Нижневартовске, поднявшемся из болот, сэкономили более 60 миллионов рублей.

— Значимость инженерной геологии будет возрастать, по-видимому, и в дальнейшем. Какие, на ваш взгляд, перемены ожидаются в этой области знаний, скажем, в канун XXI века?

— Думаю, что наука в отдаленной перспективе, как и в настоящее время, будет идти, с одной стороны, к изучению микромира, с другой — к познанию макромира. Естественно, что в эти два термина — «микромир» и «макромир» — астрономы будут вкладывать одно понятие, а микробиологи — другое. Для нас, специалистов в области инженерной геологии, понятие «микромир» связано с познанием взаимодействия между компонентами, составляющими горные породы и прилегающими по своим размерам к молекулярному уровню. Например, взаимодействие между коллоидами горных пород и микроорганизмами, содержащимися в них, взаимодействие между молекулами и ионами природных вод с минералами, газами — все это микромир грунтов.

Часто геологические процессы, которые носят катастрофический характер (оползни, сели, обвалы, просадки в лесах), имеют в своей основе взаимодействие, происходящее на микроуровне. Поэтому их прогноз и развитие в крупных масштабах никогда не будут точными, если не учитывать особенности процессов на микроуровне.

Что мы понимаем под макроуровнем? Строение целых массивов горных пород, их состав, особенности тектонических складок; напряженное состояние этих массивов, возникающее под воздействием движения земной коры. Сюда же следует отнести и климатическое влияние, охватывающее огромные территории.

В перспективе изучение микроуровня будет все время углубляться с помощью современных физико-химических методов. Наряду с этим продолжится исследование общих закономерностей стро-

ения литосферы — твердого, верхнего слоя Земли. Сочетание этих направлений даст возможность решать многие задачи, в частности, предсказывать возникновение природных и техногенных геологических процессов во времени, в пространстве и по степени их интенсивности.

Чтобы представить, насколько важна эта проблема, достаточно вспомнить высказанную академиком Вернадским идею о роли человека в природе. В небольшой статье «Несколько слов о ноосфере» он писал об этом в таких выражениях: «исчезает девственная природа», «человек становится важнейшей геологической силой». Эта мысль полностью подтверждается деятельностью людей в настоящее время. Все глубже проникает человек в недра Земли. Отдельные шахты доходят до километра и более. Карьеры имеют глубину в несколько сотен метров, а рекордная скважина на Кольском полуострове уже прошла отметку 12 тысяч метров.

Со временем возрастут масштабы освоения полезных ископаемых, станет более совершенной технология их добычи. Те месторождения, которые сейчас считаются бросовыми, непригодными, в XXI веке, безусловно, будут разрабатываться. И даже среди отвалов, которые образовались после разработки месторождений, начнутся вновь поиски полезных ископаемых. Технология извлечения полезных элементов будет совсем иной.

В ближайшие десятилетия инженерная геология займется не только вопросами рационального использования грунтов при строительстве различных сооружений. Охрана геологической среды как составной части всей экологической системы — вот что предстоит изучать в будущем.

Никогда бы не подумал, что придется, например, в болотах строить дороги, рыть траншеи, укладывать в них трубопроводы. А жизнь заставляет это делать. Так что развитие тех или иных направлений науки почти всегда определяется практическими задачами.

Я думаю, людям предстоит «создавать» новые искусственные грунты, обладающие большими возможностями, чем, скажем, природные горные породы. И в наши дни немало грунтов «создается» путем цементации, силикатирования, осушения, уплотнения и т. д. Но много методов еще не использовано. Например, с помощью лучшей средневысокой частоты можно превратить слабые, дисперсные породы (глины, лёссы) в прочные основания. Эти методы пока не применяются из-за дороговизны и большой энергоемкости. Но в будущем, по мере решения энергетической проблемы, они наверняка найдут широкое приложение. В XXI веке на искусственных грунтах будут возводиться самые разнообразные сложные сооружения. Например, при строительстве зданий в ряде случаев отпадет необходимость в рытье котлована, в закладке фундамен-

та. Расчистили площадку, укрепили грунт и, пожалуйста, начинайте строительство. Это не фантазия, а реальность.

— Евгений Михайлович, вы не раз бывали в экспедициях, работали в полевых условиях. Как ведутся инженерно-геологические изыскания непосредственно на местах? Какие трудности ожидают исследователя?

— В обыденных изысканиях любой успех, даже самый небольшой, окрыляет. Помню один из таких моментов, когда неожиданно возникла идея, как можно сократить фильтрацию воды при строительстве Туркменского канала.

Предполагалось, что пятисоткилометровая его трасса пройдет в сыпучих песках Каракумов. Каракумы имеют высокую среднегодовую температуру. Это грозит большими потерями воды из канала в результате испарения. Поэтому дополнительные потери, связанные с фильтрацией воды, весьма нежелательны. Потребовалась методика, способствующая сокращению водопроницаемости песков. Разработать ее поручили нашей кафедре. Экспедиция, которую мне довелось возглавлять, обосновалась в маленьком городке у подножия Копет-Дага, в Кызыл-арвате, в шести-десяти километрах от южной кромки пустыни. Это только на карте Каракумы кажутся ровной, как скатерть на столе, поверхностью, а на самом деле сыпучие пески барханов возвышаются на 20—30 метров. Работать пришлось в очень тяжелых условиях. Передвигались, подкладывая доски под колеса автомобилей. На самой южной кромке Каракумов обнаружили озеро.

Почему оно образовалось? Почему вода не просочилась сквозь песок? Какова природа ливневых вод, прошедших всю предгорную равнину и остановившихся у границы с песками? Эти вопросы мы обстоятельно обсуждали в экспедиции.

Заложили шурфы на берегу озера, пробурили несколько скважин и увидели, что в местах соприкосновения с водой песок превратился в песчаник. Картина прояснилась: очевидно, в ливневой воде содержались частички глины, которые «склеивали» песчинки. Это предположение подсказало, как уменьшить водопроницаемость песков на больших пространствах.

Начали проверять гипотезу. Котлованы заполняли раствором глины и песка различной концентрации, заливали водой. Она просочилась, а глина осталась на поверхности, ее частицы «не хотели» заполнять поры песка. Оказалось, вначале мы делали не совсем то, что происходит в природе. Однако направление поисков было верным, и нам удалось решить проблему простейшим методом, не требовавшим дорогостоящих стройматериалов.

Несколько лет спустя, рассказывая о «каракумской» догадке на лекции в университете города Осло (Норвегия), я был приятно удивлен предложением редакции двух международных журналов опубликовать материалы лекции. Вот уж не думал, что исследование в Каракумах могут заинтересовать скандинавов и других европейцев. Оказалось, что тогда под Копет-Дагом мы разработали совершенно новаторский метод, не имевший аналогов в мире.

Можно ли уместить в фундаментальный восьмитомник почти полвека подвижнического труда в суровых песках, тайге, болотах и топях? Пожалуй, нет. Но в то же время человек в определенных ситуациях способен генерировать мысль и волю многих людей. Когда опыт одного заменяет опыт целого человечества. Когда требуется принять единственно верное решение. Когда человек — первопроходец. Академик Сергеев принадлежит к их славному племени.

У каждого из первооткрывателей — свое место на планете, с которым благодарная память людская навсегда связывает его имя. Скажем, для Миклухо-Маклая это Гвинея, для Арсеньева — Дальний Восток, пустыня Гоби — для Пржевальского... Для академика Сергеева — по сути дела, вся страна. Выполненные под его руководством изыскания впервые дают комплексную характеристику инженерно-геологических условий на всей территории нашей Родины, это первая попытка учета хозяйственной деятельности человека при оценке инженерно-геологических условий крупных территорий.

Идут годы, а напряженный ритм работы академика Сергеева не снижается, рабочие дни его не нормированы.

«Каждый раз обещаю себе и родным перестроить свой режим, — говорит академик, — и все равно складывается так, что будни уходят на организационные дела, беседы с аспирантами, сотрудниками, на лекции для студентов. Собственной научной работой могу заниматься в субботу и воскресенье. Иногда, очень редко, раз два в месяц, удается выехать на природу, порыбачить. С годами, правда, сделать это становится все труднее...»

В чем же истоки масштабной работы, неуспеваемости творческих исканий Сергеева?

— Больше всего в жизни я обязан родителям. Они трудились постоянно, показывая, как надо жить по совести. Во многом обязан своей жене Александре Михайловне, с которой мы дожили до золотой свадьбы. Товарищам, дружба с некоторыми из них переросла в полувек юбилей. И, конечно же, Московскому университету. Все, что есть хорошего во мне как в ученом, коммунисте, человеке, получил в МГУ. Университет — это моя жизнь. Он всегда притягивал меня как магнит. Прохожу, бывало, мимо старинного университетского здания с уютным скверком и знаменитыми памятниками Огареву и Герцену и думаю: какая, должно быть, счастливая молодежь там учится!..

Мне всегда было интересно составлять топографические карты, рисовать рельеф, наносить сложную ситуацию тех мест, в которых приходилось работать. Но хотелось знать, как все это произошло, как образовался такой рельеф. И вот для того, чтобы понять это, я решил поступить в МГУ на кафедру геоморфологии.

С большим трудом (надо было работать и готовиться к экзаменам одновременно) в 1935 году я стал студентом почвенно-географического факультета. Вскоре он разделился на географический и геолого-почвенный, на последний я и подал заявление. К тому времени все больше увлекался математикой, физикой, химией. Хотелось знание этих предметов применить в естествознании. Мне казалось, что на геолого-почвенном больше таких возможностей, чем на геологическом.

Думаю, нельзя говорить об университете, как просто об учебном заведении. Он нечто большее. И в те далекие годы и теперь в его стенах прививаются патриотизм, чувство коллективности, я бы сказал братства. Особенно, мне кажется, это чувство было развито в годы моего студенчества. В нашей небольшой группе учились те, кто успел уже и

поработать. Жили мы дружно. Парторг Виктор Титов сумел сплотить небольшой наш коллектив так, что никаких кураторов, начальников курсов не требовалось. Все вопросы решала группа. Мы знали друг о друге все: кто женат, есть ли дети, какую нужду испытывает наш товарищ... И впоследствии чувство коллективной ответственности за группу переросло в долг перед кафедрой, факультетом, университетом в целом.

Для многих моих однокашников, так же как и для меня, МГУ стал школой военно-патриотического воспитания. Мы очень серьезно занимались военной подготовкой. И когда началась война, у всех нас было единственное желание — как можно скорее оказаться на фронте, применить знания для разгрома фашистов.

Сергеев был готов к военной службе: дисциплина, организованность, аккуратность, привычка к походной жизни в экспедициях, столь необходимые для геолога-«полевика», сродни армейским порядкам...

Как памятен тот бой под Харьковом, за который младший лейтенант Сергеев получил орден Красной Звезды... В жарком перелесте свинца, орудийном гуле надо было выполнять долг командира: снова и снова первым выпрыгивать из окопа и поднимать в атаку рдеющий взвод.

Сергеев выполнял достойно свой воинский долг и потом, на переломе войны, после Сталинграда, под Таганрогом летом 1943 года, получил тяжелое ранение. Полгода провел майор Сергеев в госпитале, на операционном столе. Ампутация ноги, потом снова операция...

«Война... Вновь и вновь я мысленно возвращаюсь к тем временам, — говорит академик. — И из книг чаще всего перечитываю Симонова, не знаю равно ему писателя, который бы так правдиво и талантливо рассказал о войне».

Осенью сорок третьего он возвращается в МГУ, живший под лозунгом военного времени: «Все для фронта, все для победы!» Теперь линией фронта для него стала наука. Через год он защищает кандидатскую диссертацию, а в 1951 году отправляется в дальнюю Каракумскую экспедицию. Его характер победил. Он снова на передовой. Разведует места, которые в будущем станут рубежами освоения Западной Сибири, от ее южных границ до берегов Северного Ледовитого океана...

— Многое, конечно, дала и общественная работа. Перед самой войной меня избрали секретарем парткома университета. После ранения в 1943 году, вернувшись в МГУ, опять занимался партийной работой, трижды избирался секретарем парткома МГУ. Одновременно готовил кандидатскую и позже — докторскую диссертации. Был деканом уже нового (с 1949 года созданного) геологического факультета, проректором... В общем, в университете прошла вся моя жизнь.

Если попытаться заглянуть в будущее университета? Человек в будущем веке еще больше подчинит себе природу. Рациональное использование природных условий потребует более тесного взаимодействия между специалистами разного профиля. А это лучше всего достигнуть в рамках университетов в процессе обучения и в выполнении совместных комплексных исследований. Поэтому я уверен: роль университетов со временем неминуемо должна возрастать. Весьма вероятно, что будут стираться грани между университетами и техническими вузами. Многие из специальностей, которые преподаются ныне в технических вузах, будут изучаться в университетах.

Можно думать, что соотношение между различными предметами, которые предстоит изучать студентам на рубеже XXI века, будет следующим: примерно

треть времени займет изучение общегуманитарных дисциплин, марксистско-ленинской теории, математики, физики, химии. Сюда же следует отнести и психологию, которая, кстати говоря, сейчас в большинстве университетов не изучается. (Мне кажется, это ошибка наших учебных планов.) Примерно столько же времени будет отведено для изучения специальных фундаментальных дисциплин. Остальное время — глубокому изучению специальности. А дальше должен быть большой набор спецкурсов, спецпрактикумов, среди которых обучающиеся выбирают нужный в соответствии со своими интересами, с профилем дипломного проекта и практической работой.

Я придаю очень большое значение практической деятельности студентов. Поступая в вуз, молодой человек уже выбрал себе специальность. Он должен прийти на рабочее место подготовленным для работы в современных условиях, на высоком уровне, а только знания лекционных курсов для этого мало. Поэтому очень важно, чтобы в процессе пятилетнего обучения не менее одного года отводилось на учебно-производственную практику.

Это приведет к тому, что молодой специалист, придя на новое место работы, потратит значительно меньше времени на адаптацию. Считаю неправильным мнение: в течение первого года на производстве молодой специалист еще не работник, а только стажер. Раз человек получил диплом, он должен быть полноценным специалистом.

Несколько слов о завершающем этапе обучения — о дипломной работе. По всем своим показателям она не должна отличаться от научно-исследовательской работы.

— Евгений Михайлович, из 500 специалистов инженерно-геологического профиля, подготовленных на университетской кафедре под вашим непосредственным руководством, 68 человек защитили кандидатские диссертации; 12 ваших учеников стали докторами наук...

— Вначале условимся: кого считать учеником? Мне кажется, надо считать своими последователями тех, кто сам называет тебя учителем. Нельзя говорить: «Иванов — мой ученик, потому что он слушал мои лекции». Ведь возможно, что сам он не считает тебя своим учителем. И наоборот, люди, которых ты никогда не видел, очень часто причисляют себя к твоим ученикам. Я, например, получаю много писем из разных городов Советского Союза от людей, которые работают в области инженерной геологии, грунтоведения. Они пишут, что считают меня своим учителем, несмотря на то, что никогда у меня непосредственно не учились. И в то же время у меня был такой случай: одна из моих учениц, слушающая мои лекции, сдававшая мне экзамены, делавшая под моим руководством дипломную работу, начавшая заниматься по моей инициативе подготовкой докторской диссертации, каждую главу которой мы с ней подробно обсуждали, вдруг на одном из заседаний кафедры говорит, что ее учителем является... И называет другую фамилию...

Так что нужно очень осторожно относиться к подсчету своих учеников, исходить не из формальных данных, а из существа дела. Не скрою, приятно, когда ученики развивают мои работы.

У меня был аспирант из Азербайджана Амин Бабаев. Он взял тему кандидатской диссертации, которая развивала мои работы, выполненные в конце сороковых — начале пятидесятых годов. об оптимальной нагрузке уплотнения глинистых грунтов. Казалось, многое в этом направлении уже сделано, но Бабаев сумел пойти значительно дальше меня и выявить новые закономерности, которые в свое время мне не удалось установить. Я был счастлив тем, что выводы, сделанные мной, не только правильны, но и теперь развиты дальше. Это дей-

ствительно мой ученик, с которым у меня сложились очень хорошие деловые отношения.

Каждый руководитель должен пытаться отобрать среди студентов, аспирантов и молодых преподавателей наиболее способных, разглядеть в них будущих преемников, своих, я бы сказал, единомышленников.

Сошлюсь на собственный опыт. Мне удалось среди студентов, начиная с третьего курса, отобрать ряд учеников, ставших впоследствии моими коллегами — преподавателями и профессорами кафедры, которой руковожу почти 30 лет. Студенты, выполняя реальные курсовые и дипломные работы в русле кафедральных исследований, тем самым уже примыкают к определенной научной школе.

Она, как известно, не может создаваться без того, чтобы в нее постоянно не вливались свежие силы.

Из каждого своего ученика хочется сделать настоящего ученого, способного и дальше развивать научное направление, сложившееся на кафедре. Учебники устаревают, статьи тоже через некоторое время становятся менее актуальными. А вот идеи, которые мы передаем своим ученикам, живут долго, получают дальнейшее развитие и переходят к следующим поколениям в науке. Вот так годами, десятилетиями создается определенная школа, которая приносит много пользы науке, народному хозяйству. Поэтому хочется, чтобы твой преемник стал настоящим советским ученым. Это означает, что он должен быть не только высококлассным специалистом, но и хорошим организатором, инициативным и обязательно честным человеком.

Я, например, не могу терпеть людей, которые в глаза говорят одно, а за глаза другое. На фронте сталкивался с явными врагами. Там все ясно. Конечно, сейчас не война, но тем неприятнее, когда попадают люди, занимающие, скажем так, не вражеские, но враждебные позиции. И если человек выступает, как раньше говорили, с открытым забралом, если он говорит то, что думает, я готов с ним дискутировать, спорить.

На развитии всяческой преемственности в науке и основывается школа. Например, в создании школы инженерной геологии, которая мне ближе других научных направлений, каждый из крупных ученых, не меняя традиций, привнес нечто свое. Ее основал Михаил Михайлович Филатов, затем эстафету принял Сергей Сергеевич Морозов, возможно, кое-что удалось и мне. Вместе с тем нельзя называть ее каким-то персональным именем. Школа Московского университета — так бы я определил ее. Она признана в нашей стране и за рубежом.

Что может быть интереснее жизни большого геолога (а он не может не быть путешественником)! Все было в судьбе Сергеева: видел белый шар раскаленного солнца в Каракумах, замерзал в пуржистой тайге Сибири, промокал под холодными ливнями Дальнего Востока... Но при всем этом знает счастье первооткрывателя. В сложной и многообразной своей деятельности Евгений Михайлович поразительно однообразен лишь в одном: в постоянной работе. Его письменным столем бывали поваленные стихией деревья в таежной чаще, мшистые валуны, ящики из-под снарядов...

Однажды Евгения Михайловича спросили, как ему удается совмещать ответственную работу в Академии наук СССР, чтение лекций, подготовку аспирантов и ректорство в Академии народного хозяйства при Совете Министров СССР.

«Знаете, что такое работать быстро? — ответил он встречным вопросом. — Это значит работать непрерывно...»

Беседу вел Евгений ДУГИН.

НЕ РОБЕЙ, ПРОДВИГАЙ

Александр ЕЛИСЕЙКИН.
Фото Григория
ТЕРЗИБАШЬЯНЦА

Бобслей как вид спорта в нашей стране родился всего четыре года назад. Так что, по сути, в нем наши спортсмены новички. Как же был удивлен бобслейный мир, когда в прошлом году наши парни выиграли чемпионат Европы среди экипажей-двоек и в этом же классе взяли «бронзу» на Олимпийских играх в Сараево! О том, как это произошло, мы еще расскажем, а для начала откроем первый том книги «Все о спорте».

Итак. «Бобслей — скоростной спуск на управляемых санях по специально оборудованной трассе — появился в конце XIX века в Швейцарии. Вначале в соревнованиях участвовали мужчины и женщины, с начала XX века бобслей стал мужским видом спорта. Сани оснащены рулевым управлением и тормозом. Кузов их закреплен на двух парах полозьев (передняя пара — подвижная). Предельный вес двухместных саней 165 кг (длина 270 см), четырехместных — 230 кг (380 см). Трасса представляет собой ледяной желоб с железобетонным основанием, изобилует поворотами и виражами. Скорость саней при прохождении дистанции достигает 100 км/час».

Это, что называется, вводные данные. Одним словом, бобслей до 1984 года был единственным зимним видом спорта, в котором наши олимпийцы не участвовали. И только в Сараево сборная СССР выступила по полной программе Белых Олимпиад.

Готовиться к своей первой Олимпиаде советские бобслеисты начали с весны 1980 года. Лежало перед ними, как говорится, непаханое поле. Даже такого термина, как «бобслеист», среди наших спортсменов тогда не существовало. Были просто энтузиасты нового дела. И первый из первых — Роланд Упатниекс. В прошлом отличный саночник, затем тренер по санному спорту, он встал у истоков развития бобслея в нашей стране, он создал сборную, возглавил ее, привел к первым победам и ведет дальше.

Рядом с Упатниексом были энтузиасты — спортивные работники, инженеры и, конечно, спортсмены, многие из которых прежде занимались санным спортом. Хотя сравнивать санный спорт и бобслей все равно

что сравнить велосипед с грузовиком, они все же близки между собой.

Дело нашлось всем. Не было практически ничего, кроме творческого энтузиазма. Но когда в скором времени Упатниекс с полной серьезностью заявил, что на Олимпиаде в Сараево его воспитанники будут бороться за медали, даже оптимисты засомневались. Наши бобслеисты тогда еще не то что в первый спортивный класс не поступили, а пребывали в дошкольном бобслейном возрасте. Вдобавок не было у нас ни специальных бобслейных трасс, ни отечественного инвентаря, который мог бы конкурировать с зарубежными образцами...

Но, как мы теперь знаем, Роланд Упатниекс свое слово сдержал. В Сараево Зинтис Экманис и Владимир Александров выиграли бронзовые медали. Причем выступали они на бобах отечественного производства, уже названных за рубежом «русскими чудоракетами».

И вот что интересно. При отборе в сборную отличные саночники, решившие переключиться на бобслей, не стали лидерами в новом виде спорта. Специальные тесты, разработанные Упатниексом и его помощниками для кандидатов в сборную, выигрывали десятиборцы-легкоатлеты, представляли других видов спорта, требующих отменной силы, выносливости, сноровки и реакции.

Развитие отечественного бобслея на практике определяли две прямые — совершенствование мастерства самих спортсменов и развитие технической мысли. Предстоял кропотливый труд и в том и в другом направлении.

Главный человек в бобслейных санях — как в двойке, так и в четверке — пилот. В его руках находится управление тяжеленным панцирным снарядом, умение по оптимальным кривым проходить повороты и виражи, не теряя драгоценные тысячные доли секунды. Да, цифровой язык побед в бобслее — это тысячные от секунды, неуловимые глазу мгновения.

Наши пилоты начали постигать очень нелегкую науку управления бобом у своих друзей-соперников. В первую очередь у спортсменов из ГДР, признанных лидеров мирового бобслея. И «школу пилотов» посещали, которая обычно раз в году предшество-

вала каким-либо крупным соревнованиям и проводилась под эгидой Международной федерации бобслея и тобоггана (ФБИТ). В одночасье столь тонкому делу не научишься. Здесь основное — опыт, приобретенный и закреплённый в многочисленных спусках по трассам различного профиля, рисунка, а значит, и характера. Опыт — дело наживное, вот и наживали его ребята в соперничестве, учась на собственных ошибках. Продолжателям их станет полегче, когда вступит в строй первая в нашей стране бобслейносанная трасса с искусственным намораживанием льда, которая строится ныне в Сигулде.

Насколько же важно искусство пилота, проиллюстрирую таким примером. Очень скоро наши мастера начали выигрывать стартовый отрезок у лучших экипажей мира. То есть сильнее всех разогнали боб на эстакаде. Но на дистанции, где начиналась работа пилота, преимущество теряли. Так что резерв достижения еще больших скоростей кроется и в выходе наших пилотов на уровень мастерства экстремалов.

Резерв скорости. Был он зарыт и в наших «чудо-бобах», над созданием которых работали энтузиасты с первого же года зарождения отечественного бобслея. Но без мощной производственной базы о новаторстве не могло быть и речи. Упатниекс искал варианты. И наконец нашел. Помогло руководство рижского производственного объединения ВЭФ. Отныне бобслей стал кровным делом инженеров и рабочих прославленного рижского завода. И в этом тоже секрет популярности, которую приобрел этот вид спорта в Латвии.

Было создано общественное конструкторское бюро, где в свободное от основной работы время взрывцы создавали и бесконечно улучшали бобы, поставив перед собой цель — не просто достичь международного стандарта, а превзойти его.

Тем временем бобслей шагал по стране. Энтузиасты его нашлись в Москве и Ленинграде, в Харькове и Красноярске... В студенческих КБ создавались бобы самой необычной конфигурации. Один из очевидцев перво-

**НЕПРОСТО БЕЗ ОШИБОК
 ПРОЙТИ ТРАССУ
 НА СКОРОСТИ
 СТО КИЛОМЕТРОВ В ЧАС.**

БОБСЛЕЙ!

**БЫСТРЫЙ РАЗГОН —
ПОЛОВИНА УСПЕХА.**

го официального бобслейного старта в нашей стране рассказывал мне, что эти соревнования больше напоминали испытательный полигон. С грохотом и скрипом неслись по трассе разнокалиберные снаряды.

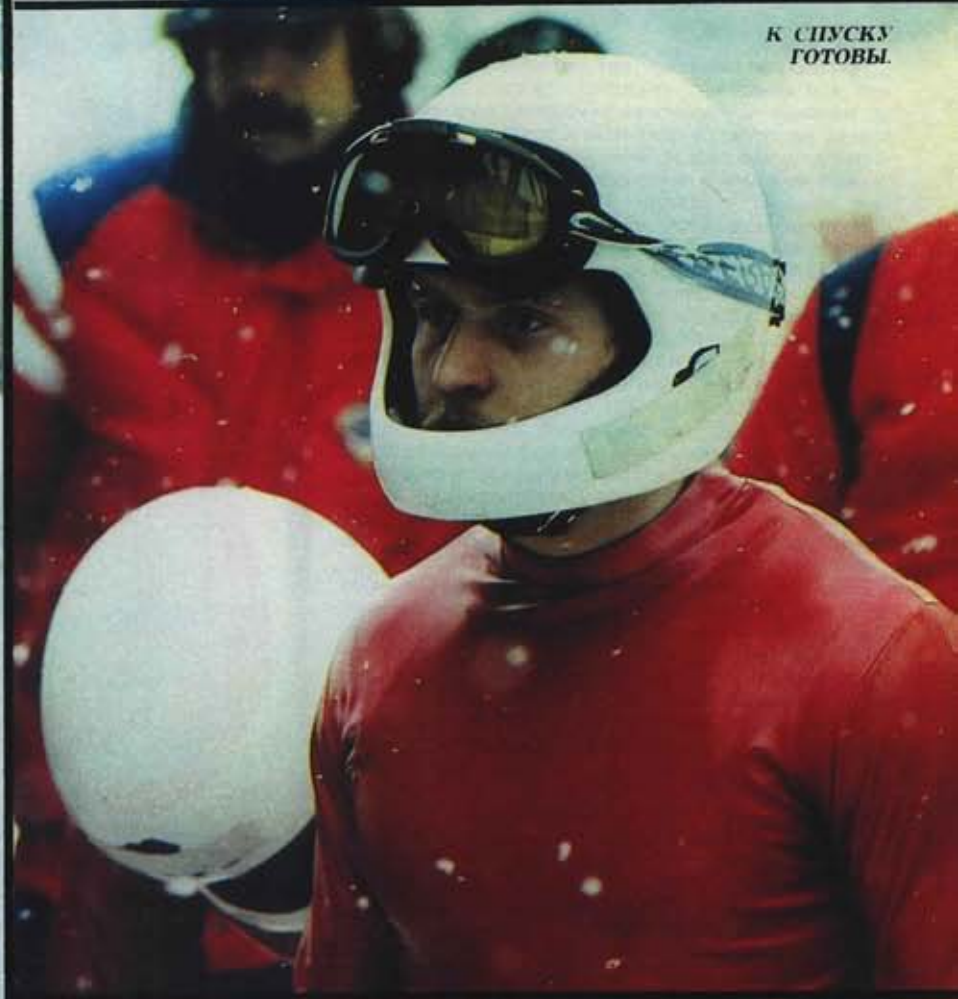
Повторяю, наиболее продуманная, четкая и обеспеченная необходимой производственной и материальной базой работа по созданию отечественных бобов велась на ВЭФе. Там разобрали одну из зарубежных моделей, чтобы потом не изобретать велосипед. И хотя у бобслейных саней существуют контрольные параметры, утвержденные ФИБТ, даже внутри этих «от» и «до» для творческой мысли предела нет. Первый опытный образец взвонцев новой скорости не обрел. Машину вернули в цех и все-таки довели ее до ума.

Дебют отечественного боба, олимпийского образца 1984 года состоялся осенью 1983-го на традиционном розыгрыше Кубка Велтинса, который проходит в городке Винтенберг в ФРГ. Этот турнир, первый в сезоне, всегда собирает сильнейших. И победа советского экипажа в составе Яниса Кипурса и Айвара Шнепстса явилась для специалистов полной

шины нашей сборной выигрывают чуть ли не сами по себе. А стоило Кипурсу и Шнепстсу, беспспорным лидерам команды в олимпийском сезоне, ошибиться в первом заезде на Олимпиаде в Сараево, и в итоге выше четвертого места они подняться не сумели. Но дело в том, что команда была сильна уже не только лидерами, а и коллективом. И на первую позицию выдвинулись Экманис и Александров, впервые завоевавшие для советского спорта олимпийские награды в бобслее. Пусть пока бронзовые. Пока...

С традиционного розыгрыша Кубка Велтинса начался новый сезон, сезон чемпионатов мира и Европы. И вновь Кубок в турнире экипажей-двоек достался нашим мастерам. На этот раз опытный Зинтис Экманис выиграл его вместе с Николаем Жировым. Случайность? Не торопитесь, потому что и вторыми были наши — Вячеслав Шавлев и Александр Макаренко. Новые имена среди бобслейной элиты. Зато школа, которую они представляют, уже достаточно известна — наша, советская школа бобслея, экстерном сдавшая экзамены на мировую спортивную зрелость.

**К СПУСКУ
ГОТОВЫ.**

**БРОНЗОВЫЕ ПРИЗЕРЫ
ОЛИМПИАДЫ В САРАЕВО
ЗИНТИС ЭКМАНИС
И ВЛАДИМИР АЛЕКСАНДРОВ.**

неожиданностью. Случайность, чистойшей воды случайность — к этому свелось объяснение успеха нашей двойки. Все ждали чемпионата Европы и гадали, как покажут себя советские спортсмены. «Золото» Кипурса и Шнепстса и «бронза» Экманиса и Александрова на чемпионате континента перечеркнули все разговоры о случайности.

Но, говоря о наших бобах, специалисты почему-то умалчивали о возросшем мастерстве советских гонщиков. Выходило, что ма-

**КАЖДЫЙ СТАРТ ТРЕБУЕТ
ТЩАТЕЛЬНОЙ
ПОДГОТОВКИ.**

Враги мира и дружбы народов — это всегда и враги всемирных фестивалей. На политической трибуне крупнейших международных форумов молодежи страстно и гневно разоблачаются силы, которые пытаются увести молодое поколение с путей дружбы и сотрудничества, разобщить его, подчинить своим идеалам.

Политическая трибуна XII Всемирного — мы в этом не сомневаемся — даст возможность молодым посланцам планеты провести глубокий, точный, доказательный анализ причин обострения международной напряженности, вынести обвинительный приговор силам, сеющим зло в нашем сложном и противоречивом мире, не останавливающимся ни перед какими преступлениями против людей и народов.

Лев ЕЛИН

II

Прошло уже несколько лет, но число анандамарговцев все никак не позволяло говорить о массовой организации. Шафрановая униформа, диковинные ритуалы, частично почерпнутые Саркар из пыльных книг городской библиотеки Пуны, а частично изобретенные им самим в лихорадочном припадке вдохновения, конечно, помогали. В секту вступали мелкие чиновники, невысокие армейские и полицейские чины. Первые находили в «Ананда марг» то, что обыватель испокон веков ищет в масонских ложах и дьявольских братствах. Вторым импонировала четкая дисциплина, иерархия — и реальная возможность сделать гораздо более быструю, чем на службе, карьеру. Военных Саркар ценил и, подогревая их честолюбие, приближал к себе. Заметно поправились и финансовые дела самого «полубога». Скромные два процента, которые каждый член секты был обязан уплатить с любого дохода, оборачивались кругленькой суммой, которой вполне хватало на безбедную жизнь.

Но всего этого было мало. Саркар понимал: чтобы секта не захирела и не угасла, как сотни ей подобных, нужен мощный импульс. Искал его гуру и во вполне определенном направлении.

Все чаще Саркар покидал свою новую резиденцию в Бомбее. Его стали видеть в лучших отелях Манилы. Там он и познакомился с американкой Джуди Марчел. Они оказались за одним столиком ресторана. Это была именно та «случайность», которой терпеливо ждал Саркар.

Марчел представилась как «научный сотрудник» Гарвардского университета. Саркар не стал уточнять, на какой кафедре следует искать милую даму, в которой при самом тщательном рассмотрении трудно было обнаружить что-либо академическое. Впрочем, и Марчел не стала искать в Саркаре признаков святости. Договориться сумели без этого. Марчел вступила в ряды секты, а позднее, под именем Мадхури, переехала в Индию, став связной Саркара с заокеанскими друзьями.

ПЛАУ ТГЖИИЧА

Она же познакомила гуру с Курраном, высокопоставленным сотрудником ЦРУ. После первых же минут знакомства Курран понял, что с Саркарсом можно играть в открытую.

ЦРУ от «Ананда марг» требовались: сведения, которые могли представить члены секты, служащие в армии и на государственных постах; действия по дестабилизации положения в Индии, разжиганию религиозно-общинной розни, подрыву авторитета центрального правительства, а также левых сил. В частности, боевики секты должны были использовать любые методы, вплоть до террора, чтобы не допустить создания левых правительств в штатах страны.

ЦРУ предлагало в обмен деньги, организацию филиалов «Ананда марг» в странах Запада и обеспечение соответствующей рекламной кампании.

Кроме того, агенты ЦРУ брали на себя роль политических и военных советников секты.

Сделка была заключена.

В дальнем левом углу комнаты стоял огромный глобус. Рядом — вырезанный из листа фанеры бюст человека. Разрисован он был тщательно, но несколько аляповато: ярко-розовые щеки, алые губы. На этом сусальном фоне горели огромные черные глаза. Если действительно, как Бэрт читал в каком-то журнале, люди делятся на вампиров и доноров — тех, кто втягивает в себя чужую энергию, и тех, кто делится своей, — то обладатель таких глаз должен был быть ярко выраженным донором. Только вот само слово — донор — было неудачным. Донор — это самопожертвование, помощь ближнему. А этот — Бэрт повнимательнее пригляделся к нарисованному лицу — будет вбивать свою энергию, как Зевс-громовец вбивал молнии в непокорных.

В комнату вошел ачария, вид у него был утомленный. Он сел напротив Бэрта.

— Гуру Саркар арестован.

«Бр-р-р! Теперь они ждут моей реакции. — Бэрт даже растерялся. — Что мне, соболезнования выражать?» Он инстинктивно повторил жест, сотни раз виденный им на делийских улицах. Покачал головой, поцокал языком и произнес магическое «ачча-ачча»,

которое в зависимости от интонации может обозначать десятки разнообразных чувств. «Кажется, сработало», — успокоился Бэрт. Его собеседник воспринял жест как должное.

— Наши враги, и в первую очередь правительство, те, кто превратил Прадханмантри Бхаван* в бастион диктатуры...

«Что-то я не помню, чтобы гуру Саркар стремился к демократии», — мелькнула у Бэрта крамольная мысль.

— ...они (ачария ударил по воздуху согнутой ладонью) затеяли суд над Ананд мурти и его приближенными.

— В чем же их обвиняют?

— Вот.

Ачария развернул перед Бэртом свежий номер «Таймс оф Индия». Под маленькой фотографией Саркара в нижнем углу страницы было напечатано:

«Прабхар Раджан Саркар, в прошлом счетовод, а позднее несостоявшийся журналист, — арестован се-

Окончание. Начало в № 2.

* Дворец премьер-министра.

годня в Бомбее. Известно, что Саркар стоит во главе ультраправой секты «Ананда марг». Представитель Центрального Бюро Расследований сообщил, что Саркар и семь членов его секты арестованы по обвинению в зверском убийстве 36 бывших анандамарговцев. Их изуродованные тела были найдены в лесах Сингбхума, а также на заброшенном кладбище в пригороде Дели, где, как полагают, члены секты совершают ритуальные обряды. Сотрудник ЦБР подчеркнул, что в распоряжении властей есть неопровержимые доказательства виновности Саркара и его свиты».

«...Найдены на заброшенном кладбище... Ритуальные обряды...» Нет, все-таки той ночью фокусов не было! Рука была теплой.—Бэрту стало страшно. Размалеванный идол в углу перестал казаться смешным.—Так, теперь спокойно выслушать, пообещать что угодно—и уйти.

— Негодяи!—Ачария бросил газету на пол, и она соскользнула под фанерный бюст.—Убийство—бессмысленное слово. Те люди были вероотступниками. Они предали «Ананда марг». Все, что им было нужно,—цветная мишура и трескучие фразы. Они думали, что превратят наши ашрамы в английские клубы. Они не хотели пачкать руки. Нет, не за это мы боремся...

— Послушайте, но при чем тут я?—Бэрт привстал, подвинул стул и увидел, как сразу напрягся и чуть изменил позу маленький анандамарговец, недвижно и молчаливо сидевший со своим напарником на протяжении всего монолога.

— Поймите меня, я очень сожалею, что так получилось. Я... я надеялся встретиться с гуру Саркаром...— Слова звучали жалко, и Бэрту было стыдно за себя, противно, но он знал, что и на колени встанет. И перед ачарией, и перед фанерным истуканом, и перед этой чертовой парочкой, лишь бы выбраться отсюда.—Обстоятельства изменились. Я уезжаю. Как раз,—он повернулся к маленькому, как будто тот мог подтвердить его слова,—собирался за билетом...

Ачария слабо усмехнулся.

— Ваша торопливость, мистер Лэйн, нам, может быть, и понятна. Хотя, признаюсь, ожидали мы от вас большего. Но я хотел бы, чтобы вы прежде всего отдавали себе отчет: обряд посвящения в нашу секту, часы, проведенные с нашими наставниками,—все это не просто забава для туриста. Не считайте нас местной экзотикой, Вишвананд. Вы покраснели? Видите, я попал в точку. И, кстати, вас ведь удивило это имя—Вишвананд. Значит, вы плохо слушали, что я говорил в ту ночь на кладбище. С того дня, помимо светского, у вас есть особое имя, под которым вы числитесь в «Ананда марг». Сейчас вы забываете его, но вскоре—кто знает?—оно может прославить вас...

«Если считать славой пару строк в уголовной хронике...»—Бэрт удивился своей способности иронизировать.

— Раз уж мы заговорили о славе, то я хотел бы объяснить следующее. Мы несколько не раскаиваемся в том, что совершили. Смерть врагов—это выполнение наших заповедей, это цель нашей борьбы. Я надеюсь, что влиятельные друзья—а их у нас немало—помогут гуру вскоре выйти из тюрьмы. Но нашей репутации может быть нанесен серьезный ущерб подобными статьями.—Ачария поморщился.—Ведь отделения «Ананда марг» находятся почти в 80 странах мира.

Ачария подошел к глобусу и толкнул шар. Поверх материков и океанов на нем были проведены жирные линии. Шафрановый цвет, наверное, плохо выделялся на фоне коричневых континентов, и линии были прочерчены ярко-красным фломастером.

— Земной шар делится на девять секторов, в каждом из которых действует региональная организация секты. Все нити сходятся здесь, в Индии. Так вот: в этих секторах мы открыли около 400 школ для местной молодежи. Но, чтобы привлечь учеников, одной правоты наших идей мало. На первых порах нужна реклама, паблсити, как говорят вы, американцы. И поэтому нам просто необходимо противопоставить той клевете, которая сейчас пошла гулять по страницам газет, правдивую и точную информацию. В этом вы можете помочь нам.

— Но как?

— Обратитесь к отцу. Я понимаю, у вас с ним не лучшие отношения, но он прежде всего профессионал. Объясните ему, что наш нью-йоркский офис предоставит в его распоряжение все необходимые материалы. К тому же мы располагаем немалыми средствами. Звоните прямо отсюда—телефон в соседней комнате...

«Откуда они знают про отца? Связались со своими людьми в Штатах? Может быть, вполне может быть. В конце концов это несложно—посмотреть последний «Кто есть кто» или даже телефонный справочник. Но о наших отношениях с ним? Этого в телефонном справочнике не найдешь. Откуда?»

— Простите, это невозможно. Я не могу обратиться к нему с такой просьбой.

«Если будут настаивать, позвоню,—лихорадочно соображал Бэрт.—Лишь бы это было все, что им нужно».

Но ачария неожиданно не стал настаивать.

— Что ж, я думаю, мы найдем способ заинтересовать его и без вашей помощи. А вы нам все же поможете—хотите вы того или нет.

Ачария коротко кивнул по-прежнему безмолвной парочке и вышел из комнаты.

...Через полчаса он вошел обратно. Бэрт обмяк в кресле и бессмысленно улыбался. Присутствия нового человека он не заметил.

Ачария подошел к полужающему в кресле американцу и ударил его тыльной стороной ладони по щеке. Голова безвольно дернулась, но улыбка не исчезла. Ачария удовлетворенно хмыкнул.

— Пора ехать. Я уже позвонил ребятам из Си-би-эс. Они, кстати, обещали связаться потом с папашей и все рассказать. Самопожертвование в знак протеста против ареста гуру, служение великим идеалам переустройства мира...—в общем, ребята неглупые, все поняли.

Около шести часов вечера у входа в Пурана Кила—знаменитую делийскую Старую Крепость—остановились два такси. Из первой машины вышли три человека в шафрановых одеяниях. Двое—индийцы, третий—иностранец. Он безмятежно улыбался. Во втором такси подъехала еще пара иностранцев—мужчина лет тридцати и молодая девушка, увешанные киноаппаратурой. Стражник понимающе улыбнулся, пропуская их. Туристы часто приезжали в Пурана Кила, а сегодня ночью здесь будет особенно красиво. Полетят в небо ракеты, по крепости пойдет гулять эхо от взрывов маленьких бомб. У стражника было прекрасное настроение. Он посмотрел, как приехавшие направились к заброшенной башне, пожал плечами и заторопился к себе в комнатку—готовить лампы-светильники, которые он собирался расставить на крепостной стене.

Через полчаса стражник заметил над башней струйку дыма и решил на всякий случай заглянуть внутрь. Башня была пуста. Но посредине, на дне неглубокого высохшего водоема, лежал обгоревший труп.

В тот же вечер делийское отделение «Ананда марг» объявило об «идеологическом самопожертвовании», которое совершил молодой американец, член секты Бэрт Лэйн. Лэйн, объяснял корреспонденту крайнее правого журнала «Организатор» делийский ачария, выразил таким образом свой протест против заточения Саркара.

— Вишвананд—это имя Лэйн получил, вступив в наши ряды,—не первый, кто совершил такой подвиг. За месяц, прошедший после беззаконного акта властей, уже четверть молодых иностранцев расстались с жизнью в пламени жертвенного костра...

Корреспондент выжидающе посмотрел на ачарию. Ему нужны были не красоты стили, а факты. Ачария понял.

— Их имена вы можете получить у нашего пресс-секретаря.

— Собирается ли секта увековечить память героев и конкретно Лэйна?

— Безусловно. Сейчас мы уже приступили к строительству Ананднагара—Города блаженства. Осуществить наши планы помогают как зарубежные, так и местные покровители секты. Мне хотелось бы особо отметить промышленного магната Гоенку—на его деньги мы купим участок для строительства.

— Мы говорим о Лэйне...

— Да, конечно... Так вот, первые улицы в Ананднагаре будут названы именами пяти новых святых секты. Кроме того, завтра наши типографии начнут массовый выпуск настенного календаря с их портретами. Наш великий гуру—Саркар—передат из тюремной камеры свое разрешение. Мы считаем, что подобные проявления преданности идеям «Ананда марг» послужат доказательством правоты наших целей и привлекут в наши ряды тысячи тех, кто выбирает свой путь. Мы укажем им путь блаженства...

Несколькими часами позже молодой лейтенант ЦБР Индии тщательно задергивал шторы на окнах небольшой просмотровой комнаты в здании бюро. За окном ночь, но, хотя в комнате погашен свет, на стенах то и дело вспыхивают огненные блики. Праздник дивали. Тысячи свечей, поставленные ровными геометрическими формами, сейчас горят на крышах домов, парашетах, оградах, подоконниках... По сумасшедшим траекториям несутся в черном небе сотни ракет. И взрывы, взрывы, взрывы. Лейтенант вздохнул. Дивали он любил и пропускал впервые...

В просмотровой сидело несколько человек. Один из них встал и подошел к кинопроектору.

— Эту пленку только что подготовила наша лаборатория. Она была изъята в аэропорту у двух сотрудников Си-би-эс. Их арест был связан с определенными трудностями. Американцы несколько раз меняли машину, очевидно, чтобы замести следы. Теперь попрошу внимание на экран. Фильм звуковой.

Когда шли последние метры пленки, криков уже не было. Только потрескивание огня. На экране горел человек. Лейтенант пытался побороть приступы тошноты. Он вспомнил, что видел похожие кадры—в документальном фильме о Вьетнаме. Только там вместо спички и бензина, которым облит оранжевый хитон, был напалм. Лейтенант молил бога, чтобы свет не зажигали еще хотя бы пару минут. Как они могли, эти американцы, снимать такое? А глаза этого парня... Бэрт Лэйн. Лейтенант не верил, что он был сумасшедшим.

Загорелся свет. Первая минута оцепенения прошла. Слева раздался голос:

— Удалось что-нибудь выяснить о парне?

— Совсем немного,—отвечал начальник отдела, в подчинении которого был лейтенант—Спасался от призыва в армию, путешествовал. Отец—довольно известный журналист. Хотели расспросить о Бэрте соседа по комнате в Вишва Ювак Кэндра, но тот поздно вечером выехал из ММЦ. Есть один неожиданный факт, который может нам помочь. Ночной чоукидар* видел, как этот сосед стоял во дворе и что-то кричал человеку в шафрановом хитоне. Чоукидар не все расслышал, но утверждает, что Кордеро—так он записан в гостевом журнале—был очень недоволен, говорил, что им могут заинтересоваться власти.

— Они что, не видели, что рядом стоит чоукидар?

— Нет. Он первый день вышел на работу. Обычно в это время там никого нет. К тому же чоукидар лежал у стены на полу холла. С улицы увидеть его было нельзя. Да, забыл сказать, полное имя этого человека, видимо, вымышленное, Хосе Мигель Лопес Кардеро.

— Любопытно!—раздался голос шефа ЦБР.—Латиноамериканец? Проверьте: несколько лет назад здесь появился человек под именем Аллена Бэрка, гражданин США. По происхождению, насколько я помню, перуанец. У него есть способности гипнотизера, и он любит на этом сыграть. Работает под под доктором психологии, то под садху**. Бэрт был военным советником в ультраправых организациях. И, кажется, участвовал в создании эскадронов смерти «Ананда марг» и «Дал халса». Тех самых, которые орудовали в лесах Сингбхума... А Лэйна он мог использовать для прикрытия...

После ареста Саркара «Ананда марг» бурлила как муравейник. Отделения секты в США, ФРГ, на Филиппинах вновь рекламировали новых святых-самоубийц. Пять человек—американец, немец, немка, шведка, австралийка—посмертно получили титул «ачария». Их портреты—глаза смиренно закрыты или же устремлены в небо—на фоне ярко-шафрановых языков пламени украшали тысячи плакатов, календарей и брошюр «Ананда марг».

Но убийство больше соответствовало лозунгу «Смысл жизни—насилие!», чем самоубийство. И вот по всему миру прокатилась волна покушений и диверсий. Были убиты министр железнодорожного транспорта Индии Л. Н. Мишра, генеральный консул Индии в Канберре, служащий индийской авиакомпании в Мельбурне, совершено нападение на главного министра штата Западной Бенгалия Д. Басу. Было взорвано представительство Верховного комиссариата Индии в Сиднее, подброшена бомба на территории посольства Индии в Катманду...

В 1975 году, после введения в Индии чрезвычайного положения, правительство запретило «Ананда марг». Но вскоре секта вновь заявила о себе. Под залог был выпущен из тюрьмы Саркар. Сейчас ему за шестьдесят, но «полубог»-убийца все еще рвется в бой. «Ананда марг» образовала «теневое правительство», и его департамент иностранных дел попытался наладить связи с Нью-Йорком, Манилой, Лондоном, Гонконгом, Западным Берлином. Но на выборах это не помогло, и секта потеряла позорное поражение. С тех пор «моральные интеллектуалы» не тцат себя надеждами на всеобщее признание и действуют под покровом ночи.

В 1981 году был раскрыт заговор с целью убийства Индиры Ганди. Организатор и исполнитель—«Ананда марг».

Тогда ЦБР арестовало двух молодых анандамарговцев из штата Бихар, где как раз и создавались «эскадроны смерти» секты. А в конце 1984 года, вскоре после трагического убийства на Сафдарджанг роуд, 1, в поле зрения бюро попали еще два бихарца, готовившие покушение теперь уже на премьер-министра Раджива Ганди. Опять «Ананда марг»? Пока можно только строить догадки. Сама секта молчит, затаилась в своих ашрамах—святынях убийства и насилия...

* Дежурный охранник.

** Садху—нищий отшельник, считающий себя святым. Садху часто в совершенстве знают хатха-йогу («силовую йогу»). В Индии их несколько сот тысяч.

НА ДЮБОВЫХ СВЯЗОНАХ

Молодежная мода

Ирина ДОБРОХОТОВА,
искусствовед.
Фото Владимира ЧЕЙШВИЛИ

Казахская школа моделирования одежды складывалась одновременно с созданием в республике швейных предприятий. И потому Алма-Атинский Дом моделей с самого своего основания поддерживает тесные контакты с промышленностью. Долгое время считалось, что «массовка» — для людей без особых претензий, достаточно равнодушных к всплескам моды. Мнение это устарело. Современная мода (увы, ни для кого не секрет, что часто с отставанием) реализуется в основном через одежду массового пошива. Она позволяет комбинировать различные элементы костюма, создавать индивидуальный, выразительный образ. Художники нашего Дома моделей уделяют самое пристальное внимание запросам молодых. Достаточно сказать, что чуть ли не четвертая часть, то есть двести пятьдесят — триста моделей, ежегодно разрабатываемых нами и внедряемых в производство швейниками Казахстана, предназначена для подростков и молодежи. Фольклорный, романтический, ретро, классический — все эти стили вы можете встретить в нашей коллекции. Но ведущим, основным остается все-таки спортивный стиль, завоевавший так много поклонников. Варианты одежды для отдыха становятся универсальными, молодые люди используют их как повседневные. Моду молодых в нашем Доме моделей создают молодые. Лучше других это получается у художников-модельеров Марии Дик, Татьяны Антоненко, Натальи Степановой. Созданные ими яркие, красочные модели неизменно встречают одобрение зрителей на демонстрационных показах и, что не менее важно, внедряются в массовое производство.

Вилла

Влюбленные

Глава пятая

За столом все трое старались беседовать так, чтобы спрятанные в комнате «уши» ни по обретенному слову, ни по интонации не могли уловить даже намек об их сговоре. Кинкелли давно обнаружили миниатюрные микрофоны и показали Леониду, где они находятся.

И гость, и хозяйка вели себя так, как начали прежде, с момента телефонного разговора между профессором Кинкелем и прибывшим в Лозанну представителем Центра. Герберт выпил рюмку коньяка и больше не стал, ссылаясь на недомогание. Он и в самом деле выглядел неважно. Вялый, говорил тихим голосом, умные глаза за стеклами роговых очков смотрели почти безразлично. Вера Сергеевна с трудом проглатывала кусочки сочного, аппетитно поджаренного бифштекса, запивая легким вином, но держалась молодцом. Изображая радушную хозяйку, она поддерживала предлагаемые мсье Шардоном тосты, болтала о всякой всячине, потчевала гостя, прося, чтобы он съел что-нибудь еще, по своему вкусу, из различных закусок, поставленных на стол. Уже не смущаясь, она называла гостя по имени, а он ее — Верой Сергеевной. В ее положении это было очень нелегко, и Рокотов, восхищаясь ее выдержкой, верил, что она справится со своей трудной ролью.

До калитки его проводила Вера Сергеевна. Было около одиннадцати часов. Ночь выдалась звездная, теплая, но хозяйка, выходя из дому, опять набросила на плечи пуховый платок. Рука, которую она подала на прощание, была словно ледяная. Хотя вряд ли их могли подслушать здесь, в саду, Рокотов поостерегся повторять то, о чем уже успел написать ей в доме. Он выразился иносказательно:

— Не печальтесь, дорогая Вера Сергеевна, все будет хорошо. Ваш муж не так уж серьезно болен, а дочка непременно выздоровеет. Непременно!
— Да, да, я верю, — поняв, сказала она. — Я надеюсь, что они оба поправятся... Так мы ждем вас завтра, Жан!

За ужином они успели поговорить, а вернее, написать друг другу многое. Писали поочередно. Карандаш брал тот, кто в данную минуту не принимал участия в беседе.

Чтобы агенты в подвале чего-либо не заподозрили, гость и хозяйка изображали, что не уклоняются от самых серьезных тем. Поговорили о конспиративных делах, о болезни Эрики и причине недомогания Герберта, но скупой, в той мере, в какой это вообще приемлемо за столом во время еды.

«Спасибо вам, дорогая Вера Сергеевна, за ваше мужественное признание, — написал Леонид сразу, как сели за стол. — Я понимаю, чего вам это стоило, и искренне вам сочувствую. Еще раз спасибо! Это неоценимая помощь с вашей стороны. Прошу вас, сохраняйте выдержку и спокойствие. В настоящий момент от этого зависит все».

Прочтя это, госпожа Кинкель закрыла лицо ладонями и так сидела неподвижно, стремясь унять слезы. Муж положил ей на плечо руку, сказал как можно спокойней:

— Верочка, а знаешь, что ты забыла? Предложить мсье Шардону варенье, которое ты варила прошлой осенью. Чудесное земляничное варенье — непременно попробуйте, Жан!

Вера Сергеевна отняла от лица руки, глубоко вздохнула, движением головы откинула за плечи рассыпанные локоны.

— Спасибо, дорогой, что напомнил! Я сейчас принесу, вы должны попробовать, Жан, это мое изделие, раз муж его нахваливает.

Потом она держалась замечательно, даже пыталась шутить. Лицо ее было бледно, но совершенно невозмутимо, движения красивых белых рук спокойны. Большие серые глаза смотрели на Леонида доверчиво и серьезно. В течение ужина все трое перебрасывались записочками. Вопрос — ответ, вопрос — ответ.

«Когда все это случилось?» — спрашивал Рокотов.

«29 марта», — отвечала Вера Сергеевна.

«Успели ли вы известить о провале Центр?» — писал он.

«Нет, — взяв у жены карандаш, писал Герберт. — Ночью у меня был сеанс связи, я передал в Центр информацию. После этого, конечно, сжег все записки. А утром, когда Эрика ушла в школу, они ворвались. Дома оставалась Вера. Я был в университете».

«Сколько их всего, по вашему мнению?» — «Мы видели четырех, одна — женщина, несомненно, немка, но, по-видимому, шайка больше». — «В подвале виллы всегда остаются двое? Эти тоже немцы?» — «Да, двое мужчин. Они там дежурят по очереди: один спит, второй бодрствует. Герберт говорит, что эти тоже, безусловно, немцы — очень чистое произношение, хотя один хорошо говорит по-французски». — «Я заметил прошлый раз, когда приходил к вам в одежде электомонтера, что меня фотографировали из окна вашего дома. Это, наверное, один из тех, что в подвале?» — «Да, это тот, что владеет французским. Они фотографируют всех, кто входит в дом».

Из переписки с Кинкелями у Рокотова сложилась вполне ясная картина случившегося и тех драматических обстоятельств, в которых, как в тисках, находились вот уже второй месяц радист разведывательной группы и его связная. Были в этой картине кое-какие белые пятна, не хватало деталей, но главное высветилось совершенно отчетливо. Остальное Леонид надеялся уточнить при следующих свиданиях, а также в ходе будущих событий.

Сам захват радиоквартиры агентурой врага произошел при таких обстоятельствах.

Утром 29 марта профессор Кинкель поехал на своей машине в Лозаннский университет, где он читает лекции по экономике. Девятилетняя Эрика ушла в школу. Вера Сергеевна, как обычно, занималась дома хозяйством: от помощи служанки она давно отказалась из опасений, что та может случайно обнаружить передатчик и донести в полицию. Часов в одиннадцать человек в полицейской форме позвонил у ворот и на вопрос госпожи Кинкель ответил, что ему необходимо переговорить с мадам конфиденциально. В появлении представителя власти не было ничего чрезвычайного: с началом войны полицейский контроль в стране усилился, и ее сотрудники шныряли по всей Лозанне, наведываясь и в этот дачный район. Вера Сергеевна сказала, что мужа нет дома и вряд ли она сможет быть чем-либо полезной господину сержанту, однако полицейский, улыбаясь, возразил: начальство поручило ему побеседовать именно с ней, а не с профессором Кинкелем. Теряясь в догадках, хозяйка провела настойчивого гостя в дом.

Здесь этот человек (он прекрасно говорил по-французски и никаких подозрений не внушал) сразу заявил, что дело, с которым он пришел, касается благополучия семьи госпожи Кинкель, она должна спокойно выслушать то, что ей будет сообщено, отнестись к этому со всей серьезностью и не делать глупостей, иначе будет плохо. Затем сержант велел посадить собаку на цепь в саду и впустить двоих, как он сказал, агентов полиции — они уже ждут. Из окна Вера Сергеевна увидела, что возле ворот, на улице, действительно кто-то стоит. Предчувствуя злой умысел, она сказала, что не станет никому открывать калитку и требует, чтобы пришедший сейчас же покинул ее дом, в противном случае она позвонит в полицию. И направилась к телефону. Мнимый полицейский, выхватив револьвер, загородил ей дорогу.

Он закричал, что таким поведением мадам ставит под угрозу жизнь собственной дочери — Эрики, которая находится в их руках; как раз об этом пойдет речь, когда здесь появятся те двое, что ожидают у ворот, а он-де не уполномочен вести разговор. От страха за Эрику голова у Веры Сергеевны пошла кругом. Она бросилась к двери кликнуть огромного пса, которого привязала в саду, но тотчас передумала: верный Дживозеф не поможет, если дочь и вправду попала в руки каких-то негодяев. Нужно прежде всего убедить-

ся, не жлет ли этот долговязый тип в очках в золотой оправе, подлым образом проникший в дом. А если он говорит правду? Вере Сергеевне не осталось ничего иного, как выполнить его приказание — открыть калитку тем двоим. Один из них был мужчина с медведеподобной внешностью и неприятным, угрюмым лицом, второй оказалась женщина — рослая крашеная блондинка с пышным бюстом.

От этой женщины, говорившей по-французски с дурным произношением, Вера Сергеевна и узнала, что произошло с ее девочкой и в какую беду попали она сама и Герберт. Крашеная красotka вела себя с хозяйкой дома ласково, пытаясь изобразить сострадание, взывала к ее материнским чувствам. А с напарниками держалась властно, и те слушались ее беспрекословно. Впоследствии Вера Сергеевна убедилась, что белокурая немка действительно является какой-то их начальницей. Называет она себя Магда, но это, безусловно, не настоящее ее имя.

Блондинка со спокойной улыбкой объяснила Вере Сергеевне, что с ней разговаривает сотрудница германской разведки: тем, кого она представляет, довольно известно, что мадам Кинкель и ее муж являются русскими агентами, их вилла служит радиоквартирой, отсюда зашифрованные сведения передаются в Москву. Эту информацию получает у известного ей человека мадам Вера, она связная, а радирует, очевидно, ее муж Герберт Кинкель. Мадам может не сомневаться, сведения у них абсолютно точные, даже не стоит искать передатчик, хотя вот, кажется, эти расторопные парни, которые знают свое дело, уже нашли его. (В это время перерывшие все в комнатах агенты извлекли из тайника в кабинете Герберта радиопередатчик, смонтированный в патефонную коробку, и с издевательскими ухмылками поставили его на стол перед Верой Сергеевной.) «Ну, теперь мадам, вероятно, понимаете, что имеет дело с серьезными людьми?» Крашеная блондинка рассмеялась.

Так называемая Магда сообщила, что они знают, с кем встречается для получения разведывательных сведений госпожа Кинкель; немка правильно описала наружность связного, указала часы и места их свиданий и добавила, что этот человек служит в контрразведке. Затем с точностью до минут указала время радиосеансов Герберта, то есть время выхода его в эфир для связи с Центром. Вера Сергеевна ни слова не произнесла в подтверждение, но это, конечно, не могло уже ничего изменить. Налицо был полный провал, и в руках немцев оказался Эрика.

Служба безопасности рейха, продолжала Магда, не может допустить, чтобы кто-либо, пусть даже гражданин нейтральной страны, наносил ущерб военной мощи великой Германии, помогая ее врагу — России. А чета Кинкель именно этим и занимается и, кстати, занимается этим тайком, во вред своей же стране, защиту которой от большевистской заразы, как и всей Европы, взяла на себя доблестная германская армия.

Надеемся, госпожа Кинкель понимает, продолжала немка, что иного выбора в такой ситуации и службы безопасности не было. Конечно, есть еще один путь: осведомить о запрещенных подпольных радиопередатках здешние власти, и почтенных супругов тотчас же арестуют. Однако это не решает всех проблем: ведь репрессивные меры властей могут совсем не коснуться других помощников русской разведки, в особенности людей, поставляющих военные сведения, то есть тех, кто находится в самой Германии. И где гарантии, что эти ублюдки и предатели немецкой нации опять не займутся своим мерзким делом, как только русские введут в действие другой радиопередатчик? Нет, арест Кинкелей не удовлетворил бы полностью интересов безопасности рейха, разглашавствовала Магда, сидя за столом перед Верой Сергеевной.

Немецкой разведке, продолжала грудастая защитница великой Германии, пришлось взять дело в свои руки. И вот итог. Как коллега коллеге, Магда искренне сочувствует мадам Вере, но что поделаешь! Борьба есть борьба, и побеждает сильнейший, не так ли? Однако мадам и ее супругу не в чем винить себя: как разведчики, они работали безупречно, провал не результат их ошибок, а результат искусно выполнен-

ной операции их соперником. Впрочем, хватит об этом! Она, Магда, и так рассказала больше, чем следовало, ей еще достанется от начальства, но мадам так располагает к себе, такая очаровательная... Магда будет очень рада, если они найдут общий язык и подружатся—это на пользу ей самой и ее чудесной дочурке. Кстати, о девочке. Магда может поклясться, что ребенок находится в полной безопасности, под присмотром доброго, дисциплинированного сотрудника, между прочим, по профессии он школьный учитель; девочка весела, с ней играют, гуляют, прекрасно кормят, у нее есть все, что нужно ребенку ее возраста. Магда обязательно как-нибудь повезет мадам Веру туда, чтобы мать могла убедиться в правдивости ее слов, но, конечно, это будет зависеть от самой госпожи Кинкель. Если она будет вести себя разумно и воздерживаться от лишних вопросов к своему супругу, то Магда похлопочет перед начальством.

«А теперь о главном.—Голубые глаза немки под длинными наклеенными ресницами стали холодными, большой ярко-красный от помады рот перестал улыбаться.—Вы с мужем будете продолжать работать, как и прежде, но под нашим контролем. Наши парни останутся у вас, они знают, что им делать. Эрику же мы вынуждены разлучить с вами до тех пор, пока операция не завершится успехом, девочка—гарантия вашего послушания. Пока она у нас, вы будете делать все, что вам велит. Потом мы ее вам вернем. Помните, мадам, при всем моем сочувствии к вам у нас нет иного выхода!»

Когда профессор Кинкель возвратился из университета, отпер своим ключом ворота и, поставив автомобиль в гараж, ни о чем не подозревая, вошел в дом, то прямоком угодил в руки поджидавших его немцев. Внезапное несчастье потрясло Герберта—у него случился сердечный приступ. Остаток дня он пролежал в постели, глотая лекарства. Ему было так плохо, что даже нацистка Магда не на шутку забеспокоилась: она тотчас ушла, приказав Вере Сергеевне вызвать по телефону врача, дабы оказать больному необходимую помощь. Двое немцев—медведеподобный и очкарик—остались, укрывшись перед приходом доктора в подвале виллы.

Именно в ту наступившую ночь радист Зигфрид впервые за все время своей работы не вышел в эфир для связи с Москвой. Потом Герберт, принужденный к обману, объяснил обеспокоенному Центру, что Ангелика занемогла и не сумела сходить на встречу со связным Хосе за информацией.

Вот что узнал Леонид про обстоятельства самого провала из многочисленных записочек супругов Кинкель, если изложить их содержание в связном рассказе. Разумеется, далеко не все подробности попали в ту поспешную и лаконичную переписку, которая состоялась между ними в первый вечер их знакомства. Очень многое Рокотову стало известно из бесед с Кинкелями в последующие дни.

Быль еще один очень важный аспект в этой сложной истории, без выяснения которого нельзя удачно парировать удары немецкой агентуры и легко совершить опрометчивый шаг. Рокотову непременно нужно было знать, что уже известно и что еще сокрыто от врага, как тот сумел обнаружить радиоквартиру лозаннской группы, кто помог ему, далеко ли продвинулся противник в своих поисках источников разведывательной информации (что было, без сомнения, главной целью их операции) и не нащупали ли они уже промежуточное звено в цепочке Хосе—господин ИКС? Эти псевдонимы не составляли секрета для врага, знакомого со всей апрельской и нынешней радиоперепиской Зигфрида с Центром. Некоторые из этих вопросов представлялись почти неразрешимыми, но в остальных, пожалуй, можно разобраться.

Кинкели помогли Рокотову. Конечно, ни Вера Сергеевна, ни Герберт не в состоянии были точно ответить даже на половину заданных им вопросов, но высказанные ими догадки принесли немалую пользу, потому что, обладая неизмеримо большими познаниями в конспиративной работе вообще и приемах работы германских секретных служб в частности, Леонид про себя исправил или дополнил их мысли и наблюдения и пришел к правильным выводам.

Предположения профессора Кинкеля насчет того, каким образом агентура врага сумела выйти на радиоквартиру в Лозанне, сводились к следующему. Очевидно, работу передатчика обнаружила германская служба радиоподслушивания. Швейцарские газеты неоднократно писали, что немцы активно занимаются пеленгацией нелегальных радиостанций: их пеленгаторные установки работают на итальянской, французской и германской территории, но нацелены они, по уверению германского посольства, якобы против радиостанций Сопротивления; в подтверждение этого гитлеровцы сообщили, что ими найдено и обезврежено несколько подпольных передатчиков.

Леонид согласился с предположением Герберта. Про себя же он подумал, что противник, по-видимому, мог обнаружить и второй передатчик, принадлежащий Папаше: радиопеленгаторы могли указать его примерное местонахождение. При отправке сообщений в Москву через Папашу надо быть сейчас крайне

осмотрительными, чтобы не привести за собой «хвост» на женевскую радиоквартиру.

Ладно, это ясно, решил Рокотов, размышляя над версией Герберта. Скорее всего засечка Зигфрида произошла случайно: натолкнулись в эфире на неизвестную станцию, которая держала регулярно связь с Москвой. Конечно, не зная шифра, противник не мог прочесть бесконечного ряда цифр, которые гнал в эфир тайный радист, однако это очень встревожило германскую радиоконтрразведку. Она привела в действие свою подвижную пеленгаторную аппаратуру на автомобилях в трех приграничных районах, которая показала, что уже засеченный ранее передатчик находится в Лозанне или ее окрестностях. Возможно, что немцы, имея приборы точной наводки, установили примерное место или даже дом, где работает подпольная рация. А когда возникло подозрение насчет виллы Кинкелей, агенты абвера или СД стали наблюдать за ее обитателями.

Рокотов понял, каким образом немцы могли выйти на Герберта, Веру Сергеевну и связника Эмиля.

Госпожа Кинкель встречалась со связным, доставляющим информацию от Хосе, в разных местах города. В марте они несколько раз виделись в читальном зале одной из лозаннских библиотек. И, судя по рассказу Веры Сергеевны, немцы сумели засечь ее встречу со связным, очевидно, именно в читальном зале. Основным подтверждением служило то, что налет на виллу Кинкелей произошел вскоре после этой серии свиданий.

С Эмилем—связником Хосе—Вера Сергеевна встречается уже пятый месяц. Информацию приносит только он. Его настоящего имени она, конечно, не знает. Вид у него, как у подростка: маленький, худой, очень быстрый. Вечно с книгой в руках—даже на ходу читает. Кажется рассеянным, будто не от мира сего. На самом деле удивительно зоркий, отлично видит все вокруг. Это он предложил переменить место встреч: что-то ему там, в читальном зале, не понравилось, но он не сказал, что именно, наверное, чтоб не напугать ее.

Может быть, Эмилю тоже, как и Вере Сергеевне, показался подозрительным один мужчина, который дважды садился рядом с ними за соседний стол в читальном зале. Он брал у библиотекаря подшивки газет и неторопливо просматривал их. Внешность этого человека до смешного карикатурна: крупная курчавая голова на почти нормальном туловище, а ноги и руки маленькие, как у ребенка; когда он сидел на стуле, его детские ботинки не доставали пола. На вид ему лет пятьдесят, в шевелюре—седые волосы. Лицо умное, с редкостной приметой: на рту—«заячья губа». Пожилой уродец, уткнувшись в свои газеты, не обращал внимания на входящих и выходящих посетителей. Но однажды Вера Сергеевна уловила на себе его быстрый изучающий взгляд. Тогда она не придала этому никакого значения. Первое нехорошее предчувствие—какой-то холодок страха—охватил ее, когда однажды, выходя из калитки, вдруг увидела большого карлика, семенящего мимо ограды их дома быстрыми шажками. Прежде госпожа Кинкель никогда здесь его не встречала. А через два дня в виллу вломилась немецкая агентура. Может быть, это случайное совпадение?

Сведения, приносимые Эмилем, отличаются, по словам Веры Сергеевны, от тех, что посылает в Москву Герберт, как небо и земля. Немцы фальсифицируют их уже после того, как связная возвращается домой. Один из дежурящих в подвале виллы забирает у нее листочки с текстом и куда-то отвозит. Затем выхолощенную, полуправдивую информацию вручают Герберту для зашифровки. Было, вспомнила Вера Сергеевна, два случая, когда за сведениями приезжала Магда. Это подтверждало догадку Леонида, что не она является резидентом, хотя, очевидно, выполняет какие-то важные обязанности.

Скверно то, что они уже выследили Эмиля и знают, где он служит, думал Рокотов. Конечно, немцы уяснили, что он лишь связной. Вряд ли они рискнут схватить этого парня, чтобы добиться признания, кто именно посылает его с информацией. И не только потому, что боются всполошить Москву и Хосе. Даже если под угрозой физической расправы Эмиль и назовет им настоящую фамилию Хосе, что это даст? Хосе только передаточное звено—за ним, в тени, стоит господин ИКС, который пожелал так законспирироваться, что даже руководству в Центре известно о нем очень мало. А с берлинскими источниками связан он один, к тому же трудно сказать, знает ли сам господин ИКС подлинные имена этих высокопоставленных лиц, может, он тоже лишь промежуточное звено, как Хосе для нас? Не зря же Анфилов в своей инструкции высказывал Леониду похожие соображения. Нет, напролом они не пойдут—это им не поможет. Они ведут очень осторожную слежку. Заметили ли что-нибудь подозрительное вокруг себя Хосе и его сотрудники? Что они сами за люди?

Итак, слежка за госпожой Кинкель, безусловно, была. Тот карлик в читальном зале заметил обмен конвертами между Эмилем и Верой Сергеевной. Если он человек с профессиональным опытом, ему не

стоило труда, не привлекая к себе внимания, установить, где живет интересующая его дама.

Конечно, агентуре противника очень важно было схватить радиста, чтобы использовать его для обмана московского Центра, иначе вся операция теряла смысл. Рокотова остро тревожило, что враг знает о существовании Хосе и господина ИКС, подобрался к ним вплотную и поспешно копают здесь, стараясь раскрыть их настоящие имена. Где гарантия, что усилia немецкой агентуры не увенчаются успехом?

А если их резидент, отчаявшись завершить операцию блестящим финалом—арестом берлинских информаторов, распорядится ликвидировать Хосе и господина ИКС? Ведь именно такой приказ получит он из Берлина, если замысел потерпит крах. И тогда... Тогда с выпадением промежуточного звена в цепочку наш Центр полностью теряет надежду восстановить связь с ценнейшими источниками в Германии.

Возвратившись от Кинкелей в отель уже затемно, Рокотов, взвешивая каждое слово, написал лаконично-подробное сообщение для Анфилова. Завтра Фон-тэн отошлет его через своего женевского радиста в Центр. Дело было настолько скверным, что хуже и представить нельзя.

Глава шестая

Большие напольные часы отсчитали пять гулких ударов. Хозяин дома Вернер фон Эссен машинально взглянул на свой ручной хронометр. Пять утра! Ночь пролетела, а они еще не обговорили главного. Много времени заняло прослушивание магнитофонной записи разговора Кинкелей с этим Шардоном. Надо заканчивать, пора развезжаться. Резидент подошел к окну и отогнул шторы. На улице совсем светло.

Эссен задернул шторы и посмотрел на своих агентов. Хильда (она же Сюэзи и Магда) задумчиво ходила по комнате, скрестив руки под грудью, с дымящейся сигаретой в пальцах. Пауль глыбой застыл в кресле, потягивая из фужера вино и уставив глаза в пол. Адам вопросительно смотрел на хозяина: не будет ли каких распоряжений?

Сказав, что сам приготовит кофе, Эссен ушел на кухню. Кофе он варил всегда сам, считая, что никто лучше этого не сделает. Он знал особый рецепт: кофе получался ароматный, густой, чудесный на вкус. Колдовал Вернер над этим с наслаждением. Собственно ручное разливание дымящегося кофе в чашечки из старого саксонского фарфора, попросил Хильду-Сюэзи принести их на подносе в столовую. Это занятие отвлекло мысли, облегчило уставший мозг. Кроме того, Эссен намеренно оставил агентов одних, чтобы они свободно подумали, переговорили друг с другом. План действий уже сложился у него в голове.

Кофе пили молча. После бессонной ночи, плотного ужина с вином и духоты прокуренной столовой крепкий напиток бодрил.

Первым решился высказаться Пауль.

— Как хотите, шеф, дело ваше, но, будь я на вашем месте, я бы приказал этого красного ублюдка ликвидировать.

«Ну, от этого чего-нибудь иного трудно было ожидать,—мысленно усмехнулся резидент.—Неудивительно: закоренелый бандит, насилие у него в крови!»

— Такой шаг может нам дорого обойтись,—холодно процедил Эссен.—Вы об этом подумали, Пауль? — А если он пронохает, чем мы тут занимаемся, и стукнет своим в Центр, что тогда?

— Именно поэтому я и собрал вас, чтобы вместе хорошенько подумать. А ликвидация связного—грубый прием. В нашей работе он чаще приносит больше вреда, чем пользы. Есть другие пути...

— Неправильно!—гаркнул Пауль.—Неправильно, шеф! Покойнички никому еще не приносили вреда, а вот живые...

— Не кричите, пожалуйста, Пауль.—Хозяин брезгливо поморщился.—Здесь не место...

Пауль осекся.

— Прошу прощения, шеф,—хмуро пробормотал он.—Я, кажется, немного перебрал... Дело ваше, я говорю, как лучше...

Хильда с одобрением поглядывала на Пауля и кончиком языка слизывала с верхней губы помаду. Эссен не переносил этой ее привычки: в ней было что-то плотоядное. Он демонстративно повернулся к Адаму.

— И вы такого же мнения? Не стесняйтесь, говорите.

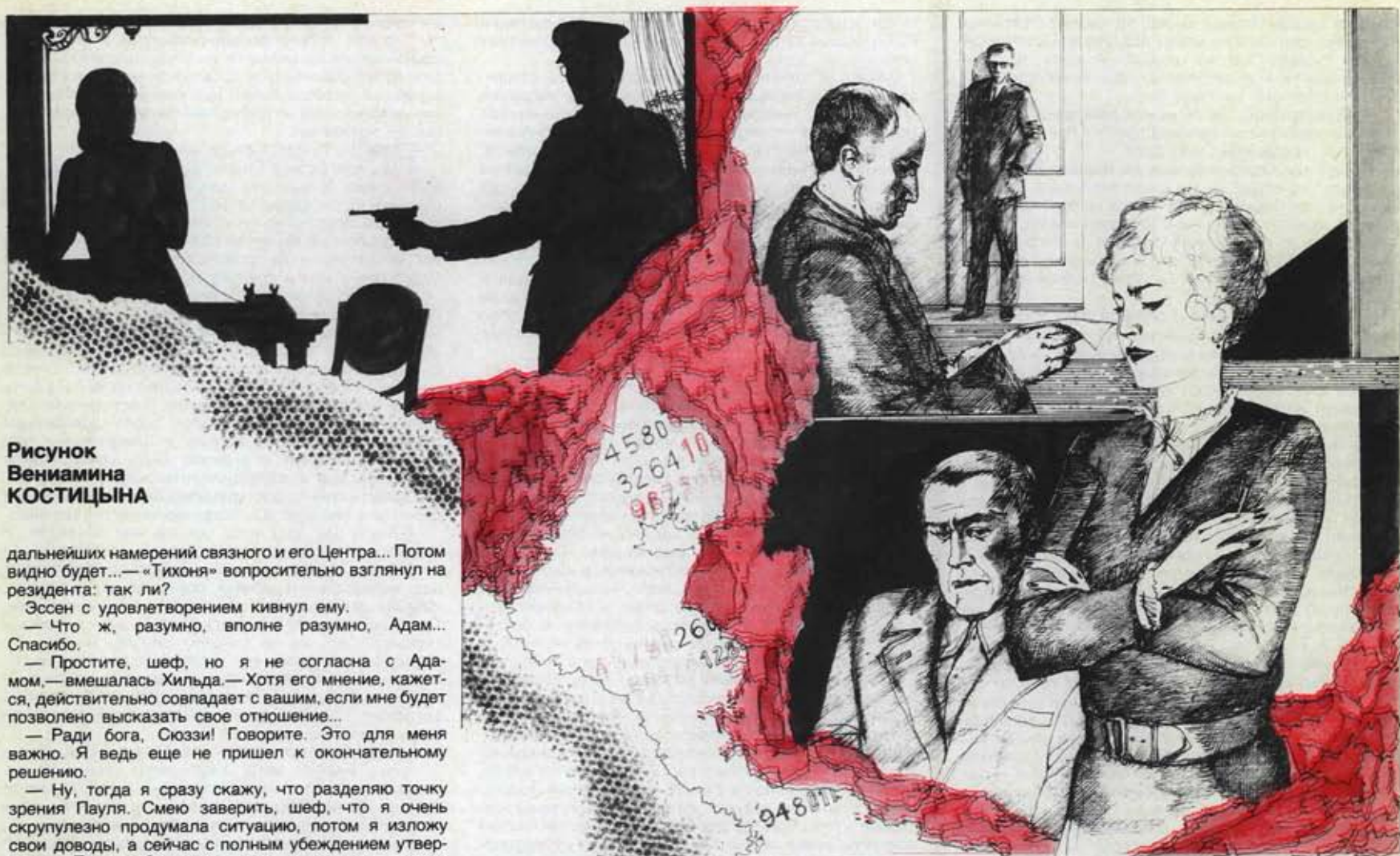
Агент потупился, нерешительно шевельнул узкими плечиками, помешкал.

— Мне трудно давать совет... Я не знаю многих обстоятельств...

— Ну, что вы! Вам известно уже довольно много, чтобы составить собственное мнение. Как, по-вашему, Пауль прав? Говорите смелее!

Посмотрев внимательно в глаза шефа, Адам твердо сказал:

— Нет, полагаю, он неправ. Ликвидация агента врага—крайняя мера... Думаю, мое мнение ближе к вашему. Я бы выбрал осторожную тактику: наблюдение, прослушивание разговоров на вилле, выяснение

**Рисунок
Вениамина
КОСТИЦЫНА**

дальнейших намерений связного и его Центра... Потом видно будет... — «Тихоня» вопросительно взглянул на резидента: так ли?

Эссен с удовлетворением кивнул ему.
— Что ж, разумно, вполне разумно, Адам... Спасибо.

— Простите, шеф, но я не согласна с Адамом. — вмешалась Хильда. — Хотя его мнение, кажется, действительно совпадает с вашим, если мне будет позволено высказать свое отношение...

— Ради бога, Сюззи! Говорите. Это для меня важно. Я ведь еще не пришел к окончательному решению.

— Ну, тогда я сразу скажу, что разделяю точку зрения Пауля. Смеею заверить, шеф, что я очень скрупулезно продумала ситуацию, потом я изложу свои доводы, а сейчас с полным убеждением утверждаю: Пауль абсолютно прав, у нас нет другого выбора, только ликвидация связного гарантирует нам дальнейший успех операции. Все другие, мягкие методы в отношении посланца русского Центра могут привести к катастрофе. И потом — смерть его может выглядеть случайной...

— Что вы имеете в виду? — недовольным тоном спросил Эссен, догадываясь, что предлагает Хильда.

— Ну, скажем, дорожное происшествие: он попадет под автомобиль. За рулем будет, конечно, не наш агент. Я подыщу человека, который за это возьмется.

— И в полиции он расскажет, кто его соучастник, — саркастически дополнил Эссен.

— Не расскажет: мы хорошо заплатим.

— Я в этом не уверен. Кому охота садиться в тюрьму, даже за большие деньги? В последнюю минуту он может выдать.

— При желании его можно своевременно устранить.

Резидент пренебрежительно хмыкнул.

— Не слишком ли много происшествий? Нет, не годится. А главное, дорогая Сюззи, неужели вы думаете, что московский Центр так наивен, что поверит, будто это просто несчастный случай, а не злоумышленное убийство? Устранение их человека только усилит подозрения. Центр обязательно пришлет для проверки нового агента. Или, возможно, законсервирует на время группу Кинкеля, что для наших интересов еще хуже.

— Это верно, — подкакнул Адам.

Эссена еще точили сомнения, поэтому, выслушивая весомые аргументы Хильды и Пауля и отвечая им, он, в сущности, убеждал не этих двоих, а самого себя. В возражениях против намечаемого им решения он не нашел такого, чего уже не продумал, забыл бы учесть до начала разговора. Потом, после отъезда агентов с виллы, прежде чем сесть за составление срочного доклада начальнику VI управления СД Шелленбергу с подробным описанием чрезвычайного события и принятых контрмер, дабы в последний раз проверить свою позицию, резидент вновь про себя повторил этот спор, доводы сотрудников и свои ответы. В сжатой, заостренной форме его мысленный диалог с оппонентами выглядел бы так:

— Вы согласны, что московский Центр, как теперь ясно, серьезно обеспокоен снижением ценности информации из Берлина, поэтому и прислал своего представителя для всесторонней проверки?

— Скорее всего это так, — отвечал Эссен.

— Допустим, супруги Кинкель не проболтаются и связной не обнаружит в их доме ничего подозрительного. Тогда он, очевидно, обязан проверить движение информации и ее качество по всей цепочке связи — от курьера до так называемого Хосе, вплоть до господина ИКС или даже дальше, не исключено, что у

посланца Центра есть и такие возможности, — и он сразу поймет, в чем дело. А это полный крах операции «Ловушка». Так не лучше ли физически устранить русского сейчас, пока он не предпринял губительных для нас действий?

— Нет, не лучше. Я уже говорил, по каким причинам это опасно, даже вредно для наших интересов: главная цель операции, доверенной нам руководством СД, — выявить и ликвидировать изменников, передающих врагу секретную информацию. Если мы уничтожим русского связного, группу Кинкеля Центр законсервирует, а ее функции поручит другой неизвестной нам законспирированной группе, чего нельзя также исключать, — в этом случае мы совершенно потеряем те нити, которые тянутся отсюда к берлинским источникам и за которые мы пока лишь ухватились. Сейчас мы уткнулись в управление швейцарской контрразведки и топчемся на одном месте. Предоставив же свободу действий Шардону-Ришару, мы, может быть, достигнем искомой цели. Идя следом за ним по цепочке связи, нам удастся засечь все его контакты, выйти на Хосе, а затем на господина ИКС. А это уже ключ к дверям предателей в Берлине, что и является нашей конечной целью. Ибо в возложенной на мою резидентуру контрразведывательной задаче главным является, повторяю, не ликвидация группы Кинкеля и не дезинформация противника — это лишь необходимые сопутствующие меры, — а выкорчевывание всей данной подрывной организации, в особенности берлинских источников. Таким образом, посланец московского Центра может нам даже помочь.

— Но как только Шардон-Ришар вступит в контакт с Хосе, обман сразу обнаружится, и он известит Москву.

— Тут у нас есть два варианта: или ликвидировать русского связного и Хосе, или дать ему свободу действий под нашим контролем. Первый вариант хорош простотой и надежностью. Но он не решает поставленной перед нами задачи до конца. Судя по радиопереписке Центра с Зигфридом, его руководство осуществляет связь с берлинскими информаторами через посредство двух лиц — Хосе и господина ИКС, причем последний держит контакт только с Хосе и так законспирировался, что русские не имеют о нем никаких данных, не знают его подлинного имени и адреса. Это вне сомнений, иначе они, выйдя на прямую связь с ИКСом, давно бы уяснили, что их дезинформируют. Следовательно, если мы устраним Хосе, советская разведка навсегда лишается ценнейших источников в рейхе. Однако и мы полностью теряем надежду вскрыть и обезвредить эту группу подлых предателей, поскольку господин ИКС для нас также инкогнито. Главная цель операции не будет достигнута.

Второй возможный вариант для нас значительно сложнее и рискованней. Что тут может произойти? Получив от своего посланца сообщение о случившемся, Центр потребует от него наладить пересылку информации иным путем, минуя проваленную радиоквартиру Зигфрида. Начнется очень непростая работа. Это займет определенное время и даст нам возможность пронаблюдать за всеми контактами Шардона-Ришара и Хосе. Встречи же Хосе с господином ИКС либо с его связным для получения информации неизбежны. Ну, а остальное уже гораздо проще: стоит только схватить и хорошенько потрясти этого ИКСа, и он выложит своих единомышленников.

Хотя риск есть, так как неизвестно, какие именно защитные меры против нас примет противник, я считаю этот вариант лучшим. Преимущество его в том, что он позволяет добраться до корней подрывной организации, уничтожить ее целиком и тем самым выполнить наш священный долг перед Германией и фюрером. Однако если возникнут серьезные препятствия, прибегнем к первому варианту: к ликвидации вредящих нам лиц.

— А если русский связной узнает о происходящем от Кинкелей?

— Они этого не сделают. Я не верю, что они способны принести в жертву своего ребенка. А спасти девочку мсье Шардон не в силах: шансы его равны нулю. Центр же, безусловно, не позволит ему riskовать собой и провалом задания ради помощи агентам-обманщикам. Кинкели это понимают.

— Да, это верно. Но они также понимают, что скрыть факт провала и дезинформации Центра им не удастся: как только Шардон-Ришар встретится с Хосе, обман обнаружится. Утопающий хватается за соломинку. У Кинкелей почти нет выбора. Чтобы реабилитировать себя и заслужить прощение, они могут рассказать. Разумеется, втайне от нас. Совсем исключать такой ситуации нельзя.

— Я думал и над этим. Чтобы решиться на подобное признание, рискуя, повторяю, жизнью единственного своего ребенка, нужно великое мужество, самоотречение, а господин профессор и его супруга не фанатики, готовые на самосожжение. Однако если все же допустить такое, то есть что они проговорятся, то дело может принять самый неблагоприятный для нас оборот. Узнав, что радиоквартира Зигфрида провалена, а его посланец попал под наше наблюдение, московский Центр даст связь на Хосе другому, неизвестному нам агенту. Тогда их контакт засечь не удастся, и, следовательно, личность Хосе мы не установим. Впрочем, очень сомнительно, что у Центра есть такая возможность: зачем понадобилось бы специально присылать из Франции человека, а не поручить то же задание здешнему агенту? Последнее

гораздо проще. Отсюда вывод: по каким-то причинам Центр не хочет или не может подключать к операции других людей. Поэтому, вероятнее всего, Шардон-Ришар все-таки встретится с Хосе, несмотря на то, что мы сели ему на «хвост».

— Предположим. Но он может действовать не сам, а через помощников, которых Центр в такой горячей ситуации, несомненно, ему даст.

— Сам или через помощников Шардон-Ришар все равно должен будет войти в контакт с Хосе. Телефонно или «почтовым ящиком» здесь не обойтись — это не даст нужного результата. Шардону или его помощнику понадобится личная встреча с посредником господина ИКС. А именно это и необходимо нам. Как только они выведут нас на Хосе, половина нашей задачи будет решена.

— Слишком затяжная и опасная игра. Разве возможно предвидеть каждый ход противника?

— Наша работа немислима без риска. А предугадать действия противника можно, если сам действующий не вслепую. Поэтому-то глупо устранять с пути поводыря, который ведет тебя к цели. Шардон-Ришар нам пока необходим.

Таковы были основные соображения резидента, высказанные им в ночной беседе с агентами. В таком же духе, но с добавлением важных подробностей, в которые не были посвящены другие, он изложил свои мысли в докладе Шелленбергу. То, о чем Эссен умолчал в разговоре со своими людьми, поскольку им и не следовало знать всех деталей проводившейся операции, руководителю VI управления СД было известно и раньше. Эссен лишь напомнил бригадефюреру об этих существенных моментах для оценки создавшейся обстановки.

Один из моментов состоял в том, что в Швейцарии, кроме ныне контролируемой радиостанции Зигфрида, действовал еще какой-то нелегальный передатчик. Он выходил в эфир не часто, менял свои позывные, длину волн, поэтому германская служба радиоперехвата долго не могла определить, где он находится и кому принадлежит. А недавно немецкие пеленгаторки засекли его примерное местонахождение — район Женевы. Об этом Эссену было сообщено срочной радиотелеграммой из Берлина.

Второе обстоятельство, упомянутое резидентом в докладе Шелленбергу, касалось использования С-2 — особо законспирированного агента. Он работал самостоятельно и выполнял, очевидно, специальные задания. Эссен никогда не видел агента в лицо, не имел о нем никаких данных. Связь к тайному осведомителю в управлении здешней контрразведки дал сам Вальтер Шелленберг, когда началась операция «Ловушка», но, дав связь, бригадефюрер строго предупредил Эссена, что об этом не должна знать ни одна душа и что вступать в контакт с ценным информатором в интересах операции резидент может только по личному его разрешению в каждом отдельном случае. От С-2 на явочную квартиру в Берне приходил молчаливый невзрачный человек, передавал на словах, что ему было велено, выслушивал просьбу Эссена и тотчас уходил. Но из некоторых шифровок берлинского руководства Эссен понял, какую большую роль сыграл и еще способен сыграть в операции тайный агент Шелленберга.

Если прежде само существование в Швейцарии второй действующей радиостанции русских не мешало проведению операции «Ловушка», то с прибытием связанного московского Центра и ожидаемых из-за этого осложнений находящийся где-то в районе Женевы передатчик мог оказать решающее влияние на ход борьбы обеих сторон за берлинские источники. Новая неконтролируемая связь, которой Шардон-Ришар при нужде непременно воспользуется, обеспечивала противнику не только скрытность переговоров для выработки верных действий, но, главное, представляла возможность переключить на нее с проваленного Зигфрида берлинские источники — до того, как немецкая агентура доберется до корней тайной организации. Стоит лишь Шардону-Ришару пробить тревогу. И тогда полное поражение!

В тонких расчетах Эссена это было самым слабым звеном. Честно делясь с Шелленбергом своими опасениями насчет второго передатчика, резидент в послании к шефу выражал, однако, твердую надежду, что ловушка захлопнется вовремя — личность Хосе, а может быть, и господина ИКС будет установлена раньше, чем русские успеют перестроить связи и принять новые защитные меры. Кроме того, вырисовывалась еще такая заманчивая перспектива: идя при перестройке связи по следу агентов противника, захватить неизвестную еще радиоквартиру. А это означало бы, как минимум, надежную изоляцию берлинских источников от русского Центра. Разве не стоит рискнуть ради такого триумфа?

Агент С-2, о ком резидент упоминал в докладе к Шелленбергу в осторожных выражениях, мог принести в крайних обстоятельствах неоценимую пользу. Именно от него, тайного двойника, служащего в управлении здешней контрразведки, руководство СД впервые узнало о том, что русские получают из Германии важнейшие военные сведения. Конечно,

такое известие вызвало переполох в канцелярии РСХА. Каким образом С-2 напал на след берлинских источников, Эссен не знал.

Однако от этой исходной точки и началась, спешно закулисная операция, получившая позже название «Ловушка». К сожалению, агент Шелленберга не смог указать точно, кто является владельцем скопированных им документов, но кое-кого имел на примете. Видимо, так надлежало понимать строки одной из радиотелеграмм бригадефюрера на имя Эссена, где говорилось, что «наш человек в известном вам учреждении продолжает поиск интересующего нас объекта и вроде бы недалеко от цели». А следовательно, речь могла идти только о Хосе, так как он служит в контрразведке и является посредником в передаче информации от господина ИКС к Зигфриду. Таким образом, поиск шел с двух сторон: агент С-2 копал изнутри, а люди Эссена пытались найти узловую цепочку извне.

Вот этот-то С-2 и должен был надежно подстраховать рискованный план германского резидента, предусматривающий свободу действий для Шардона-Ришара. Даже если произойдет наилучшее и Эссен потеряет след русских во время перестройки их связей, так и не установив личность Хосе, операция не кончится крахом: человек Шелленберга рано или поздно наведет сотрудников резидентуры на Хосе, выяснив, кто скрывается под этим именем.

В иное время гордость и самолюбие Вернера фон Эссена не позволили бы ему уповать на помощь человека, являющегося его соперником в достижении цели, тем более писать о нем своему начальнику как о последней надежде в случае провала операции: это было равнозначно признанию в собственном бессилии. Не говоря уж о профессиональной чести, которой Эссен очень дорожил, он не мог допустить, чтобы его дальнейшая карьера была поставлена под сомнение, а лавры за труды и успех достались кому-то другому. Однако сейчас выбора не было. Резидент желал добиться согласия Шелленберга на проведение своего плана, поэтому аргумент о подстраховке операции агентом С-2 должен был рассеять сомнения шефа, склонив чашу весов в пользу предложений Эссена. Надеясь, что так и будет, он просил в шифрованном письме, чтобы бригадефюрер разрешил более частые контакты через связанного с двойником из управления контрразведки для обмена текущей информацией и дал С-2 соответствующие указания.

Нет, не только тщеславие и личные выгоды двигали резидентом, когда он настойчиво убеждал в правоте своих доводов Хильду и Пауля и когда затем писал срочное донесение Шелленбергу в Берлин. Для Эссена, офицера старой немецкой школы, долг и служба были превыше всего, однако в силу особенностей характера эти священные понятия удивительным образом уживались в душе Вернера с эгоистическими стремлениями. Вероятно, он искренне удивился, если бы кто-то упрекнул его, что он пользуется своим положением и правами в корыстных целях. Эссен просто не понял бы этого. И уж тем более не могли разобраться в истинных побуждениях шефа его агенты.

Обсуждение закончилось, как только резидент, приняв решение, отдал приказ. С Адамом он поговорил лишь минуты две, наказав полностью изолировать дочь Кинкелей от внешнего мира: не возить девочку на прогулки, запирает обязательно на ключ комнату с телефоном и звонить ему, если будет необходимость, в любой час дня и ночи. Паулю же, принимая во внимание его агрессивный темперамент, Эссен напомнил о служебной дисциплине и категорически запретил какие-либо самовольные действия против русского связанного; ни ему, ни Францу с виллы Кинкелей никуда не отлучаться, дабы не выдать своего присутствия в доме. — при осторожности Шардона-Ришара не исключено, что он для профилактики установит наружное наблюдение за радиоквартирой. Вот почему вся работа по дезинформации возлагается с настоящего момента лично на Франца, без контрольного просмотра радиотелеграмм резидентом (про себя Эссен решил, что даст Францу на сей счет отдельные указания, а также о присмотре за Паулем); связь — только по телефону, с максимальным ограничением; на личные контакты, если они понадобятся, в каждом случае будет особое распоряжение: после дежурства агенты докладывают ему обо всем, происшедшем за время данной смены.

Прежде чем переговорить со своей помощницей, Эссен намеревался отпустить Адама и Пауля, чтобы те покинули его дом пораньше и порознь, но, взглянув на часы и на расписание поездов, понял, что Пауль доберется до Лозанны в машине Хильды гораздо быстрее, чем электричкой. Поэтому Адам уехал на своем автомобиле, а Пауль остался.

— Для вас, Сюзи, у меня есть другое поручение. — сказал Эссен, когда дверь за Адамом захлопнулась и на дворе послышался шум заведенного мотора. — Пока я освобождаю вас от дел, которыми вы занимались до сих пор. Появляйтесь сейчас на вилле Кинкелей вам нельзя. Переписку между матерью и дочерью придется временно прекратить. Пауль сооб-

щит фрау Кинкель, а Адам — девочке, что вы заболели, но как только поправитесь, они опять смогут обмениваться письмами. Ближайшая неделя покажет, как будут развиваться события и что нам следует делать. А с сегодняшнего дня вам надлежит установить наблюдение за Шардоном-Ришаром в гостинице, где он проживает.

— Мне?! — Такого Хильда не ожидала.

— Да, прелестная Сюзи, вам вкупе с Нарциссом. Мне некому больше это поручить. Гном, к великому сожалению, отпадает. Он мастер по сыску, справился бы лучше другого, но слишком приметен. Чем позже наш подопечный обнаружит слежку — а он ее, уверяю вас, обязательно как профессионал обнаружит — тем будет легче нам и труднее русскому связанному.

— Значит, по-вашему, у меня это получится хуже, нежели у вашего любимца карлика? — проговорила задетая Хильда. Она еще пребывала в растерянности: с одной стороны, поручаемая роль рядового филера ее оскорбляла, но, с другой стороны, из чисто женского любопытства и тщеславия она желала быть в гуще острых событий, жаждала собственными глазами увидеть, каков он, этот особо доверенный посланец московского Центра, и помериться с ним силами, как агент с агентом. Быть может, такой случай первый и последний в ее жизни?

Словно читая по растерянному лицу Хильды, какие борются в ней чувства, Эссен иронически произнес:

— Как у вас получится, это вы нам покажете. Я надеюсь, что вам удастся провести наблюдение, не привлекая к себе внимания. Вряд ли русский агент вас заподозрит: красивая обеспеченная женщина, ищущая развлечений. Таких в Швейцарии множество. При необходимости я подклячу к вам в помощь Нарцисса, но это в крайнем случае. Боюсь, что Шардон-Ришар засек его, когда он тащился за ним от кафе к отелю. Ни с кем из наших в контакт не вступать! Связь будете держать только со мной по телефону. Полагаю, вы понимаете важность задания и не наделаете глупостей.

Хильда вспыхнула, лицо стало злым, красным.

— Ну, знаете, шеф! Надо знать меру! Можно подумать, что я только и делаю одни глупости, а вы за них расплачиваетесь. Хочу напомнить вам, что у меня есть определенные заслуги в этой операции...

— Ваши заслуги! — тоненьким голосом закричал Эссен: напряженная бессонная ночь и самонравие этой грудастой бабенки вывели его из равновесия. — Вам ли говорить о заслугах! Да вы едва не провалили всю операцию! Я могу напомнить тот счастливый день, когда вы подарили вермахту несущие тридцать тысяч танков, рассчитывая, что такая невежественная дезинформация будет принята разведывательным Центром русских за чистую монету. Не этому ли «ловкому» трюку с танками мы обязаны появлению в Лозанне русского ревизора?! Я уж не говорю о том случае, когда ваше неумение владеть собой оттолкнуло от вас и озлобило ребенка Кинкелей. Или это тоже нужно причислить к вашим заслугам?!

Бледная Хильда сидела неподвижно, уставившись на разгневанного шефа сокрушенными глазами, только пальцы в красном маникюре быстро-быстро мяли нитку жемчуга на шее. Сейчас она его ненавидела и не стремилась скрыть этого.

Поостыв и помолчав, недовольный собой за внезапный срыв, Эссен сухо сказал:

— Возлагающиеся на вас задание состоит в следующем. С сегодняшнего дня вы поселитесь в отеле «Централь-Бельвю» под видом богатой скужающей дамы, которая после неудачного брака — это вы сумеете изобразить натурально. — желая заполнить душевную пустоту, ищет новых знакомств и развлечений. Вы должны быть поэтому максимально общительны. И с женщинами, проживающими в гостинице, и с мужчинами. Возможно, вам удастся познакомиться с господином Шардоном. Это позволило бы вам наблюдать за ним открыто, а не украдкой, что он быстро заметит. Так или иначе, в отеле он будет у вас на виду. Главное, что вам надлежит выяснить, — нет ли у мсье Шардона сообщников. Я не думаю, что, выполняя такое задание, он действует в одиночку. У него должны быть помощники. Запомните всех, с кем он соприкасается в отеле, не исключая прислуги, присмотритесь к этим людям, прислушайтесь к разговорам. За пределами гостиницы наблюдение возмут на себя другие наши люди. Они выследят места явок и связанных, если таковые имеются. О ваших наблюдениях будете докладывать мне по телефону ежедневно в двадцать два часа, не считая экстренных сообщений, которые вы обязаны доводить до моего сведения немедленно, отыскав меня, где бы я ни находился. На сегодня это все. У вас есть ко мне вопросы? Отлично... Желаю успеха, и поезжайте! А мне еще предстоит срочная работа.

Хозяин дома примиряюще улыбнулся, но обиженная гостья словно бы не заметила. Холодно протеревшись, она быстро накинула на себя плащ и вышла в сопровождении Пауля. Когда автомобиль с ними выехал за ограду, Эссен запер ворота, вернувшись в дом, сварил кофе и сел за доклад для Шелленберга.

ПРИЧУДЫ ЛЮБВИ

Ирвин ШОУ

РАССКАЗЫ

Я уйду в монастырь,—говорила Кэтрин, крепко прижимая к себе учебники. Они шли по улице к дому Хэролда.—Я уйду из мира.
Хэролд недоверчиво посмотрел сквозь очки.
— Ты не сможешь этого сделать,—сказал он.—Тебе не позволят.

— Нет уж, позволят.

Кэтрин шла, напряженно глядя прямо перед собой, и ей хотелось, чтобы дом Хэролда был на десяток кварталов дальше.

— Я католичка и могу уйти в монастырь.

— В этом нет необходимости,—сказал Хэролд.

— Ты считаешь меня красивой?—спросила Кэтрин.— Не подумай, что я напрашиваюсь на комплимент. Меня это интересует по личным мотивам.

— Я считаю, что ты красивая,—сказал Хэролд.— Возможно, ты самая красивая девушка в школе.

— Все так говорят,—сказала Кэтрин. Ее задело слово «возможно», но она решила не подавать виду.— Конечно, сама я так не считаю, но все это говорят. Кажется, только ты так не считаешь.

— Что ты,—сказал Хэролд,— вовсе нет.

— Судя по тому, как ты ведешь себя,—сказала Кэтрин.

— Иногда бывает трудно делать правильные выводы,—сказал Хэролд,—исходя из того, как человек ведет себя.

— Я люблю тебя,—холодно сказала Кэтрин.

Хэролд снял очки и начал нервно протирать их платком.

— А как же Чарли Линч?—спросил он, взяв очки и не глядя на Кэтрин.— Все знают, что ты и Чарли Линч...

— Неужели я тебе даже не нравлюсь?—ледяным голосом спросила Кэтрин.

— Конечно, ты мне очень нравишься. Но Чарли Линч...

— У меня с ним все кончено,—отрезала Кэтрин.— Он мне надоел.

— Он очень неплохой парень,—сказал Хэролд, надев наконец очки.— Он капитан бейсбольной команды, президент классного комитета...

— Он меня больше не интересует,—сказала Кэтрин.

Некоторое время они шли молча. Приближаясь к дому, Хэролд чуть ускорил шаги.

— У меня есть на сегодня два билета в кино,—сказала Кэтрин.

— Спасибо,—сказал Хэролд.— Мне надо заниматься.

— Элинор Гринберг устраивает вечеринку в субботу.

Приблизившись к дому, Кэтрин чуть замедлила шаг.

— Я могу привести кого хочю. Ты не пойдешь?

— Мы уезжаем,—сказал Хэролд.— В субботу мы едем к бабушке. Она живет в Дойлстауне, в Пенсильвании. У нее семь коров. Я езжу туда летом. Я умею доить коров, и они...

— А вечером в четверг?—быстро проговорила Кэтрин.— По четвергам родители ходят играть в бридж и возвращаются не раньше часа. Я остаюсь с младшей сестренкой, но она совсем маленькая и спит в своей комнате,—сказала она тоном, не допускающим отказа.— Ты не хочешь составить мне компанию?

Хэролд смущенно промолчал. Он почувствовал, как

краска разлилась по лицу, заползла под очки. Он громко закашлял, чтобы Кэтрин могла отнести его рюмянец за счет кашля.

— Похлопать тебя по спине?—участливо предложила Кэтрин.

— Не надо,—уже чистым голосом сказал Хэролд. Кашель прекратился.

— Ты не хочешь прийти в четверг вечером?

— Мне бы очень хотелось,—сказал Хэролд,— только мама не пускает меня из дома по вечерам. Она говорит, что когда мне будет пятнадцать...

Кэтрин нахмурилась.

— Я в среду видела тебя в библиотеке в восемь вечера.

— Библиотека—это другое дело,—неуверенно возразил Хэролд.— Для библиотеки мама делает исключение.

— Ты можешь сказать ей, что идешь в библиотеку,—сказала Кэтрин.— Почему тебе так не сказать? Хэролд тяжело вздохнул.

— Каждый раз, когда я пытаюсь соврать маме, она об этом догадывается,—сказал он.— И вообще нехорошо обманывать маму.

Кэтрин с удивлением посмотрела на него.

— Не смейся меня,—сказала она.

Они подошли к подъезду дома, где жил Хэролд, и остановились.

— Днем,—сказала Кэтрин,—я часто одна дома. Ты пойдешь из школы мимо моего дома, посвистишь под моим окном—оно выходит на улицу,—а я открою окно и отвечу тебе.

— Я страшно занят,—сказал Хэролд. Заметив наблюдавшего за ними привратника Джонсона, он смутился.— Каждый день у меня тренировка по бейсболу, час в день уходит на скрипку, и по истории я отстал, в этом месяце мне надо прочитать еще столько глав...

— Я буду провожать тебя до дома каждый день,—сказала Кэтрин.— После школы. Ты же должен идти домой после школы, а?

Хэролд вздохнул.

— Почти каждый день мы репетируем в школьном оркестре.

Увидев на лице Джонсона многозначительную ухмылку привратника, мимо которого все входят в дом и выходят из дома и который имеет свое мнение обо всех, кто входит и выходит, Хэролд смутился еще больше.

Рисунки
Виталия
ФЕДОРОВА

— Я буду ждать тебя,—сказала Кэтрин, горестно глядя ему в глаза.— Я буду сидеть у входа и дожидаться тебя.

— Иногда,—сказал Хэролд,—мы задерживаемся до пяти часов.

— Я буду ждать тебя.

Хэролд с тоской посмотрел на тяжелую позолоченную стальную дверь, поблескивавшую холодным стеклом.

— Говоря по правде,—сказал он,—я не очень люблю девчонок. У меня много других интересов.

— Ты же ходишь домой после школы с Элен,—сказала Кэтрин.— Я вас видела.

— Ну и отлично,—взорвался Хэролд, мечтая лишь об одном—ударить по этому розовому нежному лицу, по широко раскрытым холодным глазам с застывшими в них упреком, по этим розовым дрожащим губам.— Ну и отлично,—закричал он,—я хожу домой с Элен! Тебе-то какое дело? Мне нравится ходить домой с Элен. Отвяжись от меня! У тебя есть Чарли Линч, он герой, гордость бейсбольной команды, а я даже мяча толком отбить не могу. Оставь меня в покое!

— Он мне не нужен!—закричала Кэтрин.— Чарли Линч меня не интересует! Я ненавижу тебя! Я уйду в монастырь!

— Хорошо!—сказал Хэролд.— Превосходно!

Он открыл дверь дома. Застывший на месте всеведущий Джонсон неприветливо посматривал на них.

— Хэролд,—нежно сказала Кэтрин, касаясь его руки,—Хэролд, если ты случайно будешь проходить мимо моего дома, посвисти «Сент-Луи». Тогда я буду знать, что это ты. «Сент-Луи», Хэролд...

Он отбросил ее руку и вошел в дом. Она смотрела, как он идет, не оборачиваясь, как открывает дверь лифта, входит, нажимает кнопку. Дверь закрылась за ним окончательно и бесповоротно. К глазам подступили слезы, но ей удалось справиться с ними. Она с тоской посмотрела на его окно на четвертом этаже.

Она повернулась и медленно пошла вниз по улице к своему дому, опустив глаза и не видя ничего перед собой. Из-за угла вылетел какой-то парень, и они столкнулись.

— Ой, прости,—сказал парень.

Она подняла голову.

— Что тебе надо, Чарли?—неприветливо спросила она.

Чарли Линч заставил себя улыбнуться.

— Удивительно, как это я налетел на тебя, правда? Совершенно случайно налетел на тебя. Я совсем не смотрел, куда иду, думал о другом и...

— Да,—сказала Кэтрин, быстро направляясь к дому.— Да.

— Ты не хочешь узнать, о чем я думал?—вкрадчиво спросил Чарли, пристраиваясь рядом.

— Извини меня,—сказала Кэтрин.

Ее глаза, в которых больше не было слез, смотрели вверх, в вечернее небо.

— Я спешу.

— Я думал об одном вечере, который был два месяца назад,—быстро проговорил Чарли.— Та вече-

ринка у Норы О'Брайен. Тогда я провожал тебя домой и поцеловал в шею. Ты помнишь?

— Нет,— сказала она.

Кэтрин пересекла улицу и пошла вдоль ряда одинаковых двухэтажных домиков. Дети возились в песочницах, катались на роликовых коньках, выскакивали из-за углов и с воплями «та-та-та-та» целились друг в друга из пистолетов и пулеметов.

— Прости, но мне нужно сидеть дома с младшей сестрой — маме пора уходить по делам.

— С Хэролдом ты не спешила,— сказал Чарли, в его взгляде бушевала ярость.

Он еле поспевал за ней.

— С ним ты шла медленно.

Кэтрин посмотрела на Чарли Линча уничтожающим взглядом.

— Не понимаю, тебе-то что до этого,— сказала она.— Это мое личное дело.

— В прошлом месяце ты ходила из школы со мной.

— Так это же было в прошлом месяце,— сказала Кэтрин.

— Что же я такого сделал?

Тень страдания легла на лицо Чарли Линча — прямо на веснушки, на нос со следом от удара бейсбольной битой.

— Скажи, пожалуйста, что я сделал не так, Кэти?

— Ничего,— сказала Кэтрин.

В ее голосе звучала скука.

— Абсолютно ничего.

Чарли обошел трех мальчишек, которые не на шутку сражались деревянными мечами, с грохотом ударяя ими по щитам — крышкам от мусорных ящиков.

— Должно быть, я что-то не так сделал,— горестно сказал он.

— Ничего! — отрезала Кэтрин.

— Руки вверх, Незнакомец! — сказал семилетний мальчуган, оказавшийся прямо под ногами у Чарли.

В руках у мальчугана был пистолет, и он направил его на другого мальчишку, который также держал пистолет.

— Этот город тесен для нас двоих, Незнакомец,— сказал первый мальчуган.

Чарли обошел его, не спуская глаз с Кэтрин.

— Я даю тебе двадцать четыре часа, чтобы ты убрался из нашего города.

— Это мы еще посмотрим, кому придется убираться,— сказал второй мальчишка с пистолетом.

— Хочешь пойти в кино? — предложил Чарли, благополучно миновав обитателей Дикого Запада.— Сегодня идет очень смешной фильм с Кэри Грантом.

— Мне очень хочется пойти,— сказала Кэтрин,— но я сильно отстала по внеклассному чтению и буду сегодня вечером подгонять.

Чарли молча шел мимо сражающихся, борющихся, стреляющих мальчишек. Кэтрин шла чуть впереди, пышная и цветущая, с высоко поднятой головой. Чарли смотрел на ее шею, на то самое место, куда он поцеловал ее в первый раз, и чувствовал, как душа его отлетает от тела.

Внезапно он как-то напряженно засмеялся. Кэтрин даже не обернулась.

— Я вот что думаю насчет этого типа,— сказал Чарли.— Насчет этого Хэролда. Тоже мне имя — Хэролд! Когда он пришел в бейсбольную команду, тренер выгнал его после первой же тренировки. Тренер подал ему три мяча, а он все три пропустил между ног. Четвертый мяч отскочил от земли и попал ему в лицо. Ты бы посмотрела на него.— Чарли громко рассмеялся.— Мы чуть со смеху не померли. Прямо по носу досталось. Знаешь, как ребята его зовут? «Четырехглазый». Он же со своего места даже первой базы не видит. «Четырехглазый». Смешно, правда? — жалким тоном спросил Чарли.

— А он о тебе хорошо говорит.

Кэтрин вошла в подъезд.

— Он говорит, что ты ему нравишься. Он считает тебя отличным парнем.

С лица Чарли сползли последние остатки натянутой улыбки.

— Другие девчонки терпеть его не могут,— решительно сказал он.— Они над ним смеются.

Кэтрин улыбнулась, вспомнив детские девчоночьи разговоры в раздевалке и на переменах.

— Ты думаешь, я лгу! — сказал Чарли.— Спроси сама.

Кэтрин только плечами пожала и взялась рукой за дверь. В темноте парадного Чарли приблизился к ней вплотную.

— Пойдем в кино со мной,— прошептал он.— Пожалуйста, Кэти, пойдем...

— Говорят тебе, я занята,— сказала она.

Он просительно протянул руку, взял ее за плечи.

— Кэти,— упрасивал он.

Она резко отвернулась, открыла дверь.

— У меня нет времени,— громко сказала она.

— Пожалуйста, пойдем,— прошептал он.

Кэтрин мотнула головой.

Чарли протянул к ней руки, устремился вперед, обнял, попытался поцеловать.

Она быстро увернулась и больно пнула его ногой по голени.

— Пожалуйста,— просительно пробормотал Чарли.

— Убирайся вон отсюда!

Кэтрин толкнула его в грудь.

Чарли отступил.

— Раньше ты позволяла мне целовать тебя,— сказал он.— Почему сейчас не разрешаешь?

— Мне это надоело.— Кэтрин резким, решительным движением одернула платье.

— Я расскажу твоей матери,— в отчаянии закричал Чарли.— Ты встречаешься с методистом!

Глаза Кэтрин в бешенстве округлились, щеки вспыхнули, губы сжались.

— А теперь вон отсюда! — сказала она.— Между нами все кончено! Я не желаю с тобой разговаривать! Не смей больше за мной ходить!

— Где хоч, там и буду ходить, черт побери! — закричал Чарли.

— Как ты смеешь при мне ругаться! — сказала Кэтрин.

— За кем хоч, за тем и буду ходить, черт побери! — еще громче закричал Чарли.— У нас свободная страна!

— В жизни с тобой не буду больше разговаривать.— Для убедительности Кэтрин топнула ногой, да так, что крышки почтовых ящиков задрезжал.

— Ты мне надоел! Мне с тобой скучно. Ты глуп. Ты мне противен. Ты просто здоровенный болван. Иди отсюда!

— Я ему шею сверну! — закричал Чарли, не видя ничего перед собой и размахивая в бешенстве кулаками перед лицом Кэтрин.— Я ему покажу! Тоже — скрипач нашелся! Когда я с ним разберусь, ты не захочешь нигде с ним появляться. Ты с ним целовалась?

— Да! — зазвенел ликующе голос Кэтрин.— Я его каждый раз целую. И он действительно умеет целоваться! Уж он не обманывает всю, как ты!

— Пожалуйста,— опять заскулил Чарли,— пожалуйста...

Протянув руки, он снова шагнул к Кэтрин. Размахнувшись, она обрушила на его лицо всю тяжесть своего упругого, крепкого тела, повернулась, взлетела по лестнице вверх.

— Я убью его! — взревел Чарли.— Я убью этого скрипача голыми руками.

В ответ только хлопнула дверь.

— Будьте добры, передайте мистеру Хэролду Перселлу,— вежливо говорил Чарли привратнику Джонсону,— что один его друг дожидается его внизу. Я хотел бы его видеть, если это ему будет угодно.

Джонсон вошел в лифт. С мрачным удовлетворением Чарли обвел взглядом лица своих восьмерых приятелей, которые пришли, чтобы проследить за соблюдением всех правил.

Хэролд вышел из лифта, подошел к группе парней, стоявших в парадном, с любопытством разглядывая их. Он остановился перед ними — опрятный, чистенький, с очками на носу.

Хэролд обвел взглядом круг безжалостных лиц. Поняв, что к чему, он вздохнул.

— Хорошо,— сказал он и придержал дверь, пока все не вышли из парадного.

До пустыря шли молча. Лишь секунданты Чарли нарушали тишину своим топотом.

— Сними очки,— сказал Чарли, когда они вышли на центр пустыря. Хэролд снял очки, поискал место, куда бы их положить.

— Я подержу,— вежливо сказал Сэм Розенберг, правая рука Чарли.

— Благодарю,— сказал Хэролд, протягивая очки. Он повернулся лицом к Чарли, собрался.

— Я готов,— сказал он.

Перед Чарли стоял его враг — близорукий, бледный, с тонкими руками, легче его фунтов на двадцать. У Чарли закипела кровь. Он изогнулся, шагнул вперед и ударил Хэролда правой точно в глаз.

Все закончилось довольно быстро, хотя и не так быстро, как рассчитывал Чарли. Хэролд отбился, как мог, от беспощадных кулаков Чарли, самых крепких и быстрых во всей школе. Чарли дрался тупо, не стремясь обмануть противника или заблокировать его слабые удары. Всем своим существом Чарли ощущал, как его кулаки сокрушают плоть врага. Он обезумел, видя перед собой шатавшегося Хэролда.

Чарли казалось, будто все клеточки его тела, даже костяшки пальцев и сухожилия в кулаках наслаждаются этим беспощадным избиением.

Восемь приятелей Чарли бесстрастно, молча, с профессиональным интересом наблюдали, как Хэролд наконец-то опустился на землю; он не потерял сознание, но так обессилел, что и пальцем не мог пошевелить. Распластанный, он лежал на земле, уткнувшись лицом в пыль и острые камни пустыря.

Тяжело дыша, Чарли стоял над поверженным врагом и испытывал приятное жжение в кулаках, поработавших на славу. Его ненавистный тщедушный враг беспомощно лежал на земле вниз лицом. Чарли жалел, что все уже кончилось. Он стоял молча, пока Хэролд не зашевелился.

— Ну что,— сказал Хэролд, не поднимая головы.— Этого достаточно?

Он приподнял голову, медленно сел и, опираясь на дрожащую руку, встал на ноги. Его пошатывало от усталости, руки бессильно свисали.

— Дайте, пожалуйста, очки,— попросил он.

Правая рука Чарли, Сэм Розенберг, молча протянул ему очки. Дрожащими пальцами Хэролд нацепил их — неправдоподобно целые очки на разбитом лице.

Чарли неотрывно смотрел на него. Внезапно Чарли понял, что он плачет — он, Чарли, вышедший победителем из полусотни отчаянных драк, он, который не пролил ни единой слезинки с тех самых пор, как его выпорол последний раз в возрасте четырех лет.

Только теперь он осознал, что плакал все это время, с первого удара правой в глаз до последнего, повергнувшего его врага в грязь. Чарли смотрел на Хэролда. Глаз у Хэролда не открывался, нос распух, волосы были в грязи, рот казался сплошной раной, но он сам, его дух, то, что скрывалось за этим лицом, — это оставалось непоколебимым. Хэролд не заплакал, пронзило внешне Чарли, он никогда не заплачет. Он, Чарли Линч, просто не в состоянии заставить его заплакать.

Хэролд вздохнул и пошел прочь.

Чарли смотрел на него — худенького, совсем не героя, истерзанного, грязного, еле волочащего ноги. Слезы заволокли глаза Чарли, и Хэролд скрылся в их мутной пелене.

Перевел с английского
Андрей ГЕРАСИМОВ.

главный свидетель

Пестер Барнум, невысокий, добропорядочный на вид семьянин, устало спустился по ступенькам, перешел улицу и, не оглядываясь, повернул за угол. Шел он медленно, как будто дремал на ходу, втянув голову в воротник серого пальто и озабоченно морща лоб над решением какой-то внутренней проблемы.

«Год в тюрьме». Он оглянулся, желая еще раз взглянуть на эту серую громадину, но, сам того не замечая, уже повернул за угол, так что тюрьма скрылась из виду. Теперь он был на свободе и бесцельно брел по шумным и пустым улицам, поглядывая без особого интереса на прохожих.

Ему вспомнились заключенные. В кино обитатели тюремных камер были неизменно добрыми, сердечными, безобидными существами, но за год, проведенный за решеткой, он так и не встретил ни одного такого человека. Там были только грубые, доведен-

ные до отчаяния люди, которые подкладывали гвозди ему в постель, подсыпали перец в кофе, а иногда, в моменты крайнего раздражения, били швабрами и помойными ведрами.

Полицейские, районный прокурор, заключенные — все были уверены, что он знал какую-то тайну, очень важную.

Барнум вздохнул. Дойдя до угла, он в нерешительности остановился. Куда повернуть? Он стал бездомным. Впервые за сорок три года ему некуда было пойти, его никто не ждал.

Жена уехала в Сент-Луис с каким-то автомехаником и забрала с собой двух дочерей.

«Я хочу сказать тебе,— говорила она решительно в комнате свиданий три месяца спустя после того, как он оказался в тюрьме,— что все это продолжается уже давно, но сейчас ему необходимо перебраться в Сент-Луис, и мне кажется, что тебе уже пора узнать правду».

И она сердито поправила свою модную шляпку, как будто Барнум только что обидел ее. Потом он узнал, что типография, в которой он проработал семнадцать лет, вошла в состав крупной корпорации, и на его месте теперь работает другой человек.

Барнум бессознательно начал насвистывать, вспоминая те годы, когда он жил обычной жизнью: каждый вечер приносил детям комиксы, дремал после ужина, слушал бесконечные жалобы жены. Простая, незаметная жизнь. В той жизни ему никогда не приходилось разговаривать с такими важными лицами, как районный прокурор и детективы, никогда ему в кофе не сыпали перец всякие проходимцы.

Все началось с того, что он вместо Бродвея свернул на авеню Колумба. Год назад он не спеша возвращался с работы домой, с беспокойством вспоминая, как хозяин типографии весь день ходил взад и вперед у него за спиной и бормотал: «Я этого не потерплю! Всею есть предел. Я этого не потерплю!»

Барнум не знал, о чем говорил хозяин, но у него родилось смутное беспокойство. Он возвращался домой, зная, что на ужин будет рыба, и что ему придется сегодня присматривать за детьми, потому что жена собралась в какой-то женский клуб на занятия по вязанию.

Барнум предчувствовал, что вечер будет не из приятных — скучный и бесцельный, как и множество точно таких же вечеров.

Вот тут-то все и произошло. Высокий черноволосый мужчина обогнал Барнума, он шел быстрым шагом, засунув руки в карманы. Неожиданно из дверей дома выскочил человек в серой шляпе и пальто, догнал темноволосого и похлопал его по плечу.

— Попался, сукин сын! — громко крикнул человек в серой шляпе, а темноволосый бросился бежать.

Человек в серой шляпе выхватил пистолет и крикнул:

— На этот раз ты не уйдешь, Испанец!

И выстрелил четыре раза.

Темноволосый тихо опустился на тротуар, а человек в сером пальто сказал:

— Ну как? — и холодными глазами посмотрел на Барнума, который стоял, разинув рот.

— А-а-а! — громко воскликнул человек в сером пальто, скривив в усмешке рот, и исчез.

Барнум так и стоял, открыв рот и глядя на высокого темноволосого человека, лежащего неподвижно на тротуаре, теперь он не казался таким высоким, из него текла кровь. Потом он двинулся, как во сне к мертвецу, глаза которого смотрели прямо на него.

— Эй, мистер! Что случилось?

Рядом с Барнумом стоял мужчина в фартуке мясника и испуганно смотрел вниз.

— Я видел, — медленно проговорил Барнум. — Этот человек обогнал меня, а другой, в серой шляпе, выскочил из дверей и сказал:

«Попался, сукин сын. На этот раз ты не уйдешь, Испанец!» — и выстрелил — бах! бах! бах! бах! А потом сказал: «Ну как?» — и посмотрел на меня, и сказал: «А-а-а!» — и скрылся, а этот джентльмен умер.

— Что случилось? — Полная дама бежала с противоположной стороны улицы из магазина дамских шляп и кричала на ходу.

— Человека убили, — сказал мясник. — Он видел. — И показал на Барнума.

— Как это произошло? — учтиво спросил продавец из шляпного магазина. К этому времени подбежали еще трое мужчин и четверо мальчишек. Все смотрели на труп.

— Я шел, — сказал Барнум, почувствовав собственную значимость, когда все притихли, — а этот человек обогнал меня, а тут другой, в серой шляпе, выскочил из дверей и сказал: «Попался, сукин сын!» — а этот бросился бежать, а тот, в пальто, выхватил пистолет и крикнул: «На этот раз ты не уйдешь, Испанец!» — и выстрелил — бах! бах! бах! бах! — Барнум громко выкрикнул четыре раза «бах» и резко направил палец на труп. — И он сказал: «Ну как?» — и посмотрел на меня, и сказал: «А-а-а!» — Барнум скривил рот, изображая усмешку убийцы. — И скрылся, а этот человек умер.

Теперь вокруг Барнума и трупа собралось с полсотни зевак.

— Что случилось? — спросил последний из подошедших.

— Я шел, — начал Барнум, чувствуя себя в центре внимания, — а этот человек обогнал меня...

— Послушайте, — невысокий, грубоватый мужчина дергал его за локоть, — почему вы не идете домой? Вы ничего не видели.

— Я видел, — горячо сказал Барнум. — Я видел его своими собственными глазами. Человек в серой шляпе выскочил из дверей...

— И что потом? — потребовал голос из толпы.

— «На этот раз ты не уйдешь, Испанец!» — крикнул Барнум. — И он выстрелил — бах! бах! бах! бах!

Барнум выставил руку, как будто стрелял из пистолета.

— И он сказал: «Ну как?» — и посмотрел на меня и сказал: «А-а-а!» — Барнум скривился в усмешку, все смотрели на него. — И он скрылся, а этот джентльмен умер.

— Я по-дружески советую вам, — серьезно сказал тот же невысокий мужчина, — идти домой. Вы ничего не видели...

В этот момент Барнуму показалось, что около него собралось не меньше тысячи человек, и все смотрели только на него. Его даже дома никогда не слушали и минуты, не перебивая, да и слушателей у него не собиралось больше трех человек, включая жену и двух дочерей.

— Я шел, — снова начал Барнум громким, звенящим голосом, — а этот человек...

— Мистер, — невысокий человек отчаянно качал головой, — зачем вы это делаете? Что вам от этого? Только неприятности!

— Этот человек, — продолжал Барнум, не обращая внимания на мужчину, — обогнал меня, а какой-то человек в серой шляпе выскочил из дверей...

Барнум снова изобразил, как выскочил человек:

— «Попался, сукин сын!» — прокричал человек, а этот бросился бежать, тогда тот, в серой шляпе, выхватил пистолет...

Барнум выхватил воображаемый пистолет и направил его на труп.

— И он крикнул: «На этот раз ты не уйдешь, Испанец!» — и выстрелил — бах! бах! бах! бах! А потом сказал: «Ну как?» — и посмотрел на меня, и сказал «А-а-а!», и скрылся, а этот джентльмен умер.

Барнум весь взмок от прыжков и непривычного напряжения, ему приходилось кричать, чтобы слышали все, глаза его лихорадочно бегали.

— И все было кончено, — сказал Барнум. — Я и моргнуть не успел, как этот джентльмен уже лежал на тротуаре и смотрел на меня мертвыми глазами.

— Вот это да! — восхищенно воскликнул один из тех четырех мальчишек, что прибежали первыми.

— Не знаю, кто вы, — проговорил невысокий мужчина, — но вы глупец. Запомните, я вас предупредил. Прощайте, — и он стал протискиваться сквозь толпу.

Крупный мужчина с красным лицом похлопал Барнума по руке, на его губах была довольная улыбка.

— Вы, правда, все видели? — спросил он.

— Он еще спрашивает! — Барнум махнул рукой. — Пули свистели у моего носа.

— Ну-ка расскажите, — попросил краснолицый.

— Я шел, — опять начал Барнум в то время, как краснолицый слушал его с интересом. — А этот шел впереди...

— Громче! — крикнул кто-то из толпы.

— Я ШЕЛ, — закричал Барнум. — А ЭТОТ ЧЕЛОВЕК ОБОГНАЛ МЕНЯ, А ДРУГОЙ, В СЕРОЙ ШЛЯПЕ, ВЫСКОЧИЛ...

И Барнум рассказал все сначала, иллюстрируя свои слова прыжками и жестами, а краснолицый продолжал слушать его с уважением.

— Вы близко видели убийцу?

— Как вас. — Барнум придвинул свое лицо вплотную к краснолицему.

— А вы бы узнали его, если бы встретили?

— Как свою собственную жену...

— Отлично, — сказал краснолицый. Он взял Барнума за локти и начал выбирать из толпы. В этот момент к углу подъехали, завывая сиренами, полицейские машины.

— Вы пойдете со мной в полицейский участок. Когда мы поймем убийцу, вы его опознаете. Вы главный свидетель. Это удача, что я вас нашел.

...Барнум вздохнул, вспомнив обо всем.

Целый год убийцу не могли поймать, а он сидел в тюрьме и потерял жену, дочерей и работу. Его били швабрами и помойными ведрами всякие проходимцы. Раз в три дня его приводили посмотреть на очередную группу преступников, и каждый раз он отрицательно качал головой, потому что человека в серой шляпе среди них не было, и районный прокурор говорил насмешливо:

— Ну и свидетель мне достался. Уведите его обратно, черт побери!

И его снова уводили в камеру.

— Мы тебя охраняем, — говорили ему детективы, когда он просил, чтобы его освободили. — Если мы тебя выпустим, тебе сразу же вышибут мозги. Ведь убили Сэмми Испанца, а он был важной фигурой. Ты слишком много знаешь. Не волнуйся, ты же ешь три раза в день. Чего тебе еще надо?

— Я ведь ничего не знаю, — устало говорил Барнум, когда его запирали в камере. Но никто не обращал на это внимания.

К счастью, районный прокурор получил новую должность в страховой компании и прекратил поиски убийцы, а то Барнуму, он был в этом уверен, пришлось бы сидеть в тюрьме до самой смерти.

Лишенный дома, семьи, работы, отсидев год за решеткой, он бесцельно брел по улице. На углу он остановился. Куда пойти?

Из-за угла на большой скорости выскочил автомобиль. Он так круто повернул, что задел машину, стоявшую у обочины. Послышался скрежет металла и протяжный скрип тормозов. Из стоявшей машины выскочил шофер и заорал, размахивая руками: «Ты что, ослеп? Ни черта не видишь, куда прешь? Где твои права? Тебе придется заплатить за бампер...»

Тут он повернулся и заметил Барнума.

— Вы видели? — спросил он.

Барнум торопливо, испуганно взглянул на него, на помятый бампер, на пустынную улицу.

— Нет-нет. Я ничего не видел!

Он повернулся и быстро зашагал прочь.

Перевел с английского
Александр ПАХОТИН.

«МЫ МЕЧТОЮ О МИРЕ ЖИВЕМ»

С 27 июля по 3 августа нынешнего года в Москве будет проходить XII Всемирный фестиваль молодежи и студентов. Его девиз «За антиимпериалистическую солидарность, мир и дружбу!». Этому знаменательному событию в жизни молодежи «Смена» посвящает очередной конкурс эрудитов.

Участникам конкурса предстоит ответить на пятнадцать вопросов из истории фестивального движения. Среди вопросов, как всегда, есть и простые, и трудные, но все они взяты из источников, доступных каждому.

Отвечать на вопросы надо в том же порядке, как они заданы. Ответ должен быть точным и лаконичным. Интересные дополнительные сведения надо приводить в конце работы в виде комментариев к ответам. При подведении итогов конкурса жюри будет обращать внимание на то, насколько полны и интересны комментарии. Писать желательно четким, понятным почерком, на одной стороне листа.

Этот тур конкурса эрудитов, как и предыдущий, «Смена» проводит совместно с Бюро международного молодежного туризма «Спутник» ЦК ВЛКСМ.

Какие призы ожидают участников тура? Пять наших читателей, лучше других справившихся с домашним заданием, будут награждены бесплатной путевкой для поездки на Московский фестиваль. Еще пятнадцать участников станут обладателями сувениров. Кроме того, всем победителям будут высланы почетные дипломы «Смены» и БММТ «Спутник» ЦК ВЛКСМ. Дополнительно редакция наградит почетными дипломами пятнадцать участников конкурса, чьи работы жюри признает достойными того.

Участником конкурса может стать каждый наш читатель. И каждый, кому не изменит настойчивость в поисках ответов на вопросы, может стать победителем конкурса. Успехов вам, дорогие друзья!

А ТЕПЕРЬ ВОПРОСЫ:

1. Во многих странах на каждое место участника VI Московского фестиваля поступали десятки заявок. Рекордным было их число в Аргентине и Индии. По сколько заявок на каждое место здесь поступило?
2. На фестивале 1949 года особый успех на кинопросмотрах пришелся на долю советского фильма. Какого именно?
3. В творчестве каких двух художников-карикуристов, лауреатов международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами» нашла широкое отражение фестивальная тематика?
4. Назовите имена пяти известных вам советских участников I Всемирного фестиваля молодежи и студентов, расскажите о них.
5. Среди тех, кто на фестивале 1953 года представлял Францию, был человек, носивший три советских боевых ордена. Назовите его имя.
6. Участник III Всемирного фестиваля из далекой страны собрал перед поездкой на праздник молодежи 14 500 подписей под обращением о подписании Пакта Мира. Из какой страны приехал на фестиваль этот борец за мир?
7. Ее первыми в жизни международными соревнованиями оказались спортивные игры на фестивале молодежи в Бухаресте в 1953 году, которые закончились для нее очень удачно. Затем были победы в спортивных играх и на двух последующих фестивалях. Назовите эту советскую спортсменку.
8. На каком фестивале впервые был представлен спорт? По скольким видам шли соревнования? Спортсмены из скольких стран в них участвовали?
9. Студент МГУ, самый молодой тогда покоритель Антарктиды, преподнес молодым представителям одной из стран альбом фотографий самого южного континента. Это было на одной из встреч во время VI фестиваля в Москве. Кому именно?
10. Первоцелинник привез мешочек пшеницы из первого целинного урожая и раздал его делегатам фестиваля. Назовите имя первоцелинника и фестиваль, участником которого он был.
11. Чему был посвящен шестой день фестиваля в Хельсинки? Чем этот день начался?
12. Когда впервые «выросла» традиционная фестивальная «ромашка»?
13. *«Вам—всемирной молодежи,
Белой, желтой, чернокожей,
Чуть постарше, помоложе,
Чьи наречья так не схожи,
Но кому всего дороже
Счастья мирного расцвет,—
Добрый дружеский привет!»*

К участникам какого фестиваля и какой поэт обратился с этими строками?

14. На встрече-манифестации за мир и дружбу на Московском фестивале японка, пострадавшая от атомной бомбы, заявила: «Это не должно повториться!» Назовите имя этой девушки.
15. Делегат какой страны и кто именно уехал с VI фестиваля в Москве на родину в прямом смысле слова прозревшим?

Последний срок отправки писем с ответами на вопросы этого задания — 30 марта. На конверте пометьте: «Фестивальный конкурс».

Конкурс юмористических рисунков

Дорогие друзья!
К известному утверждению о том, что юмор — дело серьезное, добавим и наше собственное наблюдение: увлечение это массовое. Во всяком случае, более тысячи читателей стали соискателями наград конкурса «Юмор-84», прислали в редакцию образцы своего творчества — рисунки, карикатуры, а то и целые собрания изосочинений. Победители названы, награды своих победителей нашли («Смена» № 24, 1984 год).
Приглашаем вас, дорогие читатели, испытать удачу теперь уже в конкурсе «Юмор-85». А условия?
Участвовать может любой, возраст и профессия тут не помеха. Рисунки надо выполнять черной тушью, желательно на белой плотной бумаге. Примерный размер: 15×20 см. Чем оригинальней, остроумней рисунок, тем больше шансов у автора получить проходной балл на журнальные страницы.
На конвертах делайте пометку: «Юмор-85». Полностью укажите имя и фамилию.
Итак, удачи!

Рисунок
Л. КУЗНЕЦОВОЙ,
Северодвинск

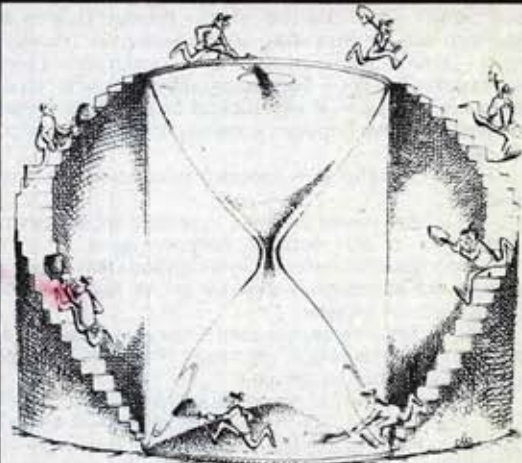

Рисунок
А. МОРИНА,
Таллин

Наш адрес: 101457, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14. Телефон для справок: 212-15-07. Рукописи, фото и рисунки не возвращаются. Рукописи объемом более одного авторского листа (24 машинописных страницы) редакцией не рассматриваются.

Сдано в набор 19.12.84. Подписано к печати 02.01.85. А 04701. Формат 70×108¹/₈. Глубокая печать. Усл. печ. л. 5,60. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 17,50. Тираж 1150000 экз. Изд. № 335. Заказ № 4077. Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда», 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

**27-я
ШАХМАТНАЯ
ОЛИМПИАДА**

Под редакцией
гроссмейстера
Виктора ЧЕПИЖНОГО

СИЛА ПЕШКИ

Пешка — самая слабая боевая единица в шахматной армии. Но по мере приближения ее к последней горизонтали, где она может превратиться в любую фигуру, сила пешки несравненно возрастает. В практической партии лишь в исключительных случаях проходная пешка превращается не в сильнейшую фигуру — ферзя. Но шахматную композицию как раз и интересуют эти исключения! Так называемые слабые превращения — одна из старейших тем шахматных задач и этюдов. В этих композициях яркая идея и конкретный расчет торжествуют над голым практицизмом и грубой силой. Парадоксальным образом слабые фигуры — слон, конь и ладья — оказываются в определенных позициях сильнее самого ферзя! В большинстве случаев мотивировка превращения пешки в слабую фигуру весьма проста, но эстетическое воздействие таких ходов неоспоримо.

Рассмотрим для примера миниатюру Д. Мизеса (1882 г.).

После 1. Сс3! — цугцванг! В варианте 1. ...Крс7 следует «обыденное» превращение пешки: 2. е6Ф+ Крd6 3. Сb4x. Превращение в ферзя, но на матующем ходу, осуществляется и после 1. ...Крe8 2. Сb5+ Кр:f7 3. е6Fx. А вот продолжение 1. ...Крс6 требует более тонкой игры со стороны белых,

Мат в 3 хода

иначе не уложится в заданное число ходов: 2. е6К! Крс5 3. Лс7x.

Итак, задания на тему превращения пешки.

Третий тур

I

Белые: Крс5, Сс8, Кd6, пп. а5, d7 (5)
Черные: Крb8, Ка8 (2)
Мат в 3 хода (2 балла)

II

Белые: Крg3, Сg7, пп. d7, e7, h6 (5)
Черные: Крg6 (1)
Мат в 3 хода (3 балла)

III

Белые: Кра6, пп. с5, d7, e7 (4)
Черные: Кра8, Сb8, п. с6 (3)
Мат в 3 хода (3 балла)
Ответы на задания присылайте только на открытках (без конвертов) с пометкой «27-я шахматная олимпиада. 3-й тур». В трехходовках достаточно указать только два первых хода решения. Последний срок отправления ответов (по почтовому штемпелю) — 1 апреля.

**3-я
ШАШЕЧНАЯ
ОЛИМПИАДА**

Под редакцией
заслуженного
тренера БССР
Виктора КРАМАРЕНКО

**ВЫСШИЕ ТИТУЛЫ —
У СОВЕТСКИХ
ШАШИСТОВ**

Многие читатели спрашивают, какие высшие шашечные титулы завоевали советские спортсмены.

Кто является чемпионом Советского Союза?

В прошлом году организованному шашечному движению в СССР исполнилось 60 лет. Советские шашкисты отлично встретили юбилей, завоевав все высшие звания, разыгрываемые среди шашкистов по календарю Всемирной федерации шашек (ФМЖД). Чемпионаты мира проводятся только по столоточным шашкам.

В столице Сенегала Дакаре минский гроссмейстер А. Гантварг в третий раз завоевал титул шашечного короля. Бронзовая медаль у ленинградца М. Кореневского. 20-летняя минская студентка Е. Альтушуль в четвертый раз стала шашечной королевой! Чемпионат Европы выиграл 19-летний харьковчанин В. Вирный, чемпионат мира среди юношей — А. Чижов из Ижевска. Второй раз подряд чемпионом мира по переписке стал В. Агафонов (Московская область). Сборная команда СССР является сильнейшей в мире. В тринадцатом по счету матче со сборной Нидерландов победа была также на стороне наших шашкистов.

Чемпионом СССР второй год подряд стал 22-летний ленинградский гроссмейстер А. Дыман, чемпионкой — харьковчанка О. Левина, чемпионками СССР среди юниоров — харьковчанин В. Колесник и одессит А. Бессчастнов, среди девушек победительницей оказалась минчанка О. Садовская; чемпион СССР по переписке — В. Агафонов, чемпионка — Е. Юсупова.

Каждый год во время зимних каникул проводится Всесоюзный турнир ДЮСШ «Большие шашки». Второй раз подряд его выиграли ребята из Риги.

В соревнованиях по русским шашкам чемпионом СССР стал 17-летний москвич А. Шварцман, чемпионкой — горьковчанка А. Лазаренко, чемпион среди юношей — М. Киселев из Риги, среди девушек — Т. Серегина из Нижнего Тагила и Н. Бодян из Бендер. Чемпион СССР по переписке — В. Айрапетян из Баку, среди женщин — одесситка С. Устименко.

При ЦК ВЛКСМ создан клуб «Чудо-шашки», в котором принимают участие миллионы школьни-

ков. В финале победительницей стала дружина имени О. Кошевого СШ №3 г. Бендеры.

Особый интерес в этом году вызывают командные соревнования. Во второй половине мая в Нидерландах предполагается провести Кубок мира, в котором примут участие сборные команды континентов (Америки, Африки и Европы), а также СССР и Нидерландов. Турнир пройдет в два круга, состав команд: 3 участника и 1 запасной. В ноябре состоится I Всемирная шашечная олимпиада. Чемпионат мира среди женщин намечено провести в Париже в августе. В октябре состоится матч за звание чемпиона мира между А. Гантваргом и голландским гроссмейстером Р. Клерком.

Третий тур

С. Жабчик, Ровенская область.
Публикуется впервые.

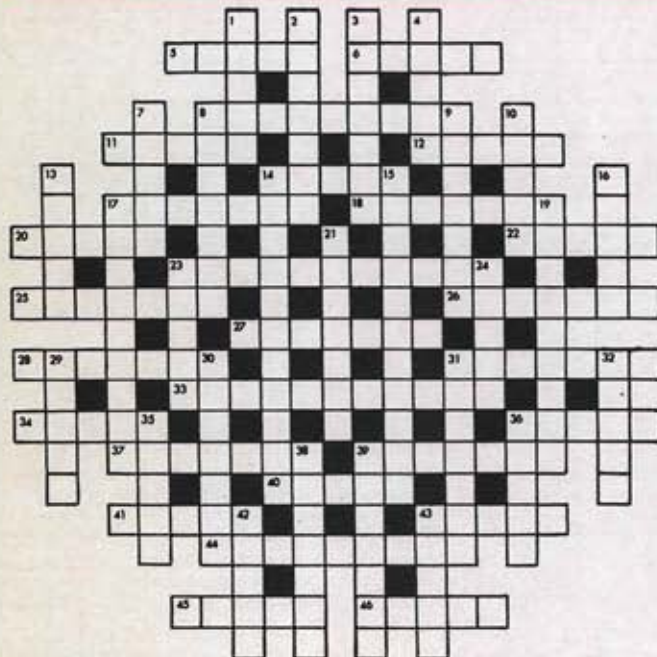

В обеих позициях белые начинают и выигрывают (по 3 балла).

Последний срок отправления ответов на задания третьего тура — 1 апреля (по почтовому штемпелю).

КРОССВОРД

Составил А. ГРОМОВ,
г. Тольятти
Куйбышевской области

По горизонтали:

5. Картина А. Пластова. 6. Вражда, ссора. 8. Вокальная форма в оперной музыке. 11. Засахаренный фрукт или фруктовая корка. 12. Начальная форма смерча. 14. Украинская народная пляска. 17. Военное стрельбище. 18. Гонки на микроавтомобилях. 20. Венгерское просо. 22. Тонкая плотная ткань. 23. Жидкость с эфирным запахом для производства вискозы. 25. Соединение, соприкосновение. 26. Морская рыба с вкусным мясом и ценной кожей. 27. Глубокая морщина. 28. Один из основоположников чешской национальной музыки. 31. Молодой сахар. 33. Русский писатель, автор «Очерков бурсы». 34. Пастух. 36. Административно-территориальная единица. 37. Воинское звание. 39. Дикая утка с несъедобным мясом. 40. Промежуток между плитами фриза, украшенный рельефными изображениями. 41. Пресноводная рыба. 43. Химический элемент, названный по имени небольшого шведского селения. 44. Наука о земной коре. 45. Авиационное подразделение. 46. Рассказ А. П. Чехова.

По вертикали:

1. Поклонник, ценитель изящного. 2. Духовой музыкальный инструмент. 3. Восточная скаковая лошадь. 4. Обычная конфигурация речного русла. 7. Шумный успех. 8. Книга, которой сохранилось несколько экземпляров. 9. Музыкант, в совершенстве владеющий техникой исполнения. 10. Зона деления воздушной массы на холодную и теплую. 13. Итальянский скульптор раннего Возрождения. 14. Стихотворение В. В. Маяковского. 15. Быстрая смена событий, впечатлений. 16. Тип соцветия. 17. Овощное растение. 19. Звездная система. 21. Специалист в области сельского хозяйства. 23. Металлические отходы для переплавки. 24. Вторая по длине река в Европе. 29. Легкая прозрачная ткань. 30. Выборный орган. 31. Ударный музыкальный инструмент. 32. Бессмысленное мудрствование, нелепица. 35. Крыша на столбах для защиты от дождя. 36. Соединение химического элемента с кислородом. 38. Элементарная частица. 39. Порода охотничьих собак. 42. Рабочая часть зерноуборочного комбайна. 43. Вид пирожного.

**ОТВЕТЫ
НА КРОССВОРД,
ОПУБЛИКОВАННЫЙ
В №2**

По горизонтали:

5. Джалилов. 7. Черкеска. 11. Фотокорреспондент. 12. Бухта. 13. Испанец. 16. Чомгала. 18. Торит. 20. Новатор. 22. Шагрен. 23. Ленинград. 24. Истод. 25. Холст. 27. Балаганов. 29. Поролон. 30. Вокализ. 31. Фигус. 34. Знамья. 35. Патиапа. 36. Класс. 39. Литературоведение. 40. Веретено. 41. Ерофеева.

По вертикали:

1. Шашка. 2. Домрист. 3. Темплет. 4. Окунь. 5. Диффузор. 6. Автотрансформатор. 8. «Светопреставление». 9. «Антигона». 10. Легар. 14. Полигалит. 15. Никарагуа. 17. Жолобов. 19. Садовый. 21. Редан. 22. Шахов. 26. Корнилов. 28. Биосфера. 31. Фардинг. 32. Кимры. 33. Словарь. 37. Эрато. 38. «Юдифь».

шаги

Башкирская республиканская выставка молодых художников...

Разнообразие манер, тем, широкий охват имен в экспозиции привели сюда многочисленных зрителей. И каждый пришедший на выставку нашел «своего» художника. Особенно привлекают простотой, четкостью и яркостью живопис-

ного и пространственного решения портреты И. Бикбулатова, тонкие, элегантные пейзажи М. Спиридонова. М. Спиридонов выставляется не впервые и замечен своим творчеством. Его одухот-

И. БИКБУЛАТОВ. ПОРТРЕТ СЫНА.

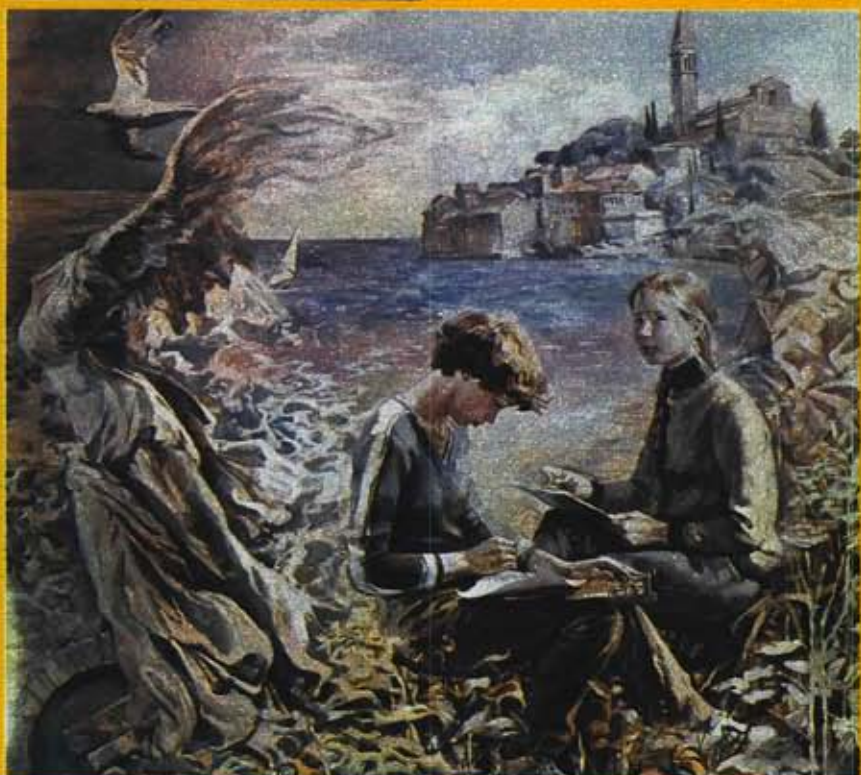
И. БИКБУЛАТОВ. ПОРТРЕТ НАРОДНОЙ АРТИСТКИ БАССР НУРИИ ИРСАЕВОЙ.

воренное восприятие природы и тщательность, мастерovitость рисунка восходят к школе старых мастеров. А вот портрет «Пенсионер из колхоза «Сибай» художника Г. Калитова. Портрет психологически завершен: на полотне виден глубокий народный характер труженика, достоинство доброго, мудрого сельского жителя, живость веселого, радостного человека. Изысканность живописной кисти демонстрирует художник Р. Латыпов в своей картине «Бриз». От выставки к выставке совершенствуют свое мастерство В. Чиков, Н. Пеганов, И. Фартуков, А. Королевский, С. Шамаева, Е. Захарова, Р. Харисов... Почти все они участники зональных выставок «Урал социалистический». У каждого свой почерк, у каждого чувствуется стремление к поиску новых тем, жизненного материала.

Конечно, представленное на выставке творчество далеко не равноценно. В

Р. ЛАТЫПОВ. БРИЗ.

Г. КАЛИТОВ. ПЕНСИОНЕР ИЗ КОЛХОЗА «СИБАЙ».

М. СПИРИДОНОВ. ПЕЙЗАЖ.

работах иных авторов легко увидеть просчеты и недочеты, но не это главное. Важно, что представительная встреча с молодыми живописцами Башкирии состоялась, запомнилась. И уже в следующий раз среди новых имен, которые, несомненно, появятся, взгляд будет искать и тех, кто уже успел подарить нам радость встречи с истинным искусством

Гудель АГИШЕВА